

[Polaris]

Николай
ПОЛСТОЙ

ЦАРИ МИРА

Русский оккультный роман

Том VIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCVI

Salamandra P.V.V.

**Николай
ТОЛСТОЙ**

ЦАРИ МИРА

**Роман по неизданным
документам**

Русский оккультный роман
Том VIII

Salamandra P.V.V.

Толстой Н. А.

Цари мира: Роман по неизданным документам. Илл. А. С. Першина. Подг. текста и прим. М. Фоменко (Русский оккультный роман. Т. VIII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 160 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCVI).

Интрига романа католического священника и писателя-фантаста Н. А. Толстого (1867-1938) «Цари мира» связана с небывалым изобретением русского ученого Филиппова, позволяющим передавать на большие расстояния взрывную электрическую энергию. За изобретением охотятся масоны-сатанисты, французские власти и итальянская каморра...

© Author, estate, 2019

© M. Fomenko, подг. текста, прим., 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ЦАРИ МИРА

Роман по неизданным
документам

I

В одно холодное августовское утро 1900 года на улице Анонсиасьон в предместье Парижа царilo необычайное оживление.

Из монастыря сестер-кармелиток выселяли его обительниц, заслуживших давнишнюю симпатию всего бедного населения околотка. Но закон, только что проведенный Вальдеком, был неумолим, и полиция должна была его исполнить.

Монахини сопротивления не оказывали. Они послушно выходили попарно из раскрытых настежь, никогда прежде не открывавшихся железных — с прочной решеткой — ворот, садились на приготовленные фиакры и, не обращая внимания на толпу и на полицейских, осеняли себя крестным знаменем и поочередно отъезжали по направлению к центральной части города, откуда, с вокзала Сен-Лазар, должны были направиться в Англию, навсегда покинуть дорогое отчество.

Уже целая вереница черных плащей и белых кремовых сутан прошла перед зрителями, громко выражавшими свое негодование на жестокость правительства. Остались только две пары монахинь, и в числе их мать Мария де ла Круа, сама игуменья, которая, как капитан корабля, хотела последней покинуть оставленные владения. Но при виде ее полицейские величаво остановили подвигавшуюся группу, и комиссар, приподняв шляпу, спросил:

— Вы госпожа Дюпон?

— Я сестра Мария, — тихо, но твердо ответствовала монахиня. — В миру была Анна Дюпон, и не понимаю, чего вам еще от меня нужно... Вы разорили монастырь, закрыли и запечатали нашу домовую церковь, забрали наше небольшое имущество и, наконец, выгнали нас из собственного нашего дома без всякого с нашей стороны сопротивления. Чего вам теперь от нас нужно?

— Сударыня, я очень извиняюсь за причиненное вам и вашим сестрам беспокойство, но я человек подвластный и

должен исполнить свой тяжелый долг до конца. Вы должны понять...

— Пожалуйста, короче, господин комиссар. Меня ждут сестры, которые торопятся на поезд.

— Извините меня, сударыня. Эти дамы поедут без вас...

— Почему это? — спросила игуменья дрогнувшим голосом, предчувствуя недобroе.

— Я имею приказ вас арестовать.

Толпа заволновалась. Неодобрительный гул негодующих голосов волной пронесся по улице. В это время какая-то бедно одетая женщина, с шестилетним ребенком на руках, протискалась до самой кареты, в которую комиссар на мереился посадить игуменью. Одной рукой придерживая ребенка, она другой дотронулась до рукава монахини, чтобы обратить на себя внимание.

— А, это ты, Габриэль! Пришла проститься со мной? — сказала она, наконец, заметив ее. — Видишь, меня увозят! Терпенье!

— Матушка! Добрая матушка! Я вас более не увижу! Благословите на прощанье меня и маленького Тото!

— Бог тебя благословит, моя дорогая Габриэль, ты будешь счастлива, ты увидишь лучшие дни... Твой сын вырастет, будет добрым, умным и бравым тружеником, как его отец. Я буду молиться о вас обоих.

— Ваше благословение, мадам Дюпон, им, несомненно, принесет счастье, — сказал, улыбаясь, комиссар. — А теперь потрудитесь занять место в карете вместе с тремя вашими приближенными, и нам пора отправляться.

Четыре кармелитки, одна за другой, вошли в карету, которая поплелаась по направлению, противоположному предыдущим, сопровождаемая полицейскими чиновниками.

— За что арестовали мать-игуменью? — говорили в толпе, и тотчас же стали появляться самые нелепые предположения.

— У нее оказался миллион, который она хотела спрятать от правительства, — говорил один.

— Нет, она, должно быть, неверно показала число сестер, — предполагал другой.

— Вовсе нет. В монастыре нашли огромное количество детских трупов, — выдумывал третий.

— Она была немецкой шпионкой, и правительство нашло у нее компрометирующую переписку, — с апломбом увержал четвертый.

— Может быть, узнали, что она переодетый Дрейфус? — шутил пятый.

— Я вам скажу, в чем дело, — отрицал следующий, — но это секрет: за беспатентную торговлю табаком...

— Мы сейчас узнаем. Вот идет господин помощник комиссара, он должен знать, он нам скажет, — закричали в толпе.

— Господа, расходитесь. Мадам Дюпон арестована по приказанию господина префекта полиции за принадлежность к военной иезуитской организации для ниспровержения республиканского строя. Не беспокойтесь. После допроса ее выпустят на свободу, и она благополучно присоединится к своим товаркам заграницей. Ей дурного не сделают.

Толпа стала расходиться. Не все верили, чтобы заключенная монахиня могла участвовать в антиправительственной организации. Но все удовлетворялись словами господина помощника комиссара, что «ей дурного не сделают», и только некоторые иронически замечали, что дурного ей сделали уж порядочно, и хуже того зла, которое уж причинили ей с сестрами, никто в свете сделать не может.

Парижская толпа расходится не скоро: ей нужно потолковать, обсудить происшествие, посмотреть, если есть что, и еще поговорить. Поэтому, когда господин помощник комиссара вошел в опустевший монастырь, часть толпы осталась на улице, а другая двинулась вслед за ним посмотреть обиталище монахинь, то святая святых, в которое никогда еще не вступала нога ни одного мужчины, — даже священника. Молодежь ходила по пустым кельям, смеялась, постукивала по глухим стенам — не окажется ли где-нибудь потайного хода или замуравленной за непослушание монашенки. От чердака до погреба, все представляло полное запустение, одни голые стены, кое-где самая прос-

тая мебель, соломенные тюфяки и железные умывальники. В комнате, по-видимому, принадлежавшей настоятельнице, валялись кое-какие клерикальные газеты, обрывки писем. Все это не было интересным. Но вот в углу, у самой кровати, полицейский заметил тщательно сложенное письмо, видимо, впопыхах оброненное при выходе из комнаты. Он его поднял, взглянул на подпись.

— А, это инженер Дюпон, брат монахини. Посмотрим, что он пишет! Едва ли что-нибудь важное.

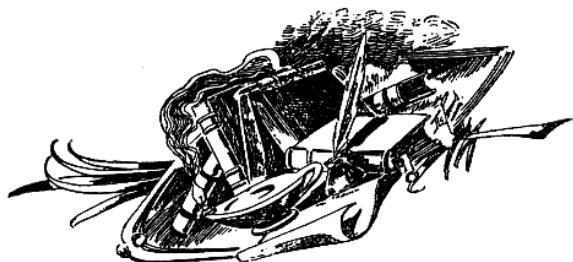
Но лицо полицейского тотчас же изменилось, когда он стал пересматривать свою находку. Он побледнел, руки его задрожали, и он, не помня, что делает, громко прочел перед всеми присутствующими следующие строки:

«Сестра, наша победа обеспечена! Мы не только будем господствовать во Франции, но можем сделаться хозяевами всего мира. Мой друг, русский электротехник Филиппов, изобрел “силу”,ирующую на расстоянии нескольких тысяч километров взрывать мины, разрушать крепости и поражать электрическим ударом намеченного вра-

га. Он не успел воспользоваться своим открытием. В тот самый день, когда он опубликовал о своем изобретении в газетах, обещая раскрыть свою тайну перед всем миром, думая этим сделать войну невозможной, несчастный был найден задушенным в своей комнате, или, вернее, в своей лаборатории. Врачи констатировали отравление газами, над которыми он работал. Но, может быть, дело обстояло иначе. Я уверен даже, что было иначе; мне кажется, что мы стоим пред лицом возмутительного злодейства. Во всяком случае, после его смерти его секрета не нашли; не знаю, искали ли, а если и искали, то лишь для того, чтобы его уничтожить. Бедный погибший друг! Прежде, чем рисковать жизнью для науки и блага человечества, он предчувствовал опасность, — он успел передать свой секрет в надежные руки. Короче, я им владею, я им воспользуюсь, и пусть тень моего друга не сетует, что я оказался большим патриотом, чем он. Да здравствует Франция!»

— Скорее к телефону, пока не поздно! Заговор гораздо сильнее, чем мы думали.

С этими словами помощник комиссара бросился из монастырского здания на улицу, вскочил в первый попавшийся фиакр и, крикнув кучеру: «Стой на чай!», полетел с быстротой экспресса к господину префекту Сены, градоначальнику столичного города Парижа.

II

Господин Лепен, начальник парижской полиции, находился в самом дурном расположении духа. Он не так давно повредил себе ногу, участвуя в процессии богини Разума на Монмартрском бульваре в тот самый день, когда эти клерикалы праздновали открытие национальной монмартрской базилики. Это они накликали на него несчастье. Господин Лепен суеверен, но считает себя «без предрассудков», что не мешает ему прислушиваться к голосу различных гадалок и хиромантов. Вот один из них ему предсказал, что он сломает ногу в борьбе с клерикализмом. Это предсказание исполнилось слишком буквально... как тут не быть суеверным?

Господин Лепен не в духе. Его раздражает неунимающаяся боль в правом колене, несмотря на уверение врача, что он не должен ее чувствовать. Его раздражает эта бесцельная война с прежними сестрами милосердия, с безгласными затворницами монастырских приютов, которых он принужден выселять и описывать их имущество. Его раздражает глупая и некрасивая роль, которую правительство возлагает на него и на полицию. Что хуже для француза, как служить посмешищем толпы! А его вчера, на большую ногу, послали в Бисетр арестовать важного преступника, и что же оказалось? Мэр издал запрещение духовным лицам показываться на улице в сутане. Этого было достаточно, чтобы все кюре и монахи Парижа дали себе randevu в этом предместье! Улица с утра до ночи кишила рясами всевозможных цветов и покроев, и когда при помощи полиции арестован был для острастки один из демонстрантов, то он оказался не священником, а корреспондентом газеты «Матен», нарочно обрившим усы, чтобы посмеяться над господином мэром! «Что же вы нас не арестуете?» — говорили другие. «Если у вас мэр идиот, это не значит, что и мы должны быть такими», — не вытерпел кто-то из полицейских, и эта фраза попала в «Матен», и сегодня это читает вся Франция...

Стук в дверь заставил Лепена опомниться.

— Войдите, — сказал он и тотчас же сделал вид, что углублен в кипу разложенных на его столе бумаг.

— Госпожа Дюпон, арестованная по вашему приказанию, — сказал вошедший комиссар и пропустил в кабинет монахиню.

Лепен приподнялся ей навстречу и, указав на стул, попросил садиться. Игуменья села.

— Госпожа Дюпон, прежде всего, я должен вас успокоить. Ваш арест — пустая формальность. По предписанию верховного суда, вы должны оставить Францию и более в нее не возвращаться. Мне предписано удостовериться в том, что вы уезжаете и, если вы мне дадите честное слово, что сегодня же уедете, я избавлю вас от докучливых провожатых.

— Делайте, что вам приказано, господин префект. Но мне кажется, не стоило труда арестовывать человека в ту минуту, когда он едет на поезд, чтобы требовать его обещания

уехать, и освободить его, когда его поезд уже ушел.

— У вас в распоряжении 12-часовой экспресс, — сказал Лепен, взглянув на часы, — если вы направляетесь туда, куда отправились ваши товарки. Мне было велено помешать вам ехать с ними вместе ввиду нежелательных демонстраций со стороны бретонских жителей. Итак, вы свободны, и прошу извинить за беспокойство, — я с дамами не воюю, и вас за преступницу не могу считать только за то, что вы носите сутану и имеете другие политические убеждения, чем мы, республиканцы...

И он галантно, несмотря на боль в ноге, встал и с низким поклоном растворил дверь.

— Проводите госпожу Дюпон к ее карете. К вашим услугам, сударыня.

Монахиня тихо вышла, еле кивнув головой.

Лепен принялся за свои бумаги. Расположение духа у него поправилось: он был доволен собой и тем, что с мадам Дюпон не вышло никаких осложнений. Ведь кто знает этих монахинь! От них или через них всегда ожидал неприятностей. Он совершенно углубился в текущие дела. Прошло не более получаса, как сильный и частый стук в дверь неприятно прервал его размышления.

— Что еще там такое? — недовольным тоном пробормотал он, и не успел сказать «Войдите!», как в комнату его, как бомба, влетел полицейский чин и, задыхаясь, проговорил:

— Господин префект! Скорее прикажите ее арестовать!

— Кого? — удивленно спросил Лепен, не узнавая сразу пришедшего.

— Монахиню, монахиню, господин префект! Я открыл заговор!

— Ах, это вы, господин Ленотр. Простите, я вас сразу не узнал. Объясните же, в чем дело?

Вместо ответа Ленотр протянул письмо, найденное в келье мадам Дюпон, от ее брата, а сам подбежал к телефону и позвонил на станцию Сен-Лазар. В эту минуту часы пробили полдень.

— Опоздали! Опоздали! — как в оперетте Оффенбаха, воскликнул полицейский, бросая телефонную трубку.

— И телеграф тоже не для собак выдуман, — сказал Лепен, уже успевший ознакомиться с документом. — Прикажите телеграфировать в Руан об их аресте и немедленном доставлении обратно.

III

Когда сестра Мария вышла от префекта и, сев в карету, объявила трем остальным сестрам, что они свободны, все с облегчением перекрестились. Сам комиссар запер дверцы и, крикнув кучеру: «Вокзал Сен-Лазар», пожелал им счастливого пути. Экипаж тронулся. Лошади неслись крупной рысью, так как до отхода поезда оставалось не более полчаса. Оправившись от пережитого волнения, кармелитки весело защебетали, как будто с ними ничего особенного не произошло. Старшая подробно рассказала подругам, как произошел ее визит к начальнику полиции и что он ей сказал.

— Вы боялись, матушка? — спросила та, которая сидела рядом с игуменьей и, видимо, была ее приближенной.

— Я боялась только одного: как бы меня не стали обыскивать. Я едва успела спрятать в корсаж письмо моего брата, когда явилась полиция.

И она машинально сунула за корсаж руку, чтобы поправить письмо...

— Что это, сестра? Я его не нахожу! — с возрастающим беспокойством проговорила она, шаря у себя по карманам.
— Сомнения нет: я его выронила у господина префекта! Боже милостивый, вразуми меня, что мне теперь делать!

Сестры, очевидно, знали тайну письма, так как пришли в необыкновенное волнение.

— Мы пропали, — твердили он, — и все дело погибло!

В это время подъезжали к вокзалу. Было без пяти минут двенадцать.

— Скорей, скорей! — торопила игуменья.

Они вышли из кареты, поспешно поднялись в главный зал, прошли на дебаркадер, где смешались с отъезжающей толпой. По знаку игуменьи, они сели по две в разные вагоны передаточного поезда, который тут же тронулся.

«Мы полицию собьем с толку, — решила игуменья. — Она будет нас искать по пути в Лондон, а мы на вокзале дю-Норд пересядем в экспресс на Брюссель, и через три часа бу-

дем в Бельгии».

* * *

Когда Ленотр вышел от префекта, тот, не теряя времени, схватил телефонную трубку и, велев соединить себя с начальником станции Сен-Лазар, крикнул в телефон:

— Не отправляйте экспресса на Дьепп, не обыскав поезд. Задержите четырех монашёнок-кармелиток с улицы Анонсиасион в Пасси.

— Мы едва ли успеем, господин префект, — был ответ.
— Хотя поезда у нас отходят с опозданием на 5 минут, как на всех французских дорогах, но, если мы задержим поезд более, чем на четыре минуты, может произойти столкновение с курьерским из Гавра. Я лучше дам знать в Руан, и там разыщут ваших пациенток.

«Опять я опоздал, — подумал Лепен, — а как хотелось натянуть нос полицейскому, который не знает, что часы на парижских вокзалах, во внутреннем дворе, отстают на 5 минут! Но дело еще не проиграно. В Руане их арестуют, и я узнаю адрес этого Дюпона, и тогда все нити националистического заговора будут у меня в руках!»

Сильный звонок в телефон заставил его вздрогнуть.

— Алло! Сен-Лазар. Господин префект, ваши монашёнки арестованы. Прикажете их препроводить к вам?

Лепен не помнил себя от радости. Подойдя к другому телефону, он позвонил:

— Господин министр, — сказал он в трубку, — имею честь доложить, что сегодня, при выселении монашёнок в Пасси, был найден и доставлен мне очень важный документ, раскрывающий всю чудовищность клерикального заговора. Сестра главного заговорщика, — сама игуменья, госпожа Дюпон, — мной задержана вместе с тремя главными сообщницами.

— Великолепно, поздравляю вас, господин Лепен. Я бы сам желал допросить их! Вы разрешите?

— К вашим услугам, господин министр. Они будут у меня через маленькую четверть часа.

— Так я сам зайду к вам.

— Я ваш покорный слуга.

Лепен еще веселее зашагал по комнате. Боль в ноге совершенно исчезла. Он уже предвкушал удовольствие видеть довольное лицо министра. Это дело, несомненно, упрочит его положение при нынешнем кабинете... Но вот кто-то подъехал... Министр подымается по лестнице, префект спешит ему навстречу...

— Мой дорогой Лепен, как вы меня обрадовали! Пройдемте к вам в кабинет...

— Ваше превосходительство, я весь, весь к вашим услугам... Но вот, кажется, и эти дамы подъехали... Можно велеть просить их войти?

И на ответный кивок премьера французского кабинета Вальдека-Руссо Лепен поспешил отворить дверь. Перед ним представали два агента железнодорожной охраны и четыре молоденьких кармелитки с улицы Пасси в белых передничках послушниц.

— Не те! — воскликнул Лепен и в изнеможении опустился на кресло перед раскрывшим рот от изумления министром.

IV

Не все кармелитки уехали с утренним поездом. Четыре новициатки, не более года тому назад вступившие в общину, решились в последнюю минуту остаться в Париже до следующего поезда, чтобы, если возможно, узнать, что случилось с ее преподобием и отчего она опоздала на поезд, который уносил ее сестер в невольную ссылку.

«Может быть, — думали девочки, — сможем быть полезными матери-игуменье?»

Но вот их поезд отошел. Прошел долгий, томительный час, подали с запасного пути новый; нахлынула толпа, среди которой молодые послушницы скоро заметили знакомые им четыре капюшона и узнали в них свое начальство.

— Скорее билеты, — сказали они и побежали навстречу толпе в общую залу.

Насилу пробились. У кассы толпа.

— Четыре билета в Лондон.

— Готово, мадам, но спешите, сейчас поезд отойдет.

Они — на перрон. Поезд почему-то запаздывает, и они свободно бегут мимо вагонов, то и дело вскакивая на ступеньки дамских отделений и посматривая внутрь.

— Нет, не здесь!

И они бегут дальше все шибче и шибче. Оглядываются, — за ними бежит кондуктор, за кондуктором два сторожа, за сторожами и сам начальник станции.

— Стойте, сестры, нас заметили, сядем скорее в первое попавшееся купе, а то мы возбуждаем внимание. При первой же остановке пересядем в вагон к игуменье.

И, второпях заметив открытую дворцу в купе 3-го класса для курящих, все четыре бросились туда; несмотря на то, что там не оказалось ни одного свободного места и что их появление подняло хохот всех там сидевших мужчин с трубками, сигарами и папиросами, они с растерянным видом смотрели во все стороны и не думали уходить, пока один из пассажиров не сказал:

— Садитесь, мадам, садитесь, не стесняйтесь! Мы к вашим услугам.

Тогда они бросились к выходу и попали в распластер-тые объятия полицейских.

— Вот они, вот они! Теперь давайте свисток: может отходить.

Таким образом бедные послушницы попали к Лепену. Недоразумение выяснилось. Сестер отпустили; перед ними извинились и даже очень поблагодарили за ценное сведение: они своими глазами видели и утверждали под честным словом, что игуменья со старшими сестрами села в дьеппский экспресс. Значит, не все еще потеряно.

Министр завтракал у Лепена. Оба ждали с нескрывае-мым нетерпением телеграммы об аресте сестер в Руане.

Наконец, в три часа дня пришла давно ожидаемая телеграмма:

«Экспресс в Дьепп пришел. Кармелиток не оказалось. Кондуктор, обошедший вагоны во время хода поезда, утверждает, что никаких монахинь у него в поезде и не было».

Сомневаться в правдивости телеграфного сообщения не приходилось. На этой станции были опытные начальники охраны, лично знакомые самому господину министру. Сомневаться в словах новициаток, что игуменья села в вагон, тоже нельзя было, тем более, что видели подъезжавший с ними фиакр в две лошади, и на это многие обратили внимание. Притом и номер фиакра был известен и оказался записанным в числе прибывших на вокзал Сен-Лазар в 12-м часу. Итак, монашенки могли исчезнуть только из самого поезда, на полном ходу. Эта задача казалась неразреши-мой даже самому Лепену, видавшему виды на своем посту начальника парижской полиции.

— Вы мне сообщите новости, когда сами будете их иметь, — сказал Лепену Вальдек и, сухо простившись с ним, отправился возвращаясь.

«Не поехать ли мне к гадалке?» — подумал Лепен и тотчас же решил привести свой план в исполнение.

К чести господина Лепена, мы должны заметить здесь, что это вовсе не был его обычный способ ловли преступников. Но сегодня, не зная, что делать, и вспомнив исполнившееся предсказание о сломанной ноге, он решил изменить своему всегдашнему методу и обратиться к экстраординарным средствам. И он не раскаялся. Гадалка, известная мадам Елизабет, как только он рассказал ей свое злоключение, воскликнула:

— Мой «ангел» мне сейчас все откроет. — И затем продолжала нараспев: — Вы говорите, что они сели в вагон?

— Да.

— И когда поезд тронулся, их уже не было?

— Да.

— В таком случае, они вышли из поезда до его отхода. Это ясно как день!

Лепена точно озарило: «Да, несомненно, это так! Они перешли на другой поезд. Но на какой?»

Сметливость полицейского в нем тотчас же снова сказалась. Игуменья должна была стремиться как можно скорее перешагнуть границу Франции. Ближайшая — бельгийская. Там и надо ее искать. И он, поблагодарив ясновидящую, поспешил в ближайшее телеграфное отделение.

«Мобеж. Задержите монахинь, следующих в Брюссель из Парижа со скорым поездом».

Телеграмму отправили при нем без замедления.

Он дождался ответа:

«Будет исполнено. Парижский экспресс приходит сюда через час. О результатах сообщим телеграммой».

Успокоенный Лепен возвратился домой. Между тем, дичь, за которой охотился префект полиции, прескокойно пересела на Гар-дю-Норд в поезд на Кале и, прибыв в этот город, беспрепятственно пересела на пароход Кале-Дувр в то самое время, как доведенный до бешенства Лепен читал телеграмму из Мобежа:

«Поезд прибыл, монашенок не оказалось».

В 10 часов вечера поезд высаживал своих пассажиров в Лондоне, на вокзале Виктория, и восемь монахинь, в том числе и подоспевшие послушницы, переночевав в гостинице, направлялись на остров Уайт, где их ожидали гостеприимные английские сестры их ордена, уже беспокоившиеся, так как не находили их в числе ранее прибывших кармелиток.

Итак, Лепен был сбит с толку. Его подчиненные наперевы подсказывали свои предположения и проекты, но он их не хотел и слушать. И только, когда прибыл к нему Ленотр, его лицо просветлело, и он с затаенной надеждой обратился к нему:

— Что нового, мой дорогой Ленотр?

— Господин префект! Я напал на следы наших беглянок. Они со станции Сен-Лазар переехали на станцию Дю-Норд и оттуда со скорым поездом направились прямо в Лондон.

— В котором часу приходит в Кале этот поезд? — спросил Лепен.

— В семь часов вечера, и тотчас же отходит пароход в Англию.

— Ну, а теперь который час?

— Ровно восемь.

— Значит, мы опять опоздали!

— Опоздали, господин префект, но часть полиции сохранена.

— Но почему же вы тотчас не сделали соответствующего распоряжения по телеграфу, как только узнали, что они едут по тому направлению?

— Я сделал, господин префект, и опять-таки опоздал.

— Как это?

— Я телеграфировал пограничной полиции в Кале: «Арестуйте четырех кармелиток, едущих из Парижа со скорым поездом». Получаю ответ: «Поезд пришел. Восемь монахинь уже сидят на палубе английского парохода, и задер-

жать их мы не имеем права. К тому же, мы не знаем, которых».

— Но нам нужен адрес этого Дюпона, во что бы то ни стало!

— Поручите это дело мне, господин префект. Я узнаю его адрес, и — кто знает! — может быть, мне удастся похитить у него и сам секрет, который он получил от русского инженера.

— Согласен, господин Ленотр. Если вы с успехом выполните это поручение, будьте уверены в моей благодарности. Вы получите повышение по службе, и я вам это обещаю. А теперь дайте бланк, я напишу вам отпуск на месяц, но ни одна живая душа не должна знать, куда вы отправляетесь. Зайдите к моему казначею, он даст вам аккредитив на все французские и заграничные банки. До свиданья и в счастливый путь!

Час спустя Лепен был у министра и докладывал ему о бегстве госпожи Дюпон и о принятых им мерах отыскания ее брата. Вальдек спешил на экстренное заседание «Великого Востока» и слушал рассеянно. Он не очень-то доверял способностям Ленотра. Но другого плана у него в виду не было и приходилось довольствоваться этим. Отпустив Лепена, он направился на рю Кадэ, где помещалась масонская ложа.

В ложе царило необычайное оживление. Когда Вальдек вошел, все бросились к нему навстречу. Главный мастер ложи, подойдя к нему, сказал:

— Вы еще не знаете? Сейчас получена телеграмма из Тулона, что там от неизвестной причины взорвались все пороховые склады, и весь город в огне!

V

Очутившись в безопасности, сестра Мария подумала о своем брате.

Какая опасность грозит ему, если только письмо его попало в руки префекта! Что это так, она не могла сомневаться, иначе — зачем погоня, зачем арест поджидавших ее послушниц, зачем, наконец, эти сбiry, которые указывали на них друг другу в Кале, смотря на отходящий корабль? Необходимо предупредить брата, который имел неосторожность подписать в злополучном письме полностью свою фамилию. И этот беспечный человек и не думает скрываться! Живет в Ницце под своей фамилией. Стоит только проследить его корреспонденцию, и он будет пойман! Нет, она этого не допустит! Писать немыслимо. Она должна сама ехать и предупредить его об опасности. Да, но сколько времени упущено!..

Пока она рассуждала сама с собой, не зная, на что решиться, взгляд ее упал на купленные ею утром в Лондоне газеты.

— Надо посмотреть, не арестован ли мой брат, — сказала она и, взяв одну из газет, стала искать известия из Франции.

Немедленно ей бросилась в глаза телеграмма из Тулона о необычайном взрыве всех пороховых складов. Она вздрогнула.

«Мой брат в этом не повинен, — подумала она. — Он не мог этого сделать. Он не мог поднять руку на свое отчество. Но теперь он ни в каком случае там не останется. Но как? Телеграфировать в Ниццу на его имя, — значит, выдать его полиции. Вот что я сделаю: телеграфирую нашему другу Дювалю».

И она быстро написала следующую телеграмму:

«Срочно. Ницца. Авеню Больсена, 43. Капитану Дювалю. Сообщите Анри, что я умоляю его безотлагательно приехать

в Геную, где его ждет очень важная телеграмма на имя Анри».

Готово. Теперь другую:

«Генуя. До востребования. Господину Анри. Жди через сутки письма, никуда не выезжай, дело идет о твоей жизни и об общем деле».

Теперь можно ему подробно все сообщить письмом.

И она позвонила, и, передав депеши, чтобы их отнесли на почту как можно скорее, села, уже почти успокоенная, писать.

Ленотр, получив отпуск и деньги, не счел нужным явиться к своему комиссару. Он уведомил его по телефону, что отлучается по служебному делу, а сам, несмотря на поздний час, возвратился в монастырь кармелиток, где подверг тщательному обыску комнату игумены. Он искал конверт злоолучного письма, чтобы узнать, из какого города оно было прислано. Но, несмотря на самые тщательные поиски, конверта он не нашел.

«Куда его дели? Конечно, получив письмо, его бросили в корзину, из корзины он попал в коробку для отбросов, оттуда — на улицу. Там его нашел тряпичник, который отнес сортировщику. Надо дождаться тряпичника. А пока составим план кампании. Если письмо заказное, то оно записано и при получении, и при отправлении. За границу ехать не стоит. Мадам Дюпон не выдаст своего брата. Я все узнаю, не выезжая из Парижа».

Ленотр вышел на улицу, крикнул дежурного полицейского и, приказав привести к нему тряпичников, которые появятся в этой местности перед наступающим утром, отправился домой и лег спать.

Еще не рассвело, когда в квартиру помощника комиссара были приведены два мусорщика. Дав каждому по двухфранковой монете, чтобы их ободрить, Ленотр начал

свои расспросы.

— Что вы делаете с найденной в мусоре бумагой? — спросил он.

— Мы ничего не делаем, сударь, мы ее не трогаем. Тряпки, кости, стекла, железо, дерево, окурки — это наше дело, но бумаги мы не трогаем: бумага никому не нужна.

«Только сон потревожил», — подумал Ленотр.

Отпустив мусорщиков, он сейчас же придумал новый план. Сев за стол, он написал объявление такого рода:

«1000 франков награды тому, кто первый укажет телеграммой точный адрес инженера Дюпона его сестре, игуменье кармелитского монастыря в Пасси, которая о нем беспокоится».

Он позвонил.

— Жан, снесите это объявление тотчас же во все главные газеты. А затем, как только откроется главный почтамт, узнайте, нет ли, случайно, писем на имя инженера Дюпона.

«Таким образом, я сразу узнаю, в Париже ли он или в провинции».

И он самодовольно улыбнулся.

VI

Собрание 23-го августа на улице Кадэ, на которое прибыл премьер-министр, было особенно многолюдно и бурно. Требовалось выработать целую программу действий для борьбы с клерикализмом и предрассудками. Главный мастер открыл заседание:

— Достопочтенные братья! Цель нашего союза «Свободных каменщиков» — всемирное братство, торжество человеческого разума, полнота человеческого счастья. На пути наших благодеяний к людям стоят вековые предрассудки, с которыми мы принуждены бороться. Франция — эта передовая нация, первая отряхнувшая оковы устаревших реформ деспотизма и произвола и зажегшая светоч свободы, снова подпадает под влияние изуверов-клерикалов. Клерикализм — вот наш враг; это сказал еще Тьер, указывая на армию черных сутан, наводнивших нашу страну. Клерикалы полонили наших жен и дочерей, наполнили армию, взяли в свои руки школы. Они конкурируют в выборах; они завели свою прессу и ведут агитацию по всей линии. Дерзость их дошла до того, что они не остановились перед призывом войск к восстанию против республики. Обаяние их стало до такой степени сильным, что само правительство ему подпало, и невинного человека заточило на Чертов остров, где он пробыл два года (*ропот негодования*), а затем помиловали его, как будто он нуждался в помиловании! Помилование, когда он требовал реабилитации! И он ее добьется! (*Крики: «Да здравствует Дрейфус!»*). Но мы использовали ошибки противника и побиваем его — его же оружием. Теперь посмотрим другую сторону дела. В руках конгрегации целый миллиард мертвого капитала, не подлежащего фиску... Этот миллиард господин министр культов обещал возвратить нации. (*Жидкие аплодисменты.*) Но он возвратит его нам. (*Гром оглушительных аплодисментов.*) А теперь слово предоставляется нашему уважаемому брату, мастеру 33 степени, господину Леону Таксилю. Он сделает нам интересное сообщение.

На трибуну взошел пожилой человек с юношески горящими глазами, но с шапкою седых волос. Зала замерла в ожидании.

— Господа магистры, мои достопочтенные братья! Я должен вам сказать, что я учился у иезуитов. Один раз, за пустячную провинность, воспитатель меня посадил в чулан на целый день и продержал на хлебе и воде. В этот самый день я возненавидел католичество и поклялся мстить клерикалам. Каким образом осуществить мщение? Я понял, что для француза всего чувствительнее насмешка и глупое положение. Я в душе комик, и решил действовать на врага особым оружием: потешаясь над его глупостью. Успех превысил мои ожидания. Еще молодым человеком я любил потешаться над человеческою глупостью. Так, во время студенческой поездки на Женевское озеро я пустил слух, что на дне его видны развалины древнего римского города. Была снаряжена целая научная экспедиция. Города не нашли, несмотря на то, что спускали водолазов, но зато многие из членов ее уверяли, что видели с парохода его развалины и даже слышали звон колоколов. (Смех.) Другой раз я напечатал в газетах, что в Марселе на пляже появились акулы-людоеды. Моя заметка наделала такой шум, что все пляжи Средиземного побережья опустели, и целый год ни одна курица не осмелилась обмочить свои лапки в соленой воде. Эти акулы, милостивые государи, были тоже моего произведения. Тогда я задумал грандиозную мистификацию, которая, несомненно, была выдающимся явлением конца века. Вы, вероятно, помните фантастическую книгу доктора Баталя о нашем Ордене. Помните, с какой жадностью на нее набросилось духовенство? Этого доктора Баталя — клерикала, вступившего в наш орден для того, чтобы узнать и разоблачить тайны масонства, никогда не существовало. Было наоборот. Автор этой книги — я, который в продолжение десяти лет морочил католиков, представляясь их горячим адептом; я начал с того, что пошел на исповедь к одному молодому духовнику. Дорогой обдумал маленькое романтическое убийство, очень правдоподобное. Должен отдать справедливость духовнику: он сохранил тайну исповеди, и

вы впервые, господа, узнаете, какой я злодей. (Смех.)

Мой новый знакомый поспешил ввести меня в клерикальное общество. Я сделался своим человеком у владыки-митрополита. Он мне посоветовал лично представиться Льву XIII, который уже был уведомлен о моем обращении. В мой визит в Рим я несколько раз бывал у Папы, который расточал мне свои ласки, называл меня своим любимым сыном, давал благословение толщиной в обхват руки, и когда я последний раз был у него, чтобы проститься перед отъездом, он меня спросил: «Чего вы желаете, мой сын? Я все для вас сделаю!». «Святой отец, — воскликнул я с энтузиазмом, — у меня одно желание: умереть! Умереть тут же у ваших ног!» (*Продолжительный хохот.*) Итак, милостивые государи, заручившись такой протекцией, я принялся за дело. Я стряпал книжку за книжкой, брошюру за брошюрой, под всеми возможными и невозможными псевдонимами. Духовенство глотало все, что я ему давал. Оно проглотило даже крокодила, играющего на пианино, фотографию чего я им представил. Они уверовали и в обращение Дианы Боган, и в ее видение, и в Софию Вольтер, которую я произвел в бабушки Антихриста... Так что, когда я года два тому назад решил разрубить этот узел и объявил им, что личности Дианы Боган никогда не существовало, они отказывались мне верить, и один очень почтенный каноник уверял меня, что он знает Диану Боган лично и даже принимал ее на исповедь. (Смех.)

Вот, господа, мое орудие борьбы. Я и теперь, сняв маску практикующего католика, продолжаю бороться все с тем же оружием. Я ополчился на их священные книги, и теперь по всему миру расходится в миллионах экземпляров мое «Толкование на Библию», которое я начал составлять с особого благословения Его святейшества. (*Хохот, рукоплесканья.*)

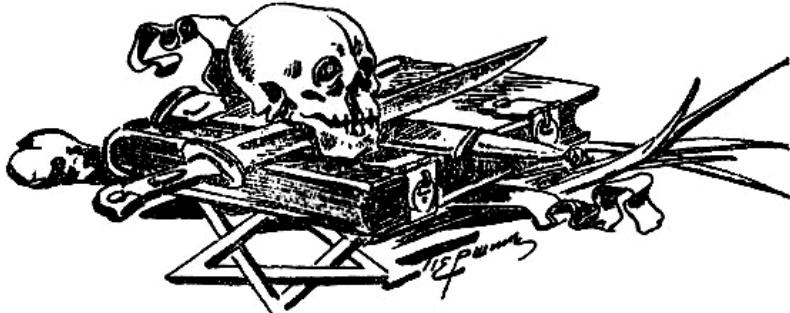
Таксиль сходит с кафедры.

— Слово предоставляется нашему уважаемому магистру, господину Вальдеку-Руссо, — сказал председатель.

Вальдек взошел на трибуну, поклонился красивым жестом собранию и начал:

— Господа! Правительство Третьей республики, которое я представляю в этом почтенном собрании, имеет одинаковые интересы, как и Орден, к которому мы все имеем честь принадлежать. Наша цель — уничтожить мрак невежества, скопившийся над бедной Францией, и мы решили следовать твердой программе, выработанной в Турине в 82 году. Мы начали с конгрегации. Закон, который мы сумели провести, несмотря на отчаянную борьбу клерикалов и монархистов, требует, чтобы конгрегации и ассоциации легализовались. Тех, которые не хотят подчиниться закону, стоят вне его, и их общество объявляется распущенными. Тех, которых мы не желаем, мы не легализуем и распускаем тоже. Имущество распущеных ассоциаций мы конфискуем, легализованных же обкладываем налогом и требуем, чтобы оно было приписано одному лицу, а не общине, чтобы не упустить налога по наследству и передаче. Затем мы уничтожим свободные школы. Все школы, которые сейчас находятся в руках духовенства, должны быть легализованы. После этого мы уничтожим конкордат и произведем отделение Церкви от государства. Наш представитель при Ватикане будет отзван. Нунций, если сам не догадается уехать, будет выслан за пределы республики. Примеру Франции, я надеюсь, последуют все просвещенные страны, и я имею сведения, что такой же удар папству будет нанесен в самом Риме итальянским правительством.

После Вальдека говорили еще несколько ораторов. Они развивали ту же тему необходимости борьбы с клерикализмом и французскими монархистами. Попутно было произнесено осуждение анархии и террористическим актам. У всех свежо в памяти убийство итальянского короля Гумберта, почтенного члена их ложи. Наконец, председатель объявил заседание закрытым. Все вышли, за исключением мастеров 33-й степени, в их числе был и министр. Они перешли в другую залу, поменьше, всю обтянутую черным сукном с эмблемами масонства: черепа с костями, треугольника, циркуля и шестиугольной звезды, составленной из двух пересекающихся треугольников. Эти эмблемы были вышиты серебром по стенам и на черном ковре, покрывавшем стол

среди комнаты. Здесь уже председательствовал старший масон, оставшийся в публичном заседании в совершенной тени, так что из непосвященных в высшую степень никто и не догадывался о его достоинстве. Он только здесь надел атрибуты своего сана: ленту и передник, и начал с того, что опросил всех присутствующих:

— Вы — брат Иоанн, кавалер Кадош шотландского ритуала?

— Вы брат Лазарь, верховный мастер из Бальтиморы?
И так далее.

— Я, — отвечал каждый, к кому он обращался.

Когда все были опрошены, новый председатель сказал:

— Сегодня, в годовщину Варфоломеевской ночи, у нас очередное тайное собрание. Господин министр сообщил нам о новом заговоре, который он только что раскрыл и который стоит в связи с тулонской катастрофой и бросает новую тень на клерикалов.

— Высокочтимые магистры, — начал министр. — Случайно, при выселении монахинь из их дома в Пасси, в руки полиции попало письмо инженера Дюпона, ярого клерикала. В нем он сообщал своей сестре, начальнице этого монастыря, что владеет секретом воспламенять на расстоянии многих лье взрывчатые вещества. Не его ли это дело в Тулоне? Я поручил Лепену отыскать этого человека. Мы должны вырвать секрет из его рук или его уничтожить, как был уничтожен сам изобретатель этого могущественного средства.

— Гибель ему, гибель!

— Почему вы не поручили это дело Гамару, начальнику сыскной полиции? — спросил один член собрания.

— Господин Гамар не одних с нами убеждений, и я на него положиться не мог, не имея другой улики, кроме письма. Теперь же, после взрыва в Тулоне, я ему поручу найти виновников, и уже он будет действовать в нашу пользу.

— Очередь за нашим гостем из Балтийской, — сказал председатель.

Поднялся сухой, маленький человечек, лысый, в темных очках, и заговорил с едва заметным английским акцентом:

— Братья! Мы слышали на общем собрании самохвальство Леона Таксиля. Оно мне не нравится, очень не нравится. Не говоря уже того, что в нашем Ордене есть лица, принадлежащие к духовенству, даже высшему, всех христианских исповеданий, чувства которых его заявление может оскорбить, мы не можем не сознаться, что им раскрыты и преданы гласности самые существенные наши тайны, которые до сей поры не были известны даже нашим высшим степеням. Первым, кто проник за эту завесу нашей тайны, был монсеньор Мермийод, но его обвинение масонов в демонизме и оккультных науках было встречено полнейшим недоверием и насмешкой всего интеллигентного общества. Не так оно отнеслось к разоблачениям Таксиля и его сообщников. И если не все верят в действительность Гибралтарских подземелий и Балтийского лабиринта, то все теперь знают о существовании нашего Палладиума, великого Бафомета, сохраняющегося в этом городе, где до последнего времени совершались наши мистерии, перенесенные теперь в Рим нашим верховным начальником, господином Лемми, главой объединенного масонства. Все теперь знают о том, что наш бог, Архитектор мира, не Бог христианский, и потому наши члены, принадлежащие к христианским исповеданиям, несомненно, рано или поздно, отшатнутся от нас с ужасом или составят раскол в самом масонстве. Среди нас самих, 33-х, сообщение Таксиля и К° о том, что перстень дается лишь почетным, не посвященным в тайну членам, породило смуту, и все получившие кольца прислали их обратно. По чьему приказанию действовал этот

человек?

— По моему! — раздался властный голос.

Портьера задней стены раздвинулась, и вошел человек в черной маске с длинным кружевом. Одной рукой он дал знак присутствующим, чтобы они не двигались с места, а другой он сильным жестом снял с себя маску.

Все замерли от удивления.

Перед ними стоял Адриан Лемми, верховный глава всего объединенного масонства.

— Друзья-товарищи, — сказал он, — я прибыл в Париж инкогнито, чтобы иметь возможность вас сегодня видеть. Но сперва я сделаю несколько возражений брату из Бальтийской. Он ошибается, предполагая, что разоблачения Таксиля и мистификация клерикалов повредили масонству. Разоблачения были сделаны раньше нашими изменниками и лжебратьями. Новых он не сделал и не мог сделать, так как сам не имел и не имеет и сейчас той степени, которая давала бы ему знать наши главные тайны. Все, что он писал, он взял от других, ранее его писавших о нашем Ордене или рассказывавших ему о нем и, конечно, сам не верил и не верит в их правдоподобность. Сведения эти он прикрасил и облек в самую неправдоподобную форму и до того запутал ложь с истиной, что после его книг теперь уже никто из здравомыслящих не будет верить не только всем прежним, но, если случится, то и новым разоблачениям. Он дискредитировал не наши тайны, а раскрытия их, сделанные монсеньором Мермийодом, которые угрожали нам страшной опасностью, может быть, гибелью всего дела. Поэтому я допустил Таксиля написать все то, что он написал, что окончательно сбило с позиции наших врагов, и теперь каждый, кто осмелится утверждать что-нибудь о масонах в этом роде, будет встречен недоверчивым смехом — как профанами, так и самими нашими братьями, что нам особенно важно. А то, что было разоблачено — легко было исправить. Вы знаете, что теперь мы иначе отличаем верующих масонов от неверующих, что наш Палладиум перенесен в другое место. После того, как Таксиль заставил Бафомета превращаться в воплощенного бога добра, никто не верил даже в

его существование. Нам гораздо более грозило опасностью опубликование стихов нашего поэта Кардуччи, — «Гимн сатане». Но мало кто это прочел, а кто прочел их, после раскрытия мистификации Таксиля уже не отнесет их к маконам, а припишет их личным взглядам Кардуччи. То, что писал Таксиль о черной обедне с убийством младенцев — разве не повело к тому, что теперь уже никто не верит, что она у нас совершается? А что он издает «Веселую Библию», так что же... Все наши младшие братья без предрассудков, и никто, кто себя уважает, более не верит этим басням.

Дорогие товарищи! Нам следует заняться сейчас более важным делом. На наших общих собраниях мы легко произносим осуждение убийствам и террористическим актам, как это было и в сегодняшнем. Я на нем тоже был. Мы как будто уважаем государственный строй и политические системы. В числе непосвященных в высшие тайны находятся короли и князья крови, епископы и кардиналы. Но здесь, между собой, мы можем быть откровенны и заявить, что, кроме нашей собственной политики, мы не признаем никакой другой и не останавливаемся ни перед какими средствами, чтобы упрочить наше могущество. Если кто не с нами, тем хуже для него. Если кто нам мешает — берегись! Мы выше предрассудков, выше условностей! Но к делу. Для наших целей, о которых сейчас не стоит распространяться: они и так очевидны — нам необходимо ослабить могущество некоторых государств. Англия потерпела в войне с бурями. Америка ослабла в войне с Испанией за Кубу. Остается Россия. Необходимо втянуть ее в разорительную для нее войну с ее восточными соседями — Китаем и Японией, и, когда она потерпит поражение, воспользоваться недовольством масс и поднять зарево мятежа и пожаров по всему пространству империи царя!

А теперь, дорогие товарищи, приглашаю вас на настоящую черную обедню, которую совершил, как только пробьет полночь, приехавший со мной бывший католический священник, каноник папской базилики Святого Петра, перешедший в протестантство и женившийся на бывшей монахине. Теперь он наш и отлично исполняет свое дело.

Где-то вдали часы глухо пробили полночь. Электричество погасло, портьера раздвинулась, и все увидели освещенный большими сальными свечами католический алтарь с черным распятием. Послышался звон колокольчика, и к алтарю подошел и стал взбираться на его ступени толстенький массивный человек в полном священническом одеянии латинского покроя, с чашей в руках. За ним из потайной двери вышли четыре мальчика в белой одежде клириков с красными пелеринками. У одного в руках было кадило, у другого — два флакончика с вином и водой, у третьего — серебряный коробок с ладаном и ложечка, у четвертого — служебник.

Взяв служебник — настоящий Римский миссал — из рук мальчугана, тот, которого Лемми охарактеризовал каноником, положил его с левой стороны от освященного камня, находящегося среди престола, действительно, освященного и помазанного святым мирром для какой-нибудь церкви и затем «экспроприированного» демонистами. По правую была поставлена церковная чаша, тоже предмет святотатства и разбоя. В эту чашу жрец сатаны — бывший служитель Бога — налил вина и воды из флаконов и приготовил два опреснока, которые положил посреди на камень. Затем, осенев себя крестным знамением левой рукой справа налево и снизу вверх, он внятно, по-служебному, прочел тайные литургические молитвы вплоть до освящения. Здесь он запнулся.

— Продолжайте! — крикнул Лемми.

Тот молчал.

— Дальше, дальше! — кричали демонисты и бросились к нему с угрозами.

— Я не в силах, — заплетающимся языком промолвил несчастный.

— Если ты не кончишь, ты погиб, — прошипел Лемми, схватив его за кисть руки. — Повторяй за мной...

И он произнес, а за ним тот повторил сакраментальную фразу.

— Теперь подними эти вещи.

Тот машинально поднял сперва хлеб, затем сосуд. Один из мальчиков вскарабкался на алтарь и сбросил распятие наземь. На месте, где оно стояло, очутился идол — Бафомет с козлиной головой. Жрец наступил на кроткое изображение своего Исповедателя и, держа чашу в руке, протянул ее по направлению к идолу, у которого — так показалось присутствующим — засияли и задвигались глаза...

Отвратительная, кощунственная пародия на мессу была кончена. И как могли пожилые, культурные люди, считающие себя выше религиозных предрассудков, в ней участвовать!..

Только ненависть, глухая и безответная, могла до такой степени затмить их разум!

Вынув шпаги, они поочередно наносили удары и уколы брошенной на пол облатке, пока она не рассыпалась. Тогда ее собрали в чашу с вином и вылили содержимое в трубу для отбросов. Другой же опреснок был разделен на части и дан детям с наставлением совершить неслыханное кощунство: проглотить его между двумя ругательствами.

Жрец куда-то исчез, а молодые люди были приглашены вместе с присутствующими на банкет, в котором приняли участие и женщины.

Бедные дети! С какой краской стыда они должны были потом вспоминать эту первую в их жизни оргию!

Банкет был приготовлен в соседней зале, освещенной электричеством.

Обстановка напоминала столовую комнату феодальных замков. Громадный очаг с весело пылающим огнем, стены, обитые дубом, уставленные северским фарфором и увешанные охотничими доспехами. Окна завешаны тяжелыми портьерами. Слуги во фраках и белых перчатках чинно разносили кушанья и подливали вина. Дамы были в бальном платьях, в изысканных прическах и с большим количеством драгоценностей.

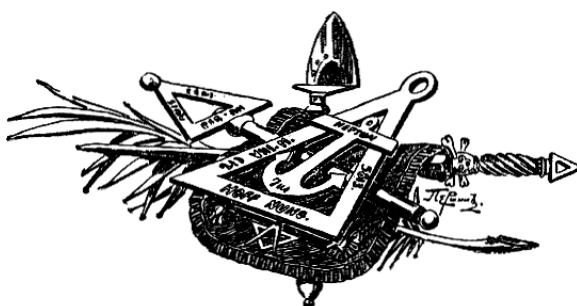
С виду было в высшей степени прилично. Но только с виду. Как только все заняли места, начался веселый, оживленный разговор на самые кощунственные темы. Передавали содержание последнего выпуска «Веселой Библии» —

о Содоме и Гоморре, причем вдавались в такие подробности, что молодые люди краснели до ушей и не осмеливались поднять глаз с тарелки.

Затем разговор коснулся черных обеден. Лемми рассказал, что по ритуалу черная месса должна сопровождаться всевозможными безнравственными актами, между прочим, теми, о которых только что говорили; что в чашу прибавляется всякая человеческая нечистота, какую ум может себе представить. И он объяснил, как, по его мнению, должно совершать эти мистерии, чтобы угодить доброму богу и нанести тягчайшее оскорбление Богу христианскому.

Подали шампанское, и Лемми затянул гимн сатане, а все присутствующие стали подтягивать. После этого, по знаку Лемми, вышли из-за стола, кавалеры подали дамам руки, и все перешли в гостиную, где был сервирован кофе и ликёры. Затем вся компания отправилась в кабачки на Монмартр, за исключением Лемми, который стал разыскивать своего каноника. Но его нигде не находилось. Вещи его и облачение остались, а сам он исчез, даже не захватив тридцати франков, полученных им за совершение кощунства. Золотые монеты лежали на том месте алтаря, где их положил Лемми, нетронутыми.

— *Mannaggia!* — произнес Лемми. — Ведь если этот субъект от меня ускользнет, он побольше наделает нам хлопот, чем сам Мермильод! Надо с ним покончить!

VII

Август месяц — самый жаркий на юге.

Жители Ниццы буквально задыхались от жары и спешили уехать в горы. Иностранцев в это время года не бывает, да и к тому же они все стремились в Париж на Всемирную выставку.

В одной из дач, уютно расположенной на склоне горы, по дороге в Симеиз, недалеко от только что устроенного бельгийским обществом экспрессов Палас-отеля, скромно жил и занимался научными исследованиями молодой инженер Дюпон, младший брат игумены кармелиток. Серьезный, верующий, горячо любящий свою родину, роялист в душе, он посвятил жизнь свою и труды несбыточной утопии: вернуть Францию к монархическому строю. У него и монарх был на примете: прямой потомок Людовика XVI, живший где-то в Голландии. Но его кандидат не имел успеха и среди монархистов. Но, так как Анри Дюпон был, в сущности, добрый малый, то его любили и дружили с ним все антагонисты республики, к какому бы лагерю они ни принадлежали. Ученик «Сен-Сира», прослуживший два года в армии, он более всего имел друзей среди офицерства. Но самым близким другом он считал капитана Дювалья, с которым вместе он кончил курс и служил под одним знаменем. Дюваль был поклонник Бонапарта, как и подобало военному. Он жил тут же, в Ницце, недалеко от полка, где служил.

Выдался особенно жаркий день. Мы застаем Дюпона в его мастерской перед машиной особой конструкции, которую он собственноручно заканчивает, следя по чертежу, лежащему на его письменном столе.

«Так, теперь готово, — самодовольно подумал он. — Электрический ток доходит до наивысшего напряжения. Тот же принцип, как и беспроволочный Маркони. Но у того волны излучаются по всем направлениям; Филиппов же достиг того, что направляет свой ток по прямой линии. Каякая простая и остроумная штука! Жаль, что нельзя сделать опыт. Мой аппарат готов. Посмотрим прицел. Этот рычаг

устанавливает расстояние, а вот этот — направление. Для проверки пропускается слабый ток, чтобы показать, что цепь замкнута. Если на конце траектории не находится взрывчатого вещества, соединение с землей не произойдет и цепь будет разобщена. После взрыва цепь размыкается, и это служит сигналом, что результат достигнут. Страшное орудие!..»

— Ну, как идут твои опыты? — неожиданно послышался вопрос, выведший Дюпона из задумчивости.

— А, это ты, мой дорогой Дюваль, как ты меня приятно обрадовал. Опыты идут отлично, или, вернее, я их еще не производил, но зато все уже для них готово.

— Так за чем же дело? Направь прицел на любой форт или склад пороха...

— Что ты, что ты! Разве можно шутить этим? Неужели ты не веришь в силу этого аппарата?

— Нисколько, мой милый Анри. Не обижайся, я скептик. Таких волшебных орудий не существует и не может существовать. Но пусть ты прав, и твое электричество действительно, несмотря на его слабую силу. Ведь твой ток не достигает даже одного ампера!

— Верно, но он, проходя через взрывчатые массы, раскаляет их, и это причиняет воспламенение.

— Хорошо, в таком случае сделаем такой опыт: ты не пустишь полного тока; только удостоверимся, что ты правильно навел орудие.

— Дюваль, это опасно. Я могу не рассчитать силу тока или ошибиться в предполагаемой огнеупорности состава пороха, и произойдет несчастье. Нет, оставим лучше это дело и поговорим о полиции. Ты знаешь, правительство...

— К черту правительство и тебя вместе с твоей машиной! Кому она нужна, если ты не в состоянии проверить, может ли она зажечь хотя бы папирусу?

— Это я сделаю для тебя с удовольствием. Возьми в зубы сигаретку и становись. Я буду целиться.

— Нет, нет, зачем же в зубах? Я ее положу на стол, а ты стреляй.

— Смотри, Дюваль, что я буду делать. Положи коробочку шведских спичек в саду, на ту скамейку. А потом приходи сюда.

Коробочка была положена на скамейку, на расстоянии ста шагов. Дюпон навел свой инструмент по направлению сада, не обратил внимания на дальномер, ввиду близости расстояния, а только удостоверился в правильности проектированной линии. Пущен был слабый ток. Он сомкнулся, значит — проходит через цель. Тогда с замиранием сердца инженер надавил кнопку, и ток тотчас же разомкнулся, так что взрыв произошел. Но что же это? Дюваль расхохотал-

ся, а Дюпон смертельно побледнел. Коробочка не взорвалась — спички лежали целые!

— Не смейся, Дюваль, случилось несчастье! Я где-то что-то взорвал!

Оба взглянули на дальномер: он стоял на 125 километрах.

— Вот где произведен взрыв! — вскричал Дюпон и, отмечив направление по карте, с ужасом произнес: — Тулон!!!

Оба приятеля безмолвно простояли около минуты. Наконец Дюваль произнес:

— Несчастье непоправимо. Виновник — это я, и если надо, я отдам себя в руки правосудия. Знает ли кто-нибудь о твоем изобретении?

— Знает моя сестра и более никто в свете. Что она теперь обо мне подумает? Вот что, Дюваль, окажи мне услугу. Я сейчас еду в Париж, чтобы объясняться с сестрой, а ты возьми и спрячь к себе мои бумаги.

— Надейся на меня. Это моя обязанность оказать тебе услугу.

Час спустя Анри ехал в Париж и уже в вагоне слышал, как говорили о загадочном взрыве в Тулоне. Подъезжая к этому городу, он мог из окна видеть густой дым от пожаров. Купив на станции только что вышедшую газету, он узнал, что произошло целых четыре взрыва, и мог убедиться, что его орудие гораздо опустошительнее, чем он ожидал, так как поражение не ограничивалось одним каким-нибудь пунктом, а захватывало известный район. В Марселе к нему в купе сели двое военных. Они были очень оживлены и на все лады толковали происшествие, подыскивая ему малейшее правдоподобное объяснение, и не могли найти. Анри почувствовал себя отвратительно, когда офицеры обратились к нему, спрашивая его мнение.

— Я думаю, — сказал он, — что все указывает на электричество.

— Не думаете же вы, милостивый государь, что склады были соединены проволокой, как какие-нибудь мины?

— Я ничего не думаю относительно этого. Но согласитесь, что одновременный взрыв в трех или четырех местах

города можно приписать только электрическому разряду.

Разговор прекратился.

На следующее утро Дюпон приехал в Париж. По случаю выставки все гостиницы были переполнены, и он с большим трудом отыскал комнату в одном из небольших отелей левого берега Сены, и то — за дорогую цену. Когда он записал свое имя в книгу для приезжающих, хозяин гостиницы с удивлением посмотрел на него.

— Вы инженер Дюпон?

— Я, и что же дальше?

— Это не мистификация?

— Милостивый государь! Как вы смеете...

Хозяин усмехнулся и протянул инженеру номер «Пти журналь», в котором на видном месте было напечатано:

**«Инженер Дюпон. Разыскивается. 1000
франков награды, кто первый укажет его
местопребывание по адресу: Пасси, монастырь
кармелиток».**

— Постойте, постойте, — сказал хозяин отеля, видя, что его гость бросился к выходу. — Одну секунду! Вы мне будете благодарны! Я вам дам ценные сведения! Вы куда хотите ехать?

— Конечно, в монастырь в Пасси! Там моя сестра! Хотя я не понимаю, зачем ей это! Она мой адрес знает!

— То-то, знает, да в том и дело, что вашей сестры вы не найдете!

— Почему?

— Вчера утром все монахини были выселены из этого монастыря, а ваша сестра, мадам Дюпон, была арестована! Прочтите в газете.

— Арестована?! Да за что же?

— За принадлежность к какому-то монархическому заговору. У нее найдены были компрометирующие письма.

Но вы не беспокойтесь. Мадам Дюпон бежала...

— Бежала?

— Да, успела скрыться и, по-видимому, благополучно достигла Англии, натянув нос нашей полиции. Поэтому, мое мнение: это объявление — ловушка, и вы умно сделаете, если зачеркнете в моей книге вашу фамилию и напишете другую, а я уж вас, не беспокойтесь, не выдам. Погодите, не зачеркивайте фамилии, припишите «Рояль» — выйдет Дюпон-Рояль! Ведь вы роялист? Я тоже. А пока возьмите с собой газету, я вижу, вы горите нетерпением ее прочесть.

И он проводил Дюпона в его комнату. Затем, спустившись с лестницы, позвал единственную бывшую у него прислугу, пожилую бретонку, и сказал ей:

— Мариам, не теряйте этого господина из виду.

Затем, подойдя к телефону, позвонил в сыскное отделение:

— Алло! Инженер Дюпон у меня. Пришлите его арестовать. Отель «Ди-Бак», владелец Шарль Фук.

VIII

Ленотр сидел в своем кабинете за утренним кофе, когда к нему возвратился посланный им слуга.

— Все сделано, — сказал он. — Объявления поспели к выпуску газет и уже появились в них. В почтамте мне сказали, что имя Дюпон очень распространенное, и одних инженеров с этой фамилией, получающих ежедневно письма, более десяти. Вот адреса тех, кто за последнюю неделю получали зарегистрированные письма.

— Хорошо, Жак, вы отлично справились с поручением. Давайте сюда адреса. Нет! Эти все не те. Наш Дюпон не мог быть в столице. Я опять пошел по ложному направлению. Разве бы он доверил письму то, что мог сказать сестре с глазу на глаз, если бы был здесь? Неужели бы он не явился проводить ее или, по крайней мере, справиться о ней, узнать об ее аресте? О, глупая моя голова! Как я этого не сообразил.

Послышался звонок.

— Посетитель! Просит его тотчас же принять по важному делу, — доложил Жак.

— Просите!

Вошел невзрачный господин.

— Меня направил к вам сержант, стоящий на страже у монастыря кармелиток... Я знаю адрес инженера Дюпона и поспешил вам его доставить. Альфред Дюпон, инженерный офицер, имеющий постоянное жительство на улице Лизье, дом № 41...

— Мерси, мосье, только мне нужен не этот...

Господин ушел разочарованный, что-то бормоча о людях, которые вводят других в заблуждение заманчивыми анонсами. Едва тот успел уйти, новый звонок. Жак опять докладывает:

— Я принес вам адрес инженера Мишеля Дюпона, он живет... — начал второй посетитель.

— Не надо, не надо!

Посетитель, обиженный, уходит и сталкивается с новым...

— Меня прислал полицейский из монастыря кармелиток. Вот адрес, который вам нужен, — инженера Жана Дюпона...

— Не надо, не надо! Жак, больше никого не принимай!

— Но там целая толпа у вашей двери...

— Никого, никого! О, какой я осел!

— И притом из невежливых, милостивый государь! — успел крикнуть ему выпроваживаемый господин.

— Это еще кто?!

В раскрытое окно кабинета силился вскарабкаться раскрасневшийся господин в цилиндре.

— Господин помощник комиссара! Инженер Дюпон...

— К черту! — заревел Ленотр, силясь оттолкнуть лезущего человека и закрыть окно. — Оставьте меня в покое, мне никакого Дюпона не надо.

— Но я Фук, хозяин...

— Мосье Фук, с вашего позволения или без него, но я прошу вас сейчас же соскочить с моего окна и убраться к черту!

Тот не унимался. Тогда Ленотр схватил револьвер, направил на окно и, обругав уже знакомого нам содержателя отеля неприличным, специальным французским выражением, пригрозил пристрелить, если тот тотчас не уберется. Волей-неволей пришлось покориться и уйти, пожалев о потраченном времени и извозчике, а главное, об улыбнувшейся тысячефранковой бумаге.

Но мытарства Ленотра этим не ограничились. Телеграфист ему принес целую пачку депеш, адресованных мадам Дюпон, с адресами всех Дюпонов света, кроме искомого. Тут были не только инженеры, но и офицеры, моряки, коммерсанты, священники, гробовщики, сторожа, домовладельцы и т. д. и т. д. Телефон ежеминутно звонил, доставляя Ленотру новые и новые адреса. Наконец, ему представилась целая депутация нижних полицейских чинов, — все они имели фамилию Дюпон или имели знакомых, родных, зятьев и свекровь, сватов и кумовьев с этим именем. К довер-

шению всего, к нему приволокли какую-то нищую старушку, арестованную на улице за бродяжничество, которая тоже оказалась Дюпон.

Телефон опять позвонил. На этот раз из сыскной полиции.

— Вы, что ли, разыскиваете инженера Дюпона по делу монархического заговора? Он только что прибыл в Париж из Ниццы и остановился в отеле «Дю-Бак», у Фука.

«Черт возьми! А я этого Фука чуть не застрелил! Скорее к нему!»

IX

Известив по телефону Гамара и приказав прислуге не спускать глаз с жильца, Фук бросился в комиссариат Пасси получить обещанную награду, но, как мы видели, потерпел неудачу. Его даже не выслушали. Из этого он увидел, что его предупредили и что награда от него ускользнула, и предательство его, как монархиста, ничего, кроме срама, ему не принесло. Поэтому он вернулся домой сильно не в духе и (раз награду у него перебили, то пусть она не достанется никому!), обозленный на полицию, решил спасти своего гостя. Пусть полиция останется с носом! Спросив бретонку, здесь ли жилец, и получив утвердительный ответ, он, не теряя минуты, поднялся к Дюпону, которого застал за письмами.

— Мой дорогой господин Дюпон, полиция неизвестно откуда знает, что вы у меня, но мы ее проведем. Пока я вам приготовлю костюм, соберите ваши бумаги и самые нужные вещи.

— У меня один чемодан.

— Тем лучше. Наденьте мое пальто, оно вам впору, подвязжите кашне, чтобы никто не узнал в вас того господина, что утром подъехал, оставьте мне ваш мелон, возьмите вашу дорожную фуражку, и отлично. Теперь, Мариам, не говори, что мы ушли. Откроем окно, чтобы навести на ложный след полицию! Скорее! Запрем двери на ключ. Теперь через эту маленькую дверь во двор... Сюда, в Эпизери. Тут много народа, проскользнем незаметно; вот фиакр... Вокзал Дю-Норд! Ну, счастливого пути, а я тут нужнее. Пострайтесь поспеть на 12-часовой поезд! Доброго путешествия, мосье Антуан!

Фук осторожно вернулся в свой отель. Затем отметил жильца в гостиницу своего друга «Де-Лимож», а сам по телефону попросил его отметить, что к нему будто заезжал Пон-Рояль, но, не найдя места, отправился неизвестно куда.

«Мы выиграем время», — подумал Фук.

Только что он успел устроить эти дела, в отель «Дю-Бак» явился Ленотр. Он влетел, как ураган.

— Вы господин Фук?

— Что вам угодно, господин комиссар?

— Извините меня, мой дорогой господин Фук, что я вас так нелюбезно принял! О, посудите, когда человек лезет в окно...

— Что вам угодно, милостивый государь?

— Вы не будете злопамятны, мой добрый господин Фук? Ведь вы приходили сообщить, что у вас остановился приехавший из Ниццы инженер Дюпон? Он ведь у вас в гостинице?

— Никакого Дюпона у меня нет и не было.

— Послушайте! Ведь я явился сюда официально, по следственному делу! Вы не имеете права не отвечать, иначе вы подвергаетесь всей строгости законов за укрывательство!

— Не думайте меня запугать, как утром — револьвером. Законы и для вас писаны, господин комиссар. Я утверждаю, что Дюпона у меня нет.

— Но он был?

— И не был.

— Но вы сами мне кричали в окно, что он у вас, к тому же я имею и помимо этого сведения.

— Ваши сведения не соответствуют действительности. Если бы вы дали себе труд меня выслушать у себя на квартире, вы бы ранее меня убедились, что вышло недоразумение. У меня, точно, остановился офицер, — кажется, инженерного корпуса, но его имя вовсе не Дюпон, а дю Пон-Рояль, похоже; что и ввело меня и, может быть, кого другого, в заблуждение, но это совсем не то.

Ленотр увидел, что опять попал впросак. Но сдаться не хотел.

— Покажите вашу книгу.

Ему показали книгу.

— Да, верно: Пон-Рояль! Почему же он съехал?

— Он нашел помещение неудобным и мало света. Впрочем, он оставил адрес, куда пересыпал письма.

— Куда же он отправился?

— Тут он пометил отель «Де-Лимож».

— Ну, хорошо, благодарю вас. Да, скажите мне, каков он из себя?

— Маленький, толстенький, плешивенький, ниже меня на голову. Слегка хромает на правую ногу.

— Отлично! Если этот Пон-Рояль окажется настоящим Дюпоном, — как мне передавал Гамар, — то вы получите обещанную тысячу франков. До свиданья.

И он вскочил в экипаж, крикнув кучеру:

— Отель «Де-Лимож»!

С Фуком чуть не сделалось дурно.

«Так это он от Гамара узнал! Значит, первым-то был он, Фук! Значит, награда была его! И он так глупо запутал дело, что вместо награды рисковал сам попасть в тюрьму, если Дюпон будет пойман. Но его теперь не поймать. Нет, он должен скорее объясниться с Ленотром: может быть, не все еще пропало!»

X

Гостиница «Де-Лимож» была переполнена. Впрочем, один номер только что освободился, но его тотчас же занял один небольшой толстенький человечек, не пожелавший назвать своей фамилии и сказать, откуда он приехал. После некоторого колебания мосье Мишель, хозяин отеля, согласился его пустить, не настаивая на откровенности. Тот оставил свой багаж, а сам сказал, что отправится на выставку, в отдел фарфоровых изделий. Когда он ушел, Мишель сообразил: «Ба, да ведь это не кто иной, как гость, обещанный мне этим добрым Фуком! Я его уже внес в книгу».

И он успокоился. Не прошло десяти минут, к отелю подъехал Ленотр, опоясанный трехцветным шарфом, — знак, что визит полицейского официальный.

- У вас остановился дю Пон-Рояль?
- Пон-Рояль или Пон-Неф, но какой-то Пон есть.
- Небольшого роста, полный, лысый?
- Вы совершенно верно его описываете.
- Из отеля «Дю-Бак»?
- Как вы говорите.
- Можно его видеть?
- Он только что взял фиакр на выставку, в фарфоровый отдел. Наши лиможцы все там экспонируют. Вы его там найдете.

— Мерси, еду на выставку, я его тотчас узнаю! О, у меня глаз, — и он пальцем дотронулся до своего глаза. — До свиданья!

Не успел Мишель прийти в себя от этого визита, думая — хорошо, что «Пон» оказался записанным, а то бы его, хозяина, оштрафовали, — как подъехал Фук.

- Был у вас комиссар?
- Был.
- Здесь он?
- Нет, поехал в погоню за Пон-Роялем.
- Куда же поехал, раз он записан у вас?
- Да, потому, что Пон-Рояль только что выехал на выс-

ставку, а комиссар поехал за ним вдогонку.

— Что вы говорите? Какой Пон-Рояль поехал на выставку?

— Да ваш же, о котором вы меня предупредили. Он оставил багаж, а сам поехал на выставку.

— Да вы шутите! Этого не может быть! Для какого черта он к вам поедет?

Мишель обиделся.

— Вы сами мне его прислали, а теперь: какого черта? Приехал, номер как раз у меня освободился, и он его занял. Вот и все.

— Он вам что-нибудь говорил?

— Напротив, он не хотел, чтобы его записывали в книгу, но он уже был прописан, и потому я с ним не спорил.

«Ну, это он! Он не уехал за границу! Вот совпадение! Совершенно случайно я опять дал верный адрес комиссара, и мне бояться теперь нечего».

И он, ничего не объяснив расспрашивавшему его Мишелью, поспешно с ним рас прощался и, потирая руки, вернулся домой.

Радость Фука была несколько преждевременна. Не успел он окончить своего обеда, состоящего из лукового супа, ломтя телятины с большим количеством картофеля, куска сыра бри, запиваемого литром легонького вина, как за ним явились полицейские и потребовали, чтобы он с ними поехал для очной ставки с арестованным человеком, который упорно отрицает, что он инженер Дюпон, а называет себя лиможским купцом Антуаном Пти.

«Антуан! Да, да, Антуан, это он самый», — подумал Фук и, еще более обрадованный, отправился в комиссариат.

XI

Парижская выставка 1900 года была достойным произведением границы между XIX и XX веками. Она была расположена по обеим сторонам Сены, на пространстве от площади Конкорд до Трокадеро включительно, по правому берегу и, начиная с эспланады Инвалидов и кончая Марсовым полем, по левому. Под Эйфелевой башней разбит прелестный цветник. Все Марсово поле превращено в парк с прудами, фонтанами, каскадами и искусственными горами. Берега Сены покрыты дворцами с террасами и висячими садами. Между Альмским мостом до висячего пешеходного возвышается старый Париж с причудливыми башнями. Между Инвалидами и главным зданием устроена в одном направлении движущаяся платформа — «подвижной тротуар», а в обратном — электрическая железная дорога. В главном здании — колоссальный зал празднеств и волшебный «светозарный» салон электричества, где световые эффекты менялись каждую минуту.

Искусство и промышленность всего света были широко и богато экспонированы. В отделе машин первое место занимала Германия. Все отрасли наук были представлены. Оптика имела свой павильон с громаднейшим телескопом, одним из гвоздей выставки. Величественное колесо-карусель, как в Чикаго, и около маленькая Швейцария с ее ландшафтами. Ночью выставка и Эйфелева башня покрывались бесчисленными огнями, а по Сене сновали иллюминированные гондолы и яхты.

Ленотр поспешил направиться в фарфоровый отдел, рассуждая так: «Если я не найду там моей дичи, то ясно, что человек этот обманул гостинщика. Но тогда зачем ему было оставлять адрес Фуку? В таком случае, он вернется в гостиницу. В фарфоровом отделе я наведу справки. Если он там экспонирует, его знают. Если я его захвачу самого, и это не мой Дюпон, все же он с юга, офицер, может быть, знает настоящего или даже его родственников!».

Ленотр подозревал возчика с катящимся креслом и, усев-

вшись в оригинальный экипаж, впервые появившийся на этой выставке, попросил доставить себя к главному зданию. Здесь он с трудом, из-за множества публики, пробрался в само здание и, спрашивая сторожей, скоро нашел нужный ему отдел. Здесь он спросил, где экспонирует дю Пон-Рояль. Ему ответили, что такого экспонента не существует.

— Кто же здесь из отеля «Де-Лимож»?

— Да мы почти все там остановились.

— И такого вы не знаете?

— Нет, не знаем.

— Он сегодня приехал.

— Тогда дело другое, очень может быть, но только он не экспонирует. Вот, не угодно ли, идет мосье Антуан Пти, экспонент, только сегодня приехавший и, вероятно, там же остановившийся.

Одного взгляда Ленотру было достаточно, чтобы убедиться, что это тот человек, кого он искал. Коротенький, с брюшком, лысый.

— Это вы мосье Пти? — обратился к нему полицейский агент.

— Да, это я, к вашим услугам.

— Небольшая справка, мосье Пти. Вы прибыли сегодня в гостиницу «Де-Лимож» и оставили там ваш багаж, а сами только что приехали сюда?

— Да, сударь, это я.

— Можно вас попросить — я полицейский агент — быть столь любезным — здесь неудобно разговаривать — уделить мне небольшой часик?

— К вашим услугам, господин агент.

Они дошли до выхода, и в самое короткое время прибыли в Пасси, на квартиру Ленотра.

— Итак, вы прибыли сегодня в отель «Де-Лимож» из отеля «Дю-Бак», куда вы прибыли сегодня же из Ниццы?

— Пардон! Я прибыл с 11-часовым экспрессом прямо из Лиможа, где вы можете обо мне справиться, когда я выехал: я известное лицо, Антуан Пти, крупный коммерсант. Никогда в жизни в отеле «Дю-Бак» не был. Здесь недоразумение.

— Но почему же вы назывались Дюпоном в том и другом отеле?

— Господин комиссар! Я совсем не назывался в отеле «Де-Лимож», а в другом, повторяю вам, быть не мог. Ради всего, объясните, в чем дело? Я начинаю беспокоиться!

— Сейчас явится хозяин отеля «Дю-Бак». Все выяснится. Если это недоразумение, то я вас тотчас же отпущу...

— Как! Значит, я арестован?! За что?

— Извините меня, мосье, вы меня не так поняли. Мне необходимо напастить на след одного Дюпона, а так как по наружности вы на него походите и записаны под его именем, то я вас и прошу помочь мне выяснить это дело на очной ставке с обоими гостинщиками. Я за ними послал еще с выставки, так что сейчас они будут тут. Немного терпения.

Ленотр смотрел в упор на своего гостя, и опытный глаз полицейского ему подсказал, что на лице того не написано никакого беспокойства — одна докука. Наконец, прибыл хозяин отеля «Де-Лимож».

— Это ваш гость?

— Да.

— Он называется Дюпон?

— Нет, сударь, он никак не называется, но мне по телефону сообщил Фук, что он ко мне направил своего постельца из Ниццы — Дю-Пон-Рояля, и я, конечно, подумал, что это мосье...

— Почему же вы не хотели сказать вашего имени в отеле? — спросил Ленотр Пти.

— Да я просто не хотел, чтобы знали о моем приезде раньше, чем я не явлюсь на выставку.

В эту минуту подъехал Фук. Увидав незнакомое лицо, он побледнел, смущился, не зная, что сказать. Присутствие Мишеля его еще больше смущило, так как он понял, что тот его выдал.

— Вы знаете этого господина? — спросил Ленотр.

— Нет, мосье, не знаю, только это не Дюпон!

XII

Инженер Дюпон благополучно доехал до Кале и, когда поезд остановился, захватив чемодан, направился на пароход, отъезжающий в Дувр. В ту минуту, как он заносил ногу на сходни, его вежливо остановил один господин.

— Милостивый государь! Это вы господин Антуан? У меня к вам маленькое секретное поручение от нашего общего приятеля Фука. Пройдемте на станцию, здесь неловко; вы еще успеете на пароход.

Ничего не подозревая, Анри отправился за неизвестным, который взял его под руку и повел обратно на вокзал. Он и не заметил, что еще два человека следили за ними и тоже направились туда же.

— Позвольте ваш чемодан, мой слуга пока снесет его на пароход и займет вам каюту.

Дюпон отдал свой саквояж, все еще не чувствуя опасности. Они пришли на дебаркадер. К ним подошли два жандарма. Тогда сопровождавший Анри человек, показав свой трехцветный шарф, произнес:

— Господин Дюпон, я вас арестую. Вот телеграмма, призывающая мне вас задержать и доставить в Париж, а вот другая, описывающая ваши приметы, по которым вы были тотчас узнаны.

Дюпон сказал:

— Я ничего такого не делал, за что бы меня следовало арестовать. Но я офицер и повинуюсь закону. Делайте, что вам приказано.

Дюпона доставили в Париж. Ленотр торжествовал. Фук не получил обещанных 1000 франков в награду за предательство; он был рад, что и так дешево отделался за укрывательство и за ложный след. Ему пришлось все в подробности рассказать и дать детальные приметы своего гостя и его костюма. И он был выпущен на свободу только по получении телеграммы из Кале, что Дюпон арестован. Тысяча франков пошли в вознаграждение Антуану Пти за беспокойство, которое ему причинили по вине Фука. Конечно,

после заявления Фука, он был тотчас же выпущен на свободу, и Ленотр перед ним извинился.

Инженер Дюпон был доставлен к следователю. Он сознался, что письмо принадлежит ему, что он, действительно, владеет секретом Филиппова, и даже в том, что признает себя виновником взрыва в Тулоне, хотя и не преднамеренным, так как несчастье случилось во время опытов. Сознался и в том, что хотел бежать.

В сопровождении следователя Дюпон был отвезен в Ниццу на его квартиру, где в его присутствии был произведен обыск. Искали знаменитую машину и планы. Нашли только динамомашину средней силы, но самой вредоносной машины не оказалось, несмотря на то, что был обыскан весь дом и даже сад. Очевидно, она была унесена так же, как и бумаги: кем — Дюпон догадывался, но друга не выдавал.

Между тем, Дюваль, получив от игумены телеграмму, очень обеспокоился и решил сам съездить в Геную и, кстати, отвезти туда машину, разобранную им накануне, и бумаги, чтобы упрятать их в надежном месте, на случай, если арестуют его самого или произведут у него обыск. Он очень удачно исполнил свой замысел, не возбудив ничьего подозрения. У него был знакомый трактирщик в Генуе, которому он и передал свои драгоценности, не сказав, впрочем, в чем они заключаются. Затем он получил и прочел вторую телеграмму сестры Анри и понял, что тому грозит нешуточная опасность. Он дал свой адрес на почте, чтобы ему переслали письмо на условное имя Анри, а сам вернулся в Ниццу. С замиранием сердца спросил он вечерние газеты. В них еще ничего не было.

«Должно быть, Анри удалось узнать, что его сестра уехала в Англию, и самому проехать туда же, не выдав себя».

На следующее утро он все же с некоторой тревогой открыл газеты. И недаром. Арест его друга был описан со всеми подробностями. Даже в последних известиях сообщалось, что его везут в Ниццу, где уничтожат его адскую машину.

Дюваль не знал, что делать. Надо было выручать друга

и надо было спасти секрет машины для пользы партии. Кроме них двух, никто не знал этого секрета. Дюваль уже мысленно перебирал друзей, кому бы довериться, чтобы самому идти выручать Дюпона, но ни на ком не мог остановиться. Кроме того, он должен был ждать письма, чтобы лучше знать, чем помочь другу, а также сообщить монахине об участии ее брата, хотя она, вероятно, уже знает печальную новость из газет.

«Главное, — думал он, — сделано. Секрет и машина в надежном месте!»

Наконец, пришло письмо, переправленное из Генуи. Дюваль прочел его и решил, что всему виной была неосторожность монахини, потерявшей такую компрометирующую бумагу. То, что они с Дюпоном сожгли целый город, он считал делом второстепенным. Он сел писать сестре Анри и начал письмо с бесполезных попреков. Окончив его, он задумался над адресом. Наконец догадался вложить конверт на имя госпожи Дюпон в другой, на имя начальницы монастыря, где та гостила. Покончив с этим делом, он отправился к знакомому адвокату узнать, какая участь ожидает его друга.

— Если он отдаст секрет правительству, — сказал законовед, — его помилуют. Если же нет, то с ним поступят как с изменником, работающим для иностранной державы и причинившим страшный вред своему отечеству.

- Но ведь он же сделал это не нарочно?
- Во втором случае, этому не поверят.
- Что же ему грозит?
- Участь Дрейфуса.
- А если у него были сообщники?
- И им то же самое.

«Верно, мне несдобровать, — подумал Дюваль, — я один к нему ходил чуть ли не ежедневно. Все это будет узнано».

Действительно, из расспросов соседей следователь узнал, что единственным посетителем Дюпона был офицер Дюваль, монархист. Отдано было приказание привести ка-

питана для дачи показаний. Нерешительный Дюваль растерялся, когда пришли полицейские. Он не знал, идти ему или нет. Ведь арестовать его, офицера, никто не мог, помимо его прямого начальства. Он все же решил идти и, одевшись в военную форму, последовал на виллу своего друга.

— Капитан, — обратился к нему следователь, когда тот явился, — вы приглашены в качестве свидетеля по делу о взрыве в Тулоне.

— Свидетелем взрыва я не был, господин судья, так как во время взрыва был в Ницце. Слыхал, что взрыв был необычайной силы. Старожилы не запомнят...

— Оставим старожилов в покое. Вы часто бывали у Дюпона?

— К сожалению, нет, господин судья. Моя служба мне дает очень мало времени, а друзей у меня много, и приходится соблюдать известный черед для визитов, чтобы никого не обидеть.

— Вы давно знаете Дюпона?

— С пеленок, господин судья; наши родители были связаны неразрывной дружбой.

— Знаете ли вы что-нибудь о его машине?

— Которой, господин судья? Он инженер-техник, и машин настроил очень много, несмотря на свой еще юный возраст. Если вы говорите о той машине, которая стяжала ему славу?..

— Да, да!

— ...Для мытья белья?

— Нет, нет!

— Для чистки картофеля?

— Вовсе нет! Разве вы ничего не знаете о его последнем изобретении, или, вернее, реконструированном изобретении русского Филиппова?

— Русское? Знаю, знаю! Са-мо-вар?

Следователю стало ясно, что над ним потешаются. Он прекратил следствие и позволил офицеру удалиться.

Тот хотел было повидать заключенного, но этого ему не разрешили. Придя домой, он снял мундир, в котором задыхался от жары. В ту минуту к нему позвонили.

— Никого не принимать, — крикнул он денщику, — я должен ехать к командиру.

— Мой капитан! Два незнакомца требуют, чтобы вы их тотчас же приняли по важному делу.

— Скажите им, что я сожалею, но никак не могу их принять.

Через минуту денщик воротился с двумя визитными карточками и запиской, на ней стояло:

«Если хотите спасти вашего друга, ваши секреты и вашу собственную голову, доверьтесь нам и выслушайте нас».

Карточки были: де Коржак, рантье, и Лебюфон, журналист.

Дюваль их принял.

— Мосье, — начал гость, высокий черный южанин, — мы предлагаем вам освободить Дюпона. Мы оба монархисты, и потому вы вполне можете нам довериться. Мы предлагаем спасти и вас.

— Меня?

— Да, приказ о вашем аресте уже подписан. Поэтому велите денщику собрать ваши вещи. Сами же возьмите с собой ваши бумаги и драгоценности и отправляйтесь, не теряя времени, на взморье. Там нас ждет моя яхта. Лебюфон в это время займется освобождением вашего друга; только напишите ему на вашей карточке, чтобы он вполне на него положился. Иначе побег не удастся. Завтра — сборный пункт в Генуе, у трактирщика Джiovanni Неро, у порта Сант-Андреа.

— Как, у Джiovanni Неро?!

— Да, вы его знаете?

— Конечно, я сам там всегда останавливаюсь. Новые гостиницы страшно дороги и хороши только для иностранцев.

— Итак, решено! Отправляемся скорее!

И они вышли. За ними денщик нес чемодан.

XIII

В одном из старинных домов старой Ниццы, около собора, на самом берегу, под крышей с одним окном на солнечную сторону, в маленькой чистенькой горенке, проживала стройная молодая девушка Жанна Субирус, по ремеслу портниха.

Лишившись матери на семнадцатом году жизни, она покинула родные Пиренеи и переехала к отцу в Прованс, где тот имел место подшипера на каботажном торговом судне. Предоставленная самой себе, она занялась шитьем и кройкой, принимая заказы, чем пополняла тощий бюджет своего отца. В одну ненастную осеннюю ночь бриг, на котором плавал ее отец, потонул, и никто не спасся. Бедный ребенок остался круглой сиротой, и только твердость духа, присущая горцам, поддержала ее в несчастье. Она продолжала устойчиво работать, и хотя работы не всегда бывала, и платили за нее мало, она все же обеспечивала ее существование. Каждое воскресение Жанна ходила в собор, где усердно молилась за души своих родителей. Когда работы у нее бывало побольше и оставался франк-другой экономии, она заказывала заупокойную обедню. Духовенство собора и прихожане скоро признали эту странную, миловидную фигурку, появлявшуюся каждый праздник в одни и те же часы, в одном и том же месте, простоявавшую всю обедню на коленях и не подымавшую глаз со своего молитвенника. Иногда она вставала пораньше, шла в поля, набирала роскошный букет ярких и душистых цветов и украшала ими статую Лурдской Мадонны, к которой питала особое благоговение. Это был в некотором роде фамильный культ, так как ее родители считали себя родственниками преподобной Бернадетты, которой Лурдская Мадонна явилась.

В одно утро, когда она подходила с цветами к собору и остановилась, чтобы поправить букет, к ней подошел молодой человек и, видимо, любуясь ею, а не цветами, сказал:

— Мадемуазель, что стоят ваши цветы? Я бы с удовольствием купил их.

— Сударь, это цветы не для продажи, я их несу в церковь для Лурдской Божьей Матери.

— Подарите мне хоть один цветок. Вот эта фиалочка, она переломлена и недостойна занять место на алтаре Святой Девы!

Смущенная необычайностью просьбы, молодая девушка протянула молодому человеку просимую фиалку и, улыбнувшись, взглянула ему в лицо. Их глаза встретились, и оба почувствовали необъяснимое влечение друг к другу. Так обыкновенно возникает взаимная, глубокая привязанность, то непреодолимое чувство, которое называется любовью.

В продолжение нескольких месяцев молодые люди встречались на паперти собора перед воскресной обедней и молча раскланивались. Чувство разгоралось сильнее. Когда один долго не приходил, другой не входил в церковь и поджидал у входа...

Однажды, по окончании службы, он поспешил к кропильнице подать ей святой воды и вышел из церкви вслед за белокурым ребенком.

— Позволите вас проводить до вашего дома? — робко спросил он ее.

— Мерси, я живу тут же, недалеко: вот здесь, — наивно указала она на дом, где помещалась ее квартира, и затем на окно в пятом этаже.

— Так высоко? — спросил он.

— Да, там у меня мастерская, я шью платья.

— А я живу еще выше, чем вы...

— Неужели?

— Да, на горе Симеиз, пятая вилла направо, «Вилла Роз». Там у меня есть сад, весь усеянный цветами. Приходите в будущее воскресенье нарвать букет для Мадонны.

— Хорошо, я приду.

Это был их первый разговор.

В следующее воскресенье маленькая Субирус уже отыскивала «Виллу Роз» на дороге в Симеиз. Был теплый и яркий весенний день; в полях благоухали фиалки; в садах цвели апельсины и миндалевые деревья, усыпанные розовыми и белоснежными цветами; темной зеленью отливали

дубы, лавры, миры и магнолии; стройно подымались кипарисы и туи; пирамидальные тополя, чинары и каштаны покрывались молодой и свежей зеленью.

Торопливо, поминутно вспыхивая, пробиралась девушка по пыльной дороге. Найдя виллу, она остановилась, чувствуя, что задыхается, и приложила обе руки к сердцу, которое билось как-то особенно сильно и часто. В это время калитка отворилась.

— Наконец-то! Я вас жду с восхода солнца! Входите, входите, но вы устали, зайдите отдохнуть сюда, на террасу.

Она не противилась и шла доверчиво за молодым человеком. Он ее усадил на плетеное кресло у стола, на котором был накрыт завтрак и кофе дымился на серебряной спиртовке.

— Могу я вас попросить быть за хозяйку дома? У меня никого нет, я одинок, мадемуазель...

— Жанна, — сказала она.

— Мадемуазель Жанна. А меня зовите Анри. Я инженер Анри Дюпон, ваш верный, преданный рыцарь.

Что могло сделаться, чтобы Жанна Субикус, строгая Жанна, безупречная Жанна, никогда не разговаривавшая ни с одним мужчиной, вдруг явилась на свидание к незнакомому молодому человеку, на его виллу и беспрекословно села с ним тет-а-тет завтракать? Все то же непоборимое чувство, нередко заставляющее молчать рассудок. К тому же доверчивая девушка никогда еще не сталкивалась с людьми и, конечно, ей и в голову не приходило, что ей следует опасаться своего нового друга.

Пятнадцатилетняя девочка, лишенная родительских ласк, вдруг почувствовала себя согретой и доверчиво, как цветок к солнцу, потянулась к согревающим ее лучам. Она без засстенчивости придвинула к себе спиртовку и стала разливать кофе. Дюпон, напротив, как-то конфузился и не знал, как начать разговор. Поэтому завтрак прошел молча и скоро. Анри предложил приняться тотчас же за собирание цветов, и оба с облегчением вышли из-за стола и спустились с террасы в сад. Здесь неловкость исчезла совершенно, и они непринужденно стали разговаривать, срывая цветы, перебе-

гая от одной клумбы к другой. Букет вышел великолепный. Анри обернул его бумагой и обвязал лентой. Затем он сказал своей гостье, что будет ждать ее в следующее воскресенье, а что сейчас боится ее компрометировать и потому не осмеливается провожать ее до церкви. Она ответила, что придет непременно, и поблагодарила его за цветы. Находя, что одними словами она недостаточно выразила ему свою признательность, шалунья протянула ему губки и он, сам не помня себя от счастья, поцеловался с ней.

Первый поцелуй любви! Сколько в нем поэзии, сколько блаженства!

Девочка, вся взволнованная, пришла в церковь с огромным букетом, который положила у подножья любимой статуи. Затем она с жаром стала молиться за того, кто стал ей так дорог, что вытеснил из ее маленького сердечка даже память о родителях. Всю обедню она стояла рассеянно, забывая перевернуть листы молитвенника, не становилась вовремя на колени, и даже, когда уходила, прошла мимо кропильницы, не обмочив пальцев.

— Что стало с маленькой Жанной? — недоумевали соседи.

Эта рассеянность не покидала ее всю неделю, которая тянулась бесконечно. Жанна считала часы и минуты. Ночи она плохо спала, а когда засыпала, видела во сне своего милого Анри и что он ее обнимает. В ночь на воскресенье, которое, наконец, наступило, она все вскакивала, боясь проспать, и с зарей поднялась, и в первый раз в жизни долго стояла перед небольшим зеркальцем, кокетливо причесываясь и прихорашивая свой лучший наряд. Когда солнце встало, она вышла. Улицы еще были пустынны. Она почти бегом направилась на Симеиз и, не успело солнышко подняться над горизонтом настолько, чтобы осветить западный склон гор и холмов, она уже стучалась у знакомой калитки. Анри ждал ее, и она очутилась в его объятиях. Он обнял ее, мягко, нежно, а она обвила его шею руками и приблизила пылающие щеки к его лицу. Он стал целовать ее страстно, сладко, она отвечала ему такими же поцелуями.

— О, как я тебя люблю! — вырвалось у нее.

— Дорогая, я тебя полюбил, как увидел. Ты будешь моей?

— Твоей?..

— Моей маленькой женой?

— О, как хорошо! Буду, конечно, буду!

Дюпон не имел намерения обольстить ребенка. Но случилось. Оба молодые, полные сил, влекомые друг к другу здоровым чувством, они отдались ему стихийно, без рассуждения. Анри был целомудрен, насколько может быть чист молодой человек, едва вышедший из юношеского возраста: муж в полном расцвете сил и энергии. Он знал женщин случайных, падших, но отдавал долг природе с отвращением, и тотчас же после в этом раскаивался, считая за грехопадение то, что всеми признается неизбежным в его возрасте. И он всегда крепился и боролся с собой, прежде чем «пасть». На этот раз все вышло у него по-иному: он и не боролся с собой прежде и не раскаялся после. Напротив, он ощутил такую радость, такое счастье, как никогда в жизни, и успокаивал испуганную и пришедшую в себя Жанну клятвами и уверениями, что они теперь соединены навеки, что она его «маленькая жена», и что они будут — о, непременно будут! — счастливы. И он подкреплял свои клятвы поцелуями, а Жанна верила: ей так нужно было теперь верить!

В этот день (это было Вербное воскресенье) прихожане кафедрального собора в первый раз напрасно искали глазами милого ребенка на его обычном месте. Оно пустовало. Сперва думали, что она опоздала, но, так как она не приходила, решили, что она больна. Некоторые из ее обычных заказчиц решили спрятаться о ее здоровье. Каково же было их изумление, когда квартирная хозяйка им заявила, что маленькая Сабирис здоровая, что ее нет дома, что она вышла с раннего утра.

— Должно быть, пошла на кладбище, — решили соседи, — снести мертвый венок в память родителей.

Жанна вернулась домой поздно вечером, ее подвез фиакр: новый предмет любопытства и догадок. Одна соседка попробовала постучать к ней, но, не получив ответа, должна была удалиться ни с чем.

Наступил Великий четверг. Новое удивление! Благочестивая Субирус, кузина святой, была в церкви, но не подходила к причастию!

Неужели падре Альфонсо, ее духовник, не допустил ее?

Падре Альфонсо сам недоумевал: Жанна не была у него на исповеди. В Великую субботу, обходя со святой водой прихожан, падре Альфонсо нарочно поднялся на пятый этаж проводить свою духовную дочь. Доброму священнику пришлось разочароваться: Жанна ушла еще с утра и не возвращалась.

Наступила Пасха. Жанна целые дни проводила в «Вилле Роз», каждый вечер возвращаясь в свою убогую квартиру. Так проходил их медовый месяц. Работы она более не брала: едва-едва окончила прежние заказы. Анри нанял ей небольшую квартирку в другой части города, в самом конце Английской набережной, с чудным видом на море. Теперь он стал к ней ездить каждый день, но более не мог проводить с ней целые дни, так как много работал. Впрочем, иногда она к нему приходила, больше по праздникам, и тогда они совершали прогулки по окрестностям Ниццы, ездили в горы, в Больё, в Антиб, в Ментону, в Канны и даже из любопытства заглянули в Монте-Карло. О свадьбе уже не было речи. Бедная Субирус покорилась своей участи. Анри все так же нежно любил ее, все так же страстно ласкал, но видно было, что любовная горячка не захватила его всего. Он всегда любил свое дело, оно его интересовало, и он, сойдясь с Жанной, продолжал работать и по-прежнему оставался поглощенным своими машинами.

Так прошло лето. Анри все реже и реже навещал свою маленькую Жанну. Она тосковала и все чаще и чаще плакала. Она ревновала его к его работе, к его машинам.

— Они тебя до добра не доведут, — говорила она ему, как бы предчувствуя грозившую ему беду.

Однажды она долго не видела своего Анри, не вытерпела и пошла к нему. Сердце ее стучало, когда она подошла к знакомой калитке. Вышел слуга.

— Мадемуазель Жанна, — сказал он ей, — господин уехал в Париж, не оставив никаких распоряжений. Зайдите,

здесь капитан Дюваль; он знает более моего.

Жанна вошла: она знала Дювала, часто бывавшего у Анри.

— Мое бедное дитя, — сказал ей Дюваль, целуя ее маленькую ручку. — Анри грозит беда, и он поехал в Париж к сестре.

Жанна заплакала.

— Слезами не помочь Анри, — сказал он.

— Чем же я могу ему помочь?

— Помочь? Ничем, но полезной быть можете. Вот очень важные бумаги. Это планы его последней машины. Я снял с них копию, которую, вместе с машиной, спрячу у себя. Оригинал я отдаю вам; если все обойдется благополучно, вы его возвратите вашему другу или мне. Если же с нами обоими случится несчастье, вы отвезете эти бумаги его сестре.

— Что же он не взял с собой, раз он поехал к сестре?

— Он боялся, что если его арестуют, прежде чем ему удастся передать их сестре, то они попадут в руки правительства.

— Разве это такой секрет?

— Да, мое милое дитя, и потому возьмите их, спрячьте, не говорите про них никому и постарайтесь, чтобы никто не знал о вашем посещении «Виллы Роз» сегодня. Итак, идите с Богом; если что будет нового, я сообщу вам...

Жанна вернулась в Ниццу, но вместо того, чтобы возвратиться к себе, она прошла в собор, в котором не была с самой Пасхи, и, упав на колени перед Лурдской Мадонной, она стала горячо молиться. Но вдруг ее глаза заметили надломленный цветок фиалки в ногах статуи. Она вспомнила слова Анри во время их первого знакомства: «Фиалочка переломлена и недостойна занять место на алтаре Святой Девы».

И она, горестно заплакав, вышла из храма. Падре Альфонсо из исповедальни наблюдал за ней.

XIV

Был чудный летний вечер, когда из оживленного порта старой Ниццы выпорхнула легкая, как чайка, паровая яхта «Ла-Стелла», распустившая паруса, чтобы воспользоваться попутным ветром и ускорить ход.

Наш приятель Дюваль ходил по палубе и присматривался к удалявшимся очертаниям французского берега.

«Все пропало, — думал он, — из-за случайной неосторожности! Карьера, положение в свете, будущность!» Он — бежавший офицер, дезертир! Не лучше ли тотчас же вернуться и сознаться во всем начальству? Да ведь при том, хотя он и настоящий виновник взрыва, он уверен: Дюпон его не выдаст, и он будет отвечать только за укрывательство. В сущности, это пустяки. Что может ему угрожать? Нет, положительно он глупо делает, что убегает! А Анри? Ну, Анри — дело другое. Ему грозит серьезное наказание. Но ведь ему эти люди помогут и обещают освободить и увезти за границу. Значит, ему об Анри беспокоиться нечего. Он для него сделал все, что мог, а главное, спас его бумаги и изобретение.

— Послушай, малый, — обратился он к рулевому, — поворачивай назад. Я хочу вернуться обратно.

Рулевой, не обращая на него внимания, держал колесо в прежнем направлении.

— Эй ты, приятель! Ты не слышишь, что я тебе приказываю?

— Я принимаю приказания только от капитана, — ответил тот.

— В чем дело? — сказал подошедший хозяин яхты.

— Господин Коржак!..

— Де Коржак, — поправил он.

— Господин де Коржак, вы не имеете права меня задерживать! Я хочу обратно в Ниццу!

— Я вас не держу, сделайте одолжение, прыгайте через борт. Если вы умеете плавать, вы еще засветло там будете. Акул здесь нет...

— Шутки прочь, милостивый государь. Поворачивайте вашу яхту хвостом в море и везите меня в Ниццу.

— Ни за что! Яхта идет в Геную, где мы должны встретиться с нашими друзьями.

— Перестаньте глупить, дорогой капитан.

— Ведь вас не насилино увезли. И это нужно для спасения Дюпона. Вы ведь всегда из Генуи можете вернуться во Францию. Вы не дезертир, — продолжал он, угадывая его мысли, — вас еще не арестовали, и вы имели полное право располагать собой ради маленькой поездки для своего удовольствия. Вы вернетесь, и вас даже нельзя будет обвинить в исчезновении Дюпона.

Дюваль вздохнул и покорился своей участии. Под руку с де Коржаком они спустились в каюту, где оба сделали честь великолепно сервированному ужину.

Утром яхта входила в порт Генуи, и наши знакомцы вступили на итальянскую почву.

Поднявшись по Сабита-Вико-Монченте, путешественники достигли ворот Святого Андрея, и здесь, свернув в переулок, оказались у самого дома Джованни Неро. Трактирщик, видимо, поджидал их.

— Идите скорее, ваши друзья уже здесь, — сказал он по-итальянски с обычным генуэзским акцентом.

— Где же Дюпон? — спросил Дюваль, видя одного Лебюфона.

— Он наверху, ждет вас, — сказал тот. — Он какой-то странный. Прочтя вашу записку, он вполне руководствовался моими советами, но не промолвил ни одного слова во все время дороги. Он не стал есть, когда я ему предложил перекусить, только выпил стакан воды, который я ему подал в вагоне...

— Воды? Дюпон выпил воды? — воскликнул Дюваль. — О, бедный друг! Как он потрясен! Я никогда не видел, чтобы он воду употреблял на что другое, кроме мытья! Как вы могли предложить ее?

— Он всю дорогу плакал...

— Плакал?! Праведное небо! Что вы говорите?! Да скопее крокодил заплачет, чем Дюпон! Ведите нас к нему! Вы

его подменили.

Никогда предположение не было вернее. Дверь открыли: вместо Дюпона стояла Жанна, в мужском костюме, с заплаканными глазами...

XV

Когда Жанна прочла об аресте своего друга, она ни минуты не колебалась и решила собой пожертвовать, только бы его спасти. Узнав из газет, что его везут в Ниццу, она подкараулила поезд, последовала за конвоем на «Виллу Роз» и, когда Анри оттуда перевезли в тюрьму, она явилась к начальнику тюрьмы с просьбой допустить ее на свидание с арестованным. Препятствий не оказалось. Может быть, этому помогла красота молодой женщины, подействовавшая на добродушного смотрителя; может быть, беспечность последнего; может быть, он не считал Дюпона опасным преступником. Жанна не теряла времени: она, оставшись наедине с Анри, потребовала, чтобы тот немедленно поменялся с ней одеждой, вышел бы под вуалью из тюрьмы, прошел бы на квартиру, переоделся и, сев на поезд, выехал бы из Ниццы. Анри послушно стал исполнять ее приказания. Только что они окончили переодеваться, вошел сторож и ввел нового посетителя. Дюпон, прикрываясь черной мантильей, вышел. Новый же посетитель, указав на сидевшую с закрытым рукаами лицом Жанну, произнес:

— Вот бумага. Мне приказано взять этого преступника. Дайте мне конвойных до вокзала. Наденьте на руки наручники, чтобы он не мог сопротивляться.

Маленькие ручки Жанны были защелкнуты в кандалы. Два жандарма вошли, подхватили ее с двух сторон и повели вслед за неизвестным в полицейском шарфе. На станции жандармы получили по пять франков — выпить за здоровье комиссара, а Жанну ввели в вагон и освободили от кандалов, причем спутник ее ей шепнул:

— Господин Дюпон, я вас спасаю! Доверьтесь мне. Вот записка вашего друга Дювала!

Узник прочел записку, кивнул головой, но не проронил ни слова.

— Скорее из этой дверцы в тот поезд, который на Геную!

И оба выскоцили на полотно, перешли на поезд, идущий в Италию, и расположились в купе первого класса.

У Лебюфона (читатель догадывается, что это был он) были заготовлены билеты, и когда подошел кондуктор, они оказались в порядке. Поезд тронулся. Жанна молчала и не отвечала на вопросы. Проехали Ментону, Вентимилью, Сан-Ремо. Жанна не могла удержать себя от слез, думая об Анри и беспокоясь о его судьбе. В шесть часов утра они прибыли в Геную, и Лебюфон отвез своего молчаливого спутника в знакомую ему гостиницу.

Трудно вообразить впечатление, произведенное на обоих незнакомцев, когда Дюваль признал Жанну и когда Жанна сказала, что она подменила Дюпона!

— Назад, назад в Ниццу! — воскликнули они. — Нам необходимо его разыскать во что бы ни стало!

— Да что о нем беспокоиться, — сказал Дюваль, — ведь он теперь, без всякого сомнения, спасен!

Все пристали к молодой женщине:

— Куда он направился? Куда он мог направиться? Куда вы ему сказали направиться?

Жанна не успевала отвечать.

— Я его спасла, но куда он поедет, я не могла предугадать. Ему виднее было, какой поезд взять и по какому направлению. Я думаю, что он во Франции не останется и, зная, что господин Дюваль ездил без него в Геную...

— Откуда он знает?

— Я ему сказала... и потому думаю, что он сюда же и направится...

— Очень возможно. Но мы не должны ждать...

— Вы побудьте пока тут, — сказали незнакомцы, — а мы его отыщем и привезем сюда.

И они исчезли.

Освобожденный из тюрьмы столь романтическим способом, Анри первое время путался в платьях, особенно садясь в фиакр, но это было приписано сильному горю посетительницы, и никто из сторожей не обратил на это внимания.

Приехав на квартиру Жанны, Дюпон поспешил переодеться при помощи преданной ему камеристки. У него там оказалась легкая домашняя пара, он ее и надел. Все эти дни он не брился, и у него выросла борода.

«Тем лучше, — подумал он, — меня труднее узнать».

Когда смерклось, в закрытой карете он отправился на железную дорогу.

Подошел поезд, везущий игроков в Монте-Карло. Анри вошел в купе, в котором сидели несколько человек. Один из них обратил <на себя> внимание Дюпона. Небритый, как он сам, в каком-то потрепанном пальто, видимо, с чужого плеча, с надвинутым на лоб картузом, закрывающий и отворачивающий все время свое лицо, он производил впечатление скрывающегося человека или одержимого манией преследования.

Когда в Монте-Карло все пассажиры вышли и в вагоне остались лишь он да Дюпон, его беспокойство как будто усилилось, и он таинственно обратился к последнему со словами:

— Вы не выходите? Вы дальше едете? Могу вас просить об одолжении?

— К вашим услугам, если это в моей власти.

— Да, да! Я еду в Рим. На границе таможенные служащие знают меня в лицо. У вас, я вижу, нет чемодана; возьмите мой, его не станут и осматривать, а я останусь в вагоне.

— А что у вас в чемодане, мосье? Позвольте узнать, на случай, если его откроют?

— О, ничего стоящего! Смена белья и больше ничего. Да вот, смотрите.

И он раскрыл свой саквояж.

— А это что за штука?

И он вытащил какую-то металлическую палку с шаром на конце, вроде бильбоке.

— Это... кропило, церковное кропило.

— Послушайте, мосье. Выньте из чемодана кропило, и тогда я согласен исполнить вашу просьбу. Ба! Да у вас там целая ризница! Ладанница, щипчики, фланкончики, под-

носик... не хватает кадила, милостивый государь, большого массивного кадила и восковых свеч... Да, я понимаю вашу нелюбовь к таможням. Где вы это так чисто обделали церковь, мосье? Можете говорить, — я не сыщик, но я потребую, чтобы вы вернули вещи по принадлежности!

— О, мосье! Не губите меня! Я несчастный человек, но я не вор. Эти вещи — моя собственность, которую я везу, чтобы пожертвовать их в какую-нибудь бедную церковь на моей Родине, но они должны быть прежде очищены и вновь получить освящение... Я еду принести покаяние.

— Кто же вы? — невольно спросил Дюпон.

— Священник-апостат, перешедший в протестантство и поправший свои обеты. Я женился. Моя жена умерла, и я возвращаюсь в лоно Святой церкви.

— А дети?

— Детей у нас не было, и это счастье! О, вы не знаете, до чего я пал. Я развратил монахиню, убедил ее сойтись со мной, мы оба отреклись от веры, и, приняв протестантство, публично сочетались браком. У нас не стало средств: мы оба не умели работать. Тогда я записался в Шотландскую ложу, в Гренобле, где, узнав, кто я такой, дали рекомендацию к высшим членам Ордена. Стыдно сказать, что я там делал, как пародировал священные служения; сколько кощунства, хулы и святотатства на моей душе. И вот, я от них бежал и возвращаюсь в Рим, где надеюсь получить прощение. Если бы не эта надежда на Божье милосердие, я давно бы покончил с собой.

Дюпону пришлось выслушать эту странную исповедь, и он поспешил сказать бедняге, что сам он верующий, вполне ему сочувствует и решение его одобряет. Тот с жаром потряс его за руку.

Поезд подъехал к границе. Дюпон вышел с чужим саквояжем и преспокойно выбросил все его содержимое на дорогу, пользуясь темнотой ночи. Благополучно миновав таможню, он вернулся в купе, и, отдав облегченный чемоданчик, сказал:

— Ну, не прогневайтесь: ваша ризница a f... le camp. Я тоже не намерен был из-за нее иметь дело с таможенными

чиновниками.

Ранним утром поезд прибыл в Геную. Дюпон рас прощался со своим новым знакомым и сам, облегченно вздохнув, почувствовав себя в безопасности, направился к знакомой гостинице, где побрился, помылся, почистился и дал свое настоящее имя.

«Жанну, верно, сейчас же выпустят, — успокаивал он себя. — Что могут ей сделать? Надо ей скорее написать и дать свой адрес другу Дювалю, а также запастись приличным гардеробом».

И он пошел делать покупки.

XVI

Когда незнакомцы ушли и Жанна осталась одна с Дювалем, она попросила его достать ей дамское платье, что тот и исполнил, насколько сумел.

— Знаете что, Дюваль, — сказала Жанна, вновь приняв свой женский облик, — мне эти незнакомцы не внушают никакого доверия. Зачем вы написали, чтобы Анри им доверился? Сердце мне говорит, что они не друзья.

— Полнота, дитя мое, зачем же им тогда спасать меня и Анри?

— Вас спасать? От чего вас спасать? Нет, это подозрительно! Мне думается, что они не случайно знают гостиницу. Уж не проследили ли они вас во время вашего последнего путешествия?

— Я и сам так подумал. Но тогда они знают, что я здесь спрятал машину!

— Послушайте, Дюваль! Вы наивны! Конечно, они это знают и, верьте моему предчувствию, украдут ее! Давайте проверим мое предположение. Позовите трактирщика.

Вошел синьор Джиованни.

— Вы знаете этих господ, которые только что вышли?

— Нет, сударь, я их первый раз в жизни видел.

— Они у вас не стояли?

— Никогда! Я в лицо помню всех, кто хоть раз у меня стоял. Поэтому я им не отдал без вашего разрешения депо, которое вы мне оставили.

— Как? Они его спрашивали?

— Да, хотели, чтобы я им сказал, в надежном ли оно месте. Но я не так прост: сказал, что я от них ничего не получал и им отчета отдавать не буду.

— Вы видите, Дюваль?

— Да, Жанна, вы правы. Что же делать?

— Просить синьора Неро помочь нам перебраться в более безопасное место и, если придут незнакомцы, направить их по ложному следу.

— Идет! Надо спешить. Но что это за люди? И что им от

нас нужно?

— Я уже вам объяснила, а теперь идемте.

Неро перевел своих постояльцев к своим знакомым, жившим за несколько улиц, и перетащил их багаж, в том числе и машину.

Два незнакомца возвратились сияющие. Они, опросив все гостиницы, без труда разыскали Дюпона, имевшего неосторожность записаться под своим именем.

— Теперь он от нас не уйдет, — сказали они друг другу, — но надо, чтобы он встретился с Дювалем, и тогда мы узнаем, владеет ли кто еще их секретом.

Анри только что вернулся в свой номер гостиницы «Аквила», как ему доложили, что его спрашивают два человека. Он удивился, но велел принять. К нему вошли два уже знакомых нам незнакомца, представились ему и спросили:

— Вы инженер Дюпон, друг Дювала и мадемуазель Жанны?

Анри удивился еще более.

— Господа, объясните, что вам надо?

— Сказать, что мы ваши друзья, что мадемуазель Жанна свободна.

— Свободна?

— Да, мы ее освободили, как и господина Дювала, предупредив об аресте, ему готовящемся, и увезли из Ниццы. Они оба здесь, в Генуе.

— Здесь?! Ведите меня скорее к ним. Где они?

— У порта Сант-Андреа, у Джованни Неро.

Они вышли втроем из гостиницы и, сев в трам, проехали от виа Пабло до Пьяццы, а оттуда пешком по закоулкам достигли ворот Святого Андрея и дома трактирщика.

Джованни Неро сидел на пороге с трубкой в зубах и ухмылялся.

— Вам кого?

— Как кого? Сеньора Дювала и его спутницу.

— У нас нет никакого сеньора Дювала.

— Да мы сами ведь у вас остановились?

— Может быть, только теперь я вас не приму. Мы кое-что про вас знаем.

— Нам надо Дювала, и сию минуту!

— У меня нет Дювала. Он уехал со своей синьорой во Францию и захватил свои вещи.

— Захватил свои вещи? Значит, он не уехал! Джованни, веди нас сейчас же к нему, иначе мы тебя сейчас же приколие. Ты это знаешь?

И в одну секунду оба вытащили особого рода кинжалы, должно быть, знакомые трактирщику.

— Мафия! — воскликнул он. — О, мои господа, я ваш покорнейший слуга. Я вас сейчас же проведу к вашим товарищам.

И он поспешил вскочил и, не выпуская трубки из зубов, повел их к тому месту, где находились Дюваль и Жанна. Вышли хозяева.

— Их нет дома, молодые люди вышли.

— Сейчас перенести вещи их на яхту «Ла-Стелла», стоящую у нового мола. Когда они вернутся, им передать письмо. Дюпон, напишите вашим друзьям, а мы вас уводим пока к себе на яхту, которая с этого дня поступает в ваше полное распоряжение. Вы в ней будете совершенно покойны и независимы и, кроме того, будете иметь возможность переменять место и, если понадобится, доставить Жанну и Дювала обратно в Ниццу. Им с вашим исчезновением там нет более никакой опасности.

Дюпон написал записку, запечатал и оставил хозяину.

— Лебюфон, проводи инженера. А я все же подожду их. Так будет вернее.

Дюваль с Жанной тоже искали Дюпона. Все им говорило, что он непременно должен приехать в Геную. Здесь он был в безопасности, здесь Дюваль спрятал его бумаги и машину, здесь получались письма его сестры. Дюваль заявил на почте, чтобы более ему не переправляли во Францию писем Анри, — пусть лежат до востребования.

Затем, сообразив, что, приехав, Дюпон непременно остановится в недорогой гостинице, они начали свои поиски, которые тотчас же увенчались успехом. У самой железнодорожной станции в недорогом отеле «Орла» им сказали, что инженер Анри Дюпон из Ниццы прибыл сегодня утром и только что вышел с двумя синьорами, за ним зашедшими.

Они его отыскали раньше!

— Что делать? — воскликнула Жанна. — О, зачем вы мне не сказали, куда вы отвезли вещи, я бы ему передала, и он сразу бы нас нашел! Я не могла ему только назвать город, про трактирщика я ничего не знала!

— Вернемся к Джоанне Неро. Нам больше ничего не остается делать. Вероятно, мы там их встретим.

И они вернулись к трактирщику, в порт Сант-Андреа. Тот их не ожидал.

— Скажите, приходили к вам те господа?

— Приходили, и с ними был, как я понял, ваш друг, которого вы ждали. Поэтому я дал ваш адрес.

— Скорей туда.

Они пришли в свой отель и нашли письмо Анри. Пока они раздумывали, взошел подстерегавший их Лебюфон и, не показывая виду, что он знает об их попытке уйти от него и его товарища, весело проговорил:

— Ну, наконец-то. Мы разыскали вашего друга, идемте скорее к нему: он ждет с нетерпением. Вещи ваши он уж велел унести.

Дюваль и Жанна так были обрадованы тем, что снова сойдутся с Анри, что не обратили внимания на последние слова Лебюфона и поспешили за ним. Через двадцать минут они уже были у нового мола, по которому расхаживал Дюпон, их с нетерпением поджиная. Встреча была радостная и трогательная.

Они в сопровождении Лебюфона взошли на яхту, где их поджидал де Коржак и, как только они спустились в каюту, он дал знак отплытия. «Ла-Стелла» стала сниматься с якоря.

— Как! Мы уже трогаемся? — спросил Дюпон.

— Да, господа, — ответил торжественным голосом Лебю-

фон. — Вы наши гости.

Он это сказал таким тоном, что нашим друзьям стало жутко, точно он хотел сказать: «Вы наши пленники».

XVII

Было шесть часов утра, когда курьерский поезд из Ниццы прибыл в столицу объединенной Италии.

Из купе второго класса вылезла неуклюжая фигура уже знакомого нам каноника с истрепанным, наполовину пустым чемоданом. Он спешно прошел к выходу, открыл перед чиновниками городской полиции свой саквояж и, пропущенный ими, вышел на улицу. Несколько извозчиков окружили его, предлагая свои услуги, но он отклонил их приставания энергичным жестом и направился пешком на виа Джоберти, на площадь Санта Мария Маджоре. Здесь он остановился перед небольшим старинным домом желтой окраски, в котором живут доминиканцы, обслуживающие базилику. Подойдя к двери, он как будто заколебался. Но, посмотрев на фасад храма, он перекрестился и с решимостью позвонил раз, другой.

Он знал, что по первому звонку здесь не отпирают. Посыпались шаги. Тогда он, как знающий обычай дома, стукнул молотком тоже два раза. Дверь медленно отворилась. Появился доминиканец с черным аналавом.

— Кого вам? — подозрительно спросил он путешественника.

— Брат повар, — отвечал тот, очевидно, знавший прислужника, — будьте любезны вызвать мне отца Маркуччи.

Повар дал звонок в келью отца Маркуччи, который тотчас же спустился со второго этажа. Подойдя к гостю и пристально глядываясь в него, он воскликнул:

— Не может быть! Вы, вы, дон Антонио? О, благодарение Богу! Идите скорее ко мне наверх! Бог внял моим неустанным молитвам; он вас вернул обратно! С тех пор, как вы от нас ушли, я день и ночь молился о вашем обращении и был уверен, что оно когда-нибудь состоится!

Они вошли в небольшую келью с окном во внутренний сад.

Маркуччи усадил гостя, затем распорядился, чтобы ему согрели кофе.

— Нужно вам что-нибудь, скажите? — продолжал добряк, спрашивая гостя. — Мы сейчас пойдем, купим вам сутану.

Антонио был растроган приемом брата Маркуччи.

Странное дело! Он этого человека знал очень мало! Он и обратился-то к нему потому, что было стыдно обратиться к знакомому человеку. У него здесь, в этих самых стенах, был друг, который горько оплакивал его падение и несколько раз пытался вернуть его, писал ему, но он ему даже не отвечал.

Антонио решил справиться о своем друге:

— Можно мне повидать падре Виченцо? — робко спросил он отца Маркуччи.

— Мой дорогой друг! Падре Виченцо более здесь не живет!

— Где же?

— Тело на кладбище Святого Лоренцо, а душа у престола Божия! Дорогой друг, я знаю, какое впечатление на вас производят мои слова, но не предавайтесь отчаянию.

Антонио, закрыв лицо, всхлипывал.

— Лучше помолитесь за него. Может быть, это он вас сюда привел; он всегда говорил, что готов отдать жизнь свою за ваше возвращение!

— Как же он умер?

— Дон Виченцо отправился во Флоренцию, где в день Успения должен был говорить проповедь в соборе. Ему нехорошо было. Он колебался до последней минуты, но наконец решил ехать. Из Рима в эти дни возвращались с похорон короля Гумберта, было много народа, и пришлось дать добавочный поезд, который вышел через десять минут после 11-часового экспресса, на котором ехал дон Виченцо. У костела Джубилео, у первого поезда испортился тормоз: он вдруг остановился. Здесь крутой поворот пути, и шедший сзади поезд не видел этого и налетел на первый. Произошла страшная катастрофа. Дон Виченцо находился в одном из задних вагонов, которые были обращены в щепы, и его нашли среди обломков раздавленного, со сломанными ногами и руками, с разодранным туловищем. Он был еще жив

и в памяти. Он просил, чтобы сперва позаботились о других и два часа пролежал под обломками, прежде чем его из-под них вынули. Он промучился три дня и умер в самое Успение здесь, рядом, в этой же площади, в военном госпитале, поражая всех покорностью воле Божьей, терпением и благочестием. Его навестили король и его братья-кардиналы, которые и доставили ему последнее утешение религии и благословение Папы.

Антонио слушал рассказ с напряженным вниманием. Когда тот кончил, он произнес:

— Бедный падре Виченцо! Вся его жизнь была сплошным самоотвержением! Ради церкви, ради науки, ради ближних, — и такая ужасная смерть! Есть ли после этого справедливость на свете?

— Мой друг, не произносите хулы. Я знаю, что он сам постоянно просил у Бога мучительной смерти и страдания на этом свете, чтобы не иметь их на том.

Антонио глубоко вздохнул.

— Единственный друг был у меня, и он умер.

— Он за вас молился.

— Здесь у меня нет более друзей.

— А меня вы не хотите считать? — спросил, улыбаясь, Маркуччи. — Пойдемте. Выпейте кофе и отправимся в Инквизицию: уже 9 часов.

XVIII

Отец Маркуччи свел своего гостя в цирюльню, где его обрили, подстригли и выстригли на макушке кружочек. Одев в духовное платье и напоив кофе, он, чтобы избежать встреч, не повез его на трамвае, а нанял фиакр.

Дорогой они не разговаривали. Маркуччи, смотря в брешиарий, читал Часы. Антонио же с замиранием сердца обдумывал, что с ним сделают в Инквизиции.

Проехали Новый мост, рядом с мостом Святого Ангела. На Борго Веккио пришлось ехать шагом: по слухам юбилейного года было много паломников, которые направлялись к церкви Святого Петра.

Вот, наконец, и площадь. Знакомый фасад величественной базилики с колоннадой открылся перед Антонио. Фиакр свернул налево и, объехав крыло колоннады, остановился у мрачного средневекового здания. Это и была Инквизиция или, как ее называют, «Сант-Оффицио».

Отпустив фиакр, Маркуччи и его спутник остановились у железной решетки, постучали, и их пустили во внутренний двор, окруженный галереями. Они поднялись во второй этаж и спросили асессора, который тотчас же их принял. Маркуччи вошел один, оставив Антонио ждать в антикамере.

Асессор, архиепископ Дженнари, встретил отца Маркуччи приветливой улыбкой и попросил сесть. Маркуччи тотчас же изложил дело:

— Монсензор, — начал он, — я привел вам кающегося грешника.

— Кто это?

— Делла-Кампо...

— Делла-Кампо? Не может быть! Этот несчастный, который 15 лет тому назад с таким скандалом порвал с Церковью и перешел в протестантство и женился? Про него говорили, что он сделался демонистом и служил черные обедни.

— Этот самый.

— Где же он?

— Он здесь, в передней, дожидается разрешения войти.
— Позвовите его.

Маркуччи подошел к двери и позвал Антонио. Тот вошел и поклонился епископу, не подымая глаз.

Асессор Инквизиции ободряющим голосом сказал ему:

— Если вы искренне раскаиваетесь, мы с радостью вас примем. Нет такого греха, который бы Господь не простили. Но ваше дело особенное: вы произвели соблазн, публичный соблазн. Вам придется принести публичное покаяние. Я сегодня доложу о вас Святому отцу: он решит, какому испытанию вас подвергнуть. Я надеюсь, что по слухам юбилея, когда двери милосердия и всепрощения отверсты для всего мира, они и для вас не окажутся закрытыми.

Ободренный дон Антонио поцеловал руку епископа. Он хотел что-то сказать и не мог: язык ему не повиновался.

— Сведите его к преосвященному кардиналу Парокки, секретарю Инквизиции, — сказал архиерей отцу Маркуччи.

— Corragio! — промолвил он, протянув руку Антонио с приветливой улыбкой.

Оба священника вышли из мрачного здания, и на этот раз на траме доехали до канцелярии, где жил Парокки, бывший папский викарий, только что назначенный на место канцлера Римской церкви.

Кардинал-епископ Парокки принял гостей еще любезнее: он, услышав от Маркуччи, что Антонио в приемной, сам вышел к нему, обнял и привел в свой кабинет.

— Любимое дитя, вы, вероятно, нуждаетесь. Я распоряжусь, чтобы вам дали все необходимое. Вероятно, ваше испытание долго не продолжится. Пока вы проживете в монастыре Святых Иоанна и Павла, а там мы о вас позаботимся.

Обласканный кардиналом, Антонио почувствовал себя легко. Последние колебания и сомнения исчезли. Он бодро смотрел на предстоящее испытание и рад был, что решился на этот шаг. Отец Маркуччи свел его к кардиналу Респиги, викарию, но тот отнесся довольно холодно: принял их стоя и не пригласил сесть.

Оттуда Маркуччи хотел позвать своего друга в монастырь Святых Иоанна и Павла, но тот попросил, как милос-

ти, дать ему возможность посетить юбилейные храмы, то есть базилики, в которых были открыты юбилейные двери. Маркуччи отпустил его, спросив, где он остановится. Тот отвечал, что переночует в маленькой гостинице и зайдет к нему за чемоданом.

Они расстались. Антонио предпринял свое путешествие по базиликам и начал с Санта Марии Маджоре.

Войдя в юбилейные врата, он прочел несколько молитв, сделал несколько поклонов и вышел через другие двери. Отсюда по прямой улице Рио-Мерулана он дошел до Латранской кафедральной базилики. Здесь он повторил то же самое и двинулся по пустырям Монте-Челио мимо Святого Стефана-Ротондо, мимо своего будущего жилища — монастыря Святых Иоанна и Павла, мимо Святого Григория к воротам Святого Павла, у которых возвышается пирамида, и по Остийской дороге достиг базилики Святого Павла. Там те же молитвы и поклоны. Оттуда, несмотря на усталость, он все же не сел на трамвай, а пешком пошел обратно и, обогнув Авентинский холм, перешел через Палатинский мост на ту сторону Тибра, зашел в храм Святой Марии в Трастевере, хотя этого и не требовалось, затем на Лунгаро, сделав не менее десяти верст, добрался до площади Святого Петра и здесь, пройдя юбилейную дверь и совершив поклоны и положенные молитвы, распостерся перед гробницей святых первопрестольных апостолов.

XIX

О, сколько воспоминаний будил в нем этот храм! Ведь он был здесь каноником и протонотарием! Каждое утро он здесь служил у гроба Святых Апостолов, каждый вечер он в хоре своих собратий здесь пел вечерню! И как он был счастлив! Как почитаем! Как любим и отличаем Святым отцом. И вдруг он пал... нет, не вдруг, — постепенно. Сперва он увлекся научной критикой, затем протестантскими учеными и свободными мыслителями. Атмосфера Католической церкви ему показалась душной. И он поспешил ее оставить. Был ли он счастлив потом? Нисколько! Нашел ли он, что искал? Нимало! Он катился по наклонной плоскости и чувствовал, что падает, что идет вниз, а не ввысь. Воспитанный в строгой схоластике и неумолимой логике католического учения, он не мог освободить свой ум от того понимания, которое им было усвоено. Он не мог сказать, что он потерял веру. Его вера ему казалась достовернее знания, а знание не теряют, его можно только забыть!

И теперь, когда он стал припоминать, прежняя горячая вера всколыхнулась в нем...

Долго он молился перед серебряной решеткой, установленной многочисленными лампадами, окружающей спуск к раке Святых Апостолов.

Уже каноники в пределе Златоуста отпели вечерню и повечерие и, в шелковых мантиях с меховыми опушками, возвращались в ризницу. Такую же манию носил когда-то и он... Проводив взглядом своих прежних коллег, Антонио встал с колен и, облегченный молитвой, вышел из собора. Сев на трам, он вернулся к жилищу своего друга. Отец Маркуччи его поджидал.

— У меня есть для вас радостная новость. Святой отец вас простили.

— Простили? Раньше, чем я успел пасть к его ногам и покаяться?

— Он понял состояние вашей души и вас простили. Завтра он вас примет, вот письмо асессора. А ночевать вы мо-

жете у монахов Святой Пракседы, здесь рядом. Они друзья нашего бедного падре Виченцо и с удовольствием дадут приют его другу. Отец аббат, настоятель монастыря, уже распорядился, чтобы вам там подготовили комнату. Пойдемте, я вас провожу.

У Святой Пракседы Антонио накормили, ни о чем не спрашивали и предоставили лучшую, настоятельскую комнату в его распоряжение. Не чувствуя себя от усталости, он лег в мягкую пуховую постель и заснул как убитый. Когда он на другой день утром проснулся, в монастыре был перевернут, шум, беготня, точно пожар. Наскоро одевшись, он вышел в коридор и спросил, в чем дело.

— Нашего отца-аббата сегодня ночью зарезали! — был ответ.

— Кто?

— Мафия! На кинжале стоит Мафия! — знак разбойников-демонистов.

Аббат дорого поплатился за свою гостеприимность. Несомненно, разбойник знал расположение комнат, так как по смежным крышам и галереям проник в комнату гостей, которую на этот раз занял игумен. Он бросился на него с кинжалом, но тот, услышав подозрительный шорох, вскочил и стал обороняться стулом. Борьба шла в темноте. Наконец, убийце удалось выхватить стул, ударить им его и всадить кинжал в грудь жертвы, которая тут же упала замертво. Убийца же был схвачен прибежавшими на шум и крики монахами, он был безоружным. Это оказался бывший монастырский служка, год тому назад прогнанный за нерадивость. Предположили месть. Пойманnyй молчал. Никого не удивило, что такой негодяй принадлежит к мафии. Один только Антонио сейчас же сообразил, что игумен был зарезан по ошибке. Пришедшие доктора нашли раны опасными, но не смертельными и обещали, что менее чем через месяц отец-аббат поправится совершенно. Самая опасная рана оказалась на голове, от удара выхваченным стулом. Антонио не мог быть допущен к раненому. Поэтому он передал свою благодарность братии, а сам, отстояв обедню, пошел к отцу Маркуччи, которому и рассказал про ужасный

случай с игуменом.

— Вам сегодня же надо переехать в монастырь Святых Иоанна и Павла. Там вы будете в безопасности. А теперь приготовьтесь к предстоящей аудиенции.

Ровно в 11 часов оба приятеля были у полуоткрытой бронзовой двери, ведущей в Ватикан. Офицер швейцарской гвардии вежливо спросил их, кого им надо.

— Самого Папу, — сказал, смеясь, Маркуччи.

Офицер опешил.

— У нас нет никакого приглашения на аудиенцию, но нас проведет преосвященный кардинал Парокки.

— В таком случае, проходите. Эминенция уже здесь.

Они поднялись по большой каменной лестнице и очутились на дворе Сан-Дамазо. Здесь опять остановка. Папские жандармы.

— Мы к Его эминенции, он велел нам сюда прийти.

— Пожалуйте.

Они прошли на другую, очень отлогую лестницу и поднялись на третий этаж. Здесь за стеклянной дверью жил глава Католической церкви — Римский Папа Лев XIII. У дверей стоял швейцар в живописном средневековом костюме, фантазии Микеланджело. За дверью дежурила рота папской гвардии. Их пропустили, но сейчас же спросили билет для аудиенции. Его не было, но Маркуччи, знавший все ходы и выходы, попросил доложить о себе монсеньору Анджели, папскому личному секретарю. Тот велел ввести обоих, и они очутились в небольшой камере, принадлежащей этому прелату.

— Знаю, — сказал он, — ваше дело. Святой отец вас сейчас примет, кардинал Парокки уже здесь и вас дожидается вместе с монсеньором ассессором. По поводу вас, — сказал он Антонио, — вчера было тайное совещание Официи в присутствии Его святейшества.

— И что же?

— Я не могу ничего сказать. Это тайна Инквизиции, такая же глубокая, как и исповедная. Но пройдемте к Его эми-

ненции.

И он повел их в коридор, минуя залы, в которых дожидались другие лица, получившие на это утро аудиенции, и вышли в тронную залу, где у закрытых белыми занавесями окон стояли кардинал и асессор и разговаривали.

— Вот наш раскаявшийся брат, — сказал Дженари.

Анджели прошел во внутренние покои и тотчас же вернулся с дежурным камергером в лиловой сутане, который с поклоном попросил кардинала войти. Через несколько минут тот же камергер вызвал асессора.

Прошло мучительных десять минут. Антонио слышал, как у него билось сердце. Наконец открылась дверь, и камергер ввел его и Маркуччи к Папе. Пройдя в маленькую переднюю, камергер открыл дверь в кабинет Его святейшества и доложил: «Падре Маркуччи, синьор Делла-Кампо» и пропустил их.

Войдя, Маркуччи сделал коленопреклонение перед Святым отцом, сидевшим на маленьком троне у стены. Антонио же, будучи каноником, не сделал коленопреклонения, а по привычке хотел пройти прямо, но его удержал Маркуччи. Он спохватился и, смешавшись, сразу опустился на оба колена.

— *Venga qui, venga qui!* — крикнул Папа.

Он поднялся и, подойдя к Папе, снова опустился на колени.

— Дитя мое, — сказал престарелый Папа, — ты искренне каешься?

— Да, Святой отец.

— Останешься верным до самой смерти?

— Да, Святой отец.

— Говори, в чем ты каешься, при всех! Я сам хочу выслушать твою исповедь.

Тогда коленопреклоненный грешник стал в последовательном порядке каяться в своих грехах. Он сознавался в таких ужасах, которым нет названия на человеческом языке. Казалось, не было греха, которого он не совершил. Все присутствовавшие стали на колени и тихо молились. Папа сидел и слушал. Грешник перечислял грехи за грехами. Наконец, он остановился.

— Все?

— Нет, Святой отец, есть еще грех, который я могу сказать только Вашему святейшеству.

— Говори тихо, они не слышат.

— О, Святой отец, грех, который меня более всего мучает, следующий: моя больная жена лежала в бреду. Придя в себя, она попросила пить. Мне было лень встать с теплой кровати, и я сделал вид, что не слышал ее просьбы. Она снова забылась бредом, а на другой день умерла.

Лев XIII, выслушав это признание, спокойно вынул табакерку, взял щепотку табаку, понюхал, спрятал табакерку,

обтер пальцы платком, смахнул крошки табака с белой сутаны и произнес:

— Дитя мое, не о том скорбь, что твоя подруга умерла без воды, а о том, что она умерла без покаяния.

— О, она каялась, но я к ней не допустил священника.

— Это поважнее. Ей ее покаяние зачтется, а тебе вот мой приговор: ты проведешь шесть месяцев в монастыре, исполнения устав и постясь среду, пятницу и субботу. Отпущение я тебе дам по истечении этого срока. А пока даю тебе мое благословенье. Читай ежедневно семь покаянных псалмов и присутствуй на трех обеднях. А я за тебя сам помолюсь, чтобы милосердный Бог простил тебе все твои ужасные грехи. Иди с миром.

Как он вышел от Папы, как он подымался к кардиналу Рамполли, статс-секретарю, как его отвезли в монастырь, он не помнил. Он пришел в себя только тогда, когда очутился на самом верхнем этаже монастыря Святых Иоанна и Павла, в душной келье под раскаленной железной крышей, с окном на глубокий каменный двор, залитый знаменитыми лучами солнца. Исповедь его не удовлетворила, Папа его не успокоил.

Он пошел к двери — надпись: «Выходить без разрешения настоятеля воспрещается».

Подошел к окну — надпись: «Подходить и смотреть в окно воспрещается».

Подошел к кровати — надпись: «Садиться днем на постель воспрещается».

Он чувствовал, что голова его горит; он подошел к умывальнику освежиться: и графин и рукомойник были пустые, совершенно сухие. Ему стало казаться, что он сходит с ума, и он подумал: «Не лучше ли прекратить эту страшную душевную и телесную муку, выбросившись с десятисаженной высоты на каменные плиты внутреннего двора?..»

XXI

Мы оставили Дюпона, Дюваля и Жанну на яхте в Генуэзском заливе в полной власти двух разбойников, задавшихся целью похитить секрет и уничтожить бесследно его обладателей.

Ради первой цели друзей окружили самым большим вниманием и предупредительностью. Оставляли их одних, но следили за ними и подслушивали их разговоры. На вопрос: «Куда едет судно?» был ответ, что едут в Ниццу, согласно желанию господина Дюваля, которому необходимо вернуться в полк. После этого судно войдет в полное распоряжение господина Дюпона.

Этот великодушный акт совершенно усыпал все подозрения наших друзей, так что они перед сном, не зная, что их подслушивают, заговорили, наконец, о том, что так интересовало их хозяев. Начал Дюваль:

— Ты знаешь, Анри, что твоя машина в Генуе?

— Как в Генуе?! Она здесь, на яхте, так же как и бумаги, ее касающиеся. Теперь они в полной безопасности. Высадив тебя и Жанну в Ницце, я возвращусь с нашими новыми знакомыми в Италию и буду продолжать свои занятия. Вы можете ко мне приехать, я вам дам знать, где остановлюсь и устрою свою резиденцию.

— Ясно, что секрет никому еще не известен, — сказал один из подслушивающих их другому. — Мне кажется, нам было бы безопаснее отпустить Дюваля и Жанну, а затем, уйдя в море, покончить с инженером и завладеть его тайной. Что могут сделать его друзья без планов? К тому же, Дюваль не инженер и не сумеет построить такой машины.

— Ты забываешь, — сказал Лебюфон, — что эти двое нас знают, уже раз заподозрили наши чувства, и в случае исчезновения их друга могут доставить нам немало хлопот.

— Значит, по-твоему?..

— Покончить со всеми тремя.

— Когда?

— Сегодня же ночью.

- Как?
- Выбросив их за борт по очереди, начиная с инженера.
- Будет исполнено.

Заговорщики не подозревали, что они могут быть услышаны. Чуткий слух Жанны уловил их шепот, и прежнее недоверие к ним у нее вернулось. Приложив ухо к перегородке, она так же хорошо их слышала, как они минуту перед тем ее собеседников. Дав этим знак рукой, чтобы они замолчали, она продолжала подслушивать и вникала во все подробности адского замысла. Тогда она шепотом на ухо передала обоим друзьям об опасности. Они стали слушать, и скоро и им не осталось никакого сомнения в надвигавшейся опасности.

Дюпон был человек энергичный, он немедленно составил план бегства: они спустят кормовую шлюпку и по канату спустятся в нее сами. Необходимо отвлечь внимание команды и хозяев судна. Он будет демонстрировать свою машину, а Дюваль подготовит побег. С этой целью он вышел и постучался в каюту де Коржака. Тот удивился.

— Мосье де Коржак, я вам так много обязан, что хочу вас отблагодарить. Позвольте мне сообщить вам и вашему другу тайну моей машины и предоставить в ваше распоряжение ее план.

У де Коржака мелькнула мысль: «Меня научат пользоваться этой ужасной машиной!»

Он тотчас же велел принести ее в кают-компанию, и под руководством Дюпона команда принялась ее собирать. Корма и вся палуба до боковых фонарей оказалась пустынной. Дюваль спустил на воду шлюпку, а в другой пробил дно. Жанна успела принести кое-что из провизии. Тем временем, Анри вычислил положение судна по капитанской карте и убедился, что они находятся вблизи Лигурийского берега. Затем, когда инструмент был собран, его соединили проводами с судовой электродинамической машиной и Анри направил <его> на крюйт-камеру.

— Теперь, — сказал он Лебюфону, — я пойду позову моих друзей, чтобы они пришли посмотреть на машину. Вы же ни в каком случае не подходите к ней, а то может случить-

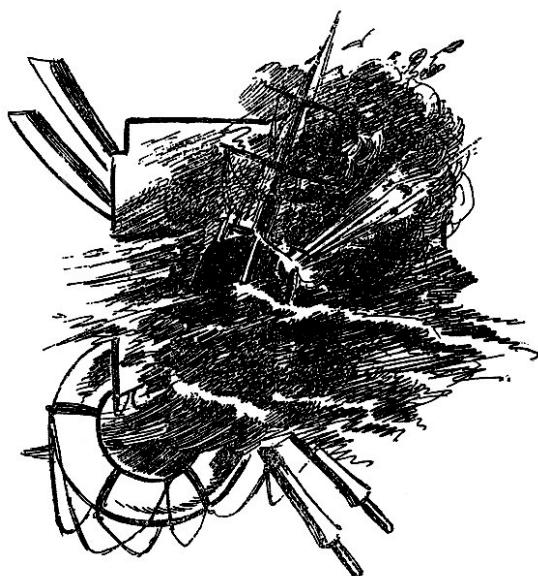
ся несчастье, какое случилось со мной в Тулоне. Лучше всего, не трогайтесь с места, я сейчас возвращусь.

— Скорее, скорее в лодку!

Первым бросился Дюваль, затем по канату спустилась Жанна, затем Анри. Когда все они очутились в лодке, Дюваль перерубил канат, они взялись за весла и по компасу направились к берегу. Едва они отошли на расстояние кабельтова от яхты, на ней сверкнуло пламя, и послышался страшный взрыв.

— Что это? — спросила Жанна.

— Я завел часовой механизм так, чтобы через десять минут последовал взрыв порохового юта. Пираты погибли, а мы с помощью Божьей спаслись!

XXII

Командир яхты «Ла-Стелла» и его друг, окруженные командой судна, стояли перед неизвестным аппаратом и недоумевали, что именно хочет проделать инженер.

Они знали, что инструмент должен что-то взорвать. Вероятно, вернувшись, Дюпон им скажет, в чем будет состоять опыт. Они уже спросили о том, будет ли грозить опасность континенту, но он их успокоил словами: «Никакому континенту, никакому острову опасность не угрожает».

Минуты шли за минутами. Дюпон не возвращался. Разговоры смолкли, команда притаилась: стало необычайно тихо. До слуха присутствующих донеслось слабое тиканье часового механизма. Всем стало как-то жутко. Инженер все не возвращался. Тогда Лебюфон воскликнул:

— Что же это значит?! Вот уже около десяти минут, как он вышел! Отыскать его!

Прошла еще одна томительная минута. Посланный вернулся.

— Их нет, капитан! Они бежали на шлюпке.

Тут все бросились на палубу, совершенно забыв о страшном механизме. Сомнения не было: «гости» бежали.

— Скорее за ними в погоню! Осветить местность электричеством! Живо!

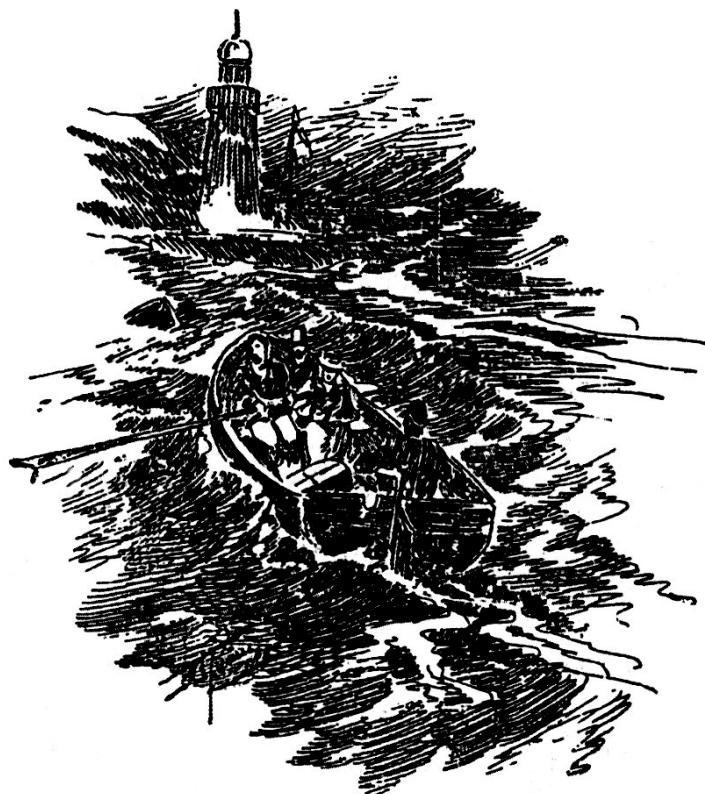
Три матроса спустили шлюпку, к ним присоединился Лебюфон.

Не успела шлюпка коснуться воды, как весь корабль содрогнулся и последовал страшный взрыв: в трюме оказалось громадное количество взрывчатого материала. Вся яхта запылала со всех концов, появилась течь. Между огнем и водой беспомощно метались люди. В лодку прыгнули еще два матроса. Отделившись от яхты, шлюпка стала тонуть. Лебюфон с матросами после оцепенения первого момента подумали о своей собственной судьбе и стали выкачивать воду, которая все прибывала. Наконец заметили, что дно пробурлено.

— Скорее заделать отверстие!

Сорвав с себя одежду, Лебюфон сам стал конопатить ею дыру. Течь уменьшилась. Они, ободренные, с новым жаром принялись выкачивать воду. Благодаря тихой погоде, это было сравнительно легко.

— Ну, теперь мы спасены, — сказал Лебюфон, — только бы продержаться до утра, а там до берега недалеко. Был бы компас, мы бы могли сейчас же направиться к берегу, но, к несчастью, его у нас нет.

В это время лодку стали окружать утопающие товарищи с «Ла-Стеллы». Они хватались за борта, за весла, так что шлюпка стала погружаться и одним бортом сразу зачерпнула большое количество воды.

— Не пускать никого, не то мы сами погибнем! — крикнул Лебюфон.

Началась отвратительная сцена борьбы за существование при слабом свете. Утопающие цеплялись и старались влезть. Спасенные их отбивали веслами, разжимали их пальцы и сталкивали в море. То один, то другой, с раскроеными черепами, исчезали в пучине.

Наконец остался только один. Лодка продолжала тонуть. Скомандовав приняться энергично за выкачивание воды, Лебюфон сам схватил весло и разбил череп утопающему; тот крикнул и погрузился в море. Лебюфон узнал этот голос: он убил своего друга, а матросы убили своего капитана...

Где-то вдали блеснул свет маяка. Лебюфон узнал генуэзскую «Лактерну» и, ориентируясь ею, направил шлюпку к берегу. Выкачивав воду и поплотнее задевав течь, все четверо приналегли на весла. Через какие-нибудь два часа лодка была у берега и врезалась в песок. Эти люди были спасены, спасены ценой братоубийства...

Тем временем, почти у того же места к берегу с большими усилиями пристала другая шлюпка с нашими друзьями. Захватив пожитки, они спокойно поднялись на берег и направились на свет огонька ближайшего дома, который оказался остерией. Несмотря на поздний час, там не спали, и наши мореплаватели были приняты довольно радушно, в особенности, когда Дюваль предложил им в задаток золотой. Им была отведена лучшая комната; сделали глинтвейн, который их подкрепил и согрел. На их просьбу, нельзя ли для дамы дать другую комнату, хозяева заявили, что, к несчастью, сделать этого не могут, так как другой свободной комнаты не имеется.

— Но если синьора желает поместиться вместе с другой дамой, то это можно устроить, если только та дама согласится.

Дама не спала. Ее спросили, она дала согласие, и Жанна перешла к ней.

— Мое дорогое дитя, — сказала дама, — вы не обращайте на меня внимания. Я буду продолжать свою молитву, я монахиня...

— Вы кармелитка?

— Да.

— Вы сестра Анри? Я вас узнала по голосу.

— Так вы — Жанна?

И обе женщины заключили друг друга в объятья.

— А Анри?

— Он здесь, рядом, с Дювалем, мы все живы и невредимы.

XXIII

— Пойди к ним, дитя мое, и скажи, что я здесь и сейчас приду к ним сама, — сказала монахиня, отпуская Жанну.

Та вышла и постучала к товарищам. Те еще не ложились и приводили в порядок свои бумаги. Они удивились появлению Жанны, но когда та сказала им, что здесь сестра Анри, они так изумились, что не хотели ей верить. Оба встали и направились к соседней комнате: она была пуста и темна. Зажгли огонь. Жанна узнала комнату, в которой была монахиня, но теперь от нее не было и следов.

— Жанне померещилось, — сказал Анри.

— Нет, мои друзья, я ее не только видела, я ее обнимала и целовала. Она здесь где-нибудь. Да вот и ее вещи, — радостно вскрикнула молодая женщина, указывая на чемоданчик.

В это время дверь отворилась, и вошла со свечой в руках сама игуменья; она подошла к брату и, видя, что он смотрит на нее во все глаза, как испуганный, сказала:

— Ты меня не узнаешь, брат мой? Как ты странно смотришь! Ведь я не привидение!

Дюваль потихоньку перекрестился. Когда же та хотела к нему подойти, он сперва стал отступать, а когда она привавила шагу, он заорал и бросился бежать из комнаты...

— Жанна, ради Бога, объясни, что с ними? Ты мне не сказала, что они оба помешались.

Жанна, смеясь, подошла к монахине и, целуя ее, промолвила:

— Они воображают, что вы привидение, так как вошли сюда, и ничего не оказалось!

— Да, я спустилась вниз к хозяевам сказать им, чтобы они сказали моему шкиперу, что я дальше не поеду. Ведь я из Генуи села на каботажный пароход, чтобы ехать в Ниццу, в гавани которой я надеялась вас встретить на «Ла-Стелле». Я разыскала ваши следы в Генуе, куда нарочно прибыла из Лондона, чтобы видеть брата, а он стоит, как дурачок, и не хочет даже поздороваться со своей сестрой.

Анри бросился целовать руки своей сестры. Дюваль осторожно притворил дверь и просунул голову. Видя, что «привидение» спокойно сидит на стуле и все с ним разговаривают, он решил войти и сконфуженно поздоровался с ее высокопреподобием.

Несмотря на усталость, друзья просидели всю ночь. Распросам и рассказам не было конца. Они разошлись в шесть часов утра, когда ударили к обедне, и кармелитка отправилась к богослужению. Жанна захотела ей сопутствовать. Мужчины — слабый пол — предпочли отдохнуть.

- Где мы? — спросила Жанна монахиню.
- Это Савойя, на пути между Генуей и Ниццей.
- Недалеко мы от Генуи?
- Должно быть, недалеко, я приехала морем, часа три.

Набожно отстояв обедню в ближайшей церкви, обе женщины вернулись в остиерию. Они не желали будить друзей, но что-то необычайное у их двери, мимо которой им пришлось идти, остановило их внимание. Сапог Жанны наступил на что-то мокрое. Это «что-то» текло из-под двери. Жанна нагнулась и упала без чувств. Кармелитка, схватив Жанну, нагнулась тоже: «мокрое» — было кровь!

Опустив Жанну на пол, монахиня дернула дверь — она была не заперта — и вошла в комнату. Два дорогих человека лежали без дыхания, зарезанные. Анри, — раскинув руки, с полуоткрытым ртом. Рана была нанесена спящему в сердце. Его друг лежал со стиснутыми кулаками и страшно раскрытыми глазами. Грудь его имела три колотых раны, из которых так обильно струилась кровь. Среди пола валялись разорванные бумаги. Монахиня стала звать на помощь. Сбежались люди; они рассмотрели над кроватью Дюиона приколотую к стене кровавым кинжалом с надписью «Мафия» карточку Лебюфона. Сестра убитого велела позвать комиссара. Тем временем, она убедилась, что планы похищены. Прибыла полиция. Обе женщины дали все необходимые показания. Убитая горем Жанна объяснилась на итальянском языке, так как она отлично им владела, живя

в Ницце среди итальянцев.

Комиссар, видя, что здесь замешана каморра, вел следствие довольно вяло. Вдруг Жанна преобразилась. Улыбка счастья мелькнула на ее лице.

— Сестра, — сказала она тихо монахине, — я чувствую что-то необычайное: я чувствую в себе ребенка. Я беременна... Память и дело Анри не умрут бесследно: сын Анри отомстит за отца...

— Дитя мое, — сказала кармелитка, — а я буду за него молиться. Но, чтобы тебя не нашли его убийцы, я тебя увожу с собою. Господь сохранит его будущего ребенка!

XXIV

Возвратимся к экс-канонику Делла-Кампо, заключенному в душной келье монастыря Святых Иоанна и Павла, устремившему взор в зияющую перед его окном пропасть.

«Нет, я с ума сойду, — подумал он и оторвался от притягивавшей его пустоты, — надо чем-нибудь заняться». Он сел у письменного стола, на котором лежали бумага и перо и стояла чернильница. Машинально он окунул перо в чернильницу — она была без чернил! Тогда он не выдержал. Подойдя к двери, он отворил ее и вышел в коридор. Не успел он сделать двух шагов, как перед ним вырос настоятель.

— Куда это вы идете?

— Ваше преподобие, — ответил Делла-Кампо, — я ни минуты более не останусь в вашем монастыре. Потрудитесь меня выпустить.

— Сделайте одолжение. Берите свои вещи и удалитесь. Мне приказано нисколько не стеснять вашей свободы.

Антонио вернулся в келью, взял свой сак и в сопровождении игумена спустился к воротам. Там он оставил вещи и пошел за извозчиком на площадь Святого Григория. Взяв фиакр, он вернулся к монастырю, положил свой чемодан и, простившись с настоятелем, велел ехать на вокзал железной дороги. Куда он поедет из Рима, он и сам не знал. Только бы подальше от этого города, где у него столько воспоминаний! На вокзале Термина он сдал свой чемодан, а сам, не желая ждать несколько часов на вокзале, вышел на улицу. Жара уже спала, улица была покрыта гуляющими. Пройдя мимо строящегося под кварталом туннеля, он хотел повернуть назад, как вдруг увидел своего знакомого, молодого русского художника Милославского, более известного под псевдонимом Альфред, которым он подписывал свои картины.

Лицо его в первую минуту поражало своей дурнотой, но впечатление это изглаживалось по мере более близкого с ним знакомства. Это был человек души редкой доброты,

чудного характера и выдающийся талант или, вернее, два таланта. Он играл на скрипке — как Саразатте, писал картины — как Рафаэль. Но талант его безбожно эксплуатировался продавцами древностей. Они заказывали ему копии лучших мастеров, которые и продавали иностранцам за громадные деньги, ему же платили так мало, что едва хватало на полотно и краски. Играть же он никогда не решался при чужих. И только друзья его — большинство артисты — имели редкое счастье слышать его игру, которая хватала за сердце и могла извлечь слезы из самых нечувствительных очей.

— Дон Антонио! Вас ли я вижу! — вскричал Альфред, увидав каноника. — Вы в Риме и мне не дали знать?! Пойдемте ко мне, я сегодня получил за картины, и у меня готовится вечеринка, на которой вы встретитесь с нашими общими приятелями, они все дали слово быть! Будет очень весело, будут модели.

— А я собирался сегодня же уехать, дорогой Альфредо.

— Куда?

Тот замялся.

— Думаю, в Париж, но еще не решил.

— В таком случае, вы успеете уехать и завтра. А сегодня повеселимся! Кстати, почему вы в таком костюме? Или вы вернулись к католичеству?

— Что делать, дорогой друг, я овдовел и нашел, что вдовцу приличней быть в сутане, чем в белом галстуке. Но я потерпел фиаско и сам не знаю, что буду делать.

— А убеждения?

— У меня убеждения пока одни: надо жить!

— Вот, смотрите, как люди живут, — сказал Альфред, указав на какого-то типа, остановившегося среди улицы и собравшего толпу.

Они подошли и увидели субъекта в черном хитоне вроде рясы, опоясанного веревкой, босого, с непокрытой головой, с длинными волосами и бородой и без всякого призыва белья.

— Какая гадость! — говорила дама, проходя мимо.

Он же стоял на каменной ступеньке и проповедовал:

— Берите пример с меня! Поближе к природе. Только природа, и больше ничего! Ходите босыми и нагими! Не стригите волос! Гуляйте как можно больше! Спите под открытым небом, ешьте все, что хотите, и как можно больше. Пейте, сколько вам угодно! Вино после пива и пиво после вина, только выходите проветрить голову! Кто хочет мою фотографию? Два су! Кому мою брошюруку о здоровой жизни? Два су! Три су то и другое!

Несколько рук с медяшками потянулись к шарлатану, и тот стал раздавать свои брошюрки и карточки. Кто-то протянул ему лиру. Взяв ее, он покончил раздачу и направился в лучший ресторан на Корсо. Наши друзья шли той же дорогой и увидели, как тот сел у зеркального окна и как перед ним поставили бифштекс с хреном и бутылку вина. Несколько человек остановились у окна. Голодные с завистью смотрели на этот спектакль и порывались зайти в ресторан за милостыней, но их гнали гарсона. Альфред вытащил из бокового кармана мелочь и раздал бедным, которые обступили его так, что он насилиu проложил себе дорогу до своего дома на Корсо, куда и завел своего друга.

На четвертом этаже находилась квартира Альфреда, состоящая из двух комнат: ателье, студии, или мастерской художника, и спальни. Рядом с ним жил другой художник, его приятель. Они соединили обе квартиры вместе, вынесли в одну из спален мольберты и начатые картины, а из двух ателье устроили столовую и гостиную. Придя домой, Альфред развернул свои покупки и принялся устанавливать их на большом столе, взятом напрокат у хозяйки. Его сосед Норберто, молодой итальянец, уже вернулся, тоже принеся целый мешок закусок. Увидев приготовления, каноник спохватился и, сказав, что сейчас возвратится, вышел и спустя минут десять вернулся, весь обвешанный пакетами. Компания уже успела собраться, и его встретили дружным «ура!». Среди гостей были две чочары в неаполитанских костюмах, хорошенъкие девочки-подростки, служившие моделями для художников. Общими усилиями был накрыт и уставлен стол. Не имея возможности приготовить обеда, ни средств выписать его из ресторана, приходилось довольствоваться готовыми блюдами. Четверо гостей-художников принесли каждый что-нибудь со своей стороны, так что в общем составилось довольно приличное меню. Стол украшали: фузарские устрицы, небольшой омар от Буччи, разные колбасы, саламе и дзамоне от Данино, консервы от Табога. Ростбиф, телятина, небольшой индюк из ближайшей «rosticherии», оттуда же горячие «супли» из риса, итальянская пицца из трактира, помидоры, редиска, арбуз, абрикосы и фиги из зеленной и вина в изобилии: два «Фиаско Кьянти стравеккио», «Фиаско Марсалы», «Фиаско Аликанте», шесть бутылок «Асти спуманте» и неизбежный вермут. Две пол-бутылки коньяка довершали убранство стола.

— Господа, к столу, — скомандовал приятель Альфреда, ставя два бронзовых светильника на стол и спуская ставни.
— Медам, вы будете столь любезны раздеться и прислуживать за столом?

Гнусная власть денег! Полубедные артисты, едва умевшие чем сами прокормиться, были все же богаче этих несчастных детей улицы, торговавших красотой своего тела, и не посадили их с собой как равных, а заставили прислуживать, унижая их, чтобы насытить свою похотливость!

Натурщицы удалились за ширму и спустя минуту вышли нагие, сияющие свежестью красоты и матовой белизной своего молодого девственного тела. Они подходили к каждому из сотрапезников, наливали им вина, клали куски с расставленных блюд, и, разрезая их на тарелках, угот-

щали сидящих мужчин.

Пирушка шла вовсю, когда в дверь постучали. Вошел общий приятель — молодой виконт ди Бролио, дававший частные работы нашим художникам в расписывании аль-фреско своего недавно выстроенного кастелло близ Тиволи. Молодой богач опоздал на вечеринку, его не ждали, так как он не обещался наверное. Его грум нес за ним настоящий страсбургский паштет и три бутылки французского шампанского. Как член кружка, он твердо помнил свои обязанности. Сейчас же он сделается центром всего общества. У него были неисчислимые анекдоты (большей частью из последнего номера «Фигаро»), неиссякаемый запас рассказов, пикантные истории про великих мира сего, с которыми, как он утверждал, он близок и чуть ли не в родстве, а про себя у него было столько приключений, реальных и фантастичных, таинственных и чудесных, на суще, море и в воздухе, что, казалось, ни один чемпион мира не мог с ним состязаться в богатстве фантазии и находчивости. Впрочем, он должен был раз уступить рекорд одному русскому, купеческому сыну Малинину, тоже приятелю Альфреда, известному шулеру, который, проиграв в *trente et quarante*, на пари прошелся нагишом по всему Корсо...

С появлением ди Бролио компания оживилась. Чочары были приглашены к столу и сели по обе стороны богача. Все оказали честь приношению виконта и его анекдотам. Перешли к дессерту. Альфред встал из-за стола, достав скрипку. Норберто сел за пиано, и полились чудные, восхитительные звуки. Первый импровизировал, второй аккомпанировал, предугадывая мелодию и улавливая переходы в другой тон. Альфред пел о любви, о потерянных надеждах, о напрасных усилиях, о бесполезных подвигах, о разочаровании в убеждениях, о разрушенных мечтах, о раскаянии в ошибках, о страданиях мятежного сердца, о сладком покое смерти... Все сидели очарованные, никто не шевелился. Нервно настроенный Антонио перенес столько нравственных потрясений, *<что>* расчувствовался, и по щекам его катились крупные слезы. Это вдохновило Альфреда. Он остановил импровизацию и начал торжественную фигу Баха. Мощными

аккордами аккомпанировал Норберто. Когда они кончили, каноник рыдал, как ребенок.

— Старик напился, — шептала молодежь.

— И чего он забрался в нашу холостяцкую компанию?
Чочары смеялись.

XXVI

— Кто этот слезливый ворон? — спросил ди Бролио на ухо Альфреда, когда тот кончил.

— Это мой давнишний приятель, перешедший в протестантство каноник, наделавший столько шума тому пятнадцать лет. Сегодня он почему-то в сутане: уж не хочет ли он идти по стопам Миралия и основать новую общину? Кто знает! Тогда эта община будет называться «Общиной слез» — *Delia lagrime*. Вернее, *Di lacryma Christi*, до которого он охотник.

— Я бы сказал, *Lacryma sputante*, — ответил виконт, видя, как тот, успокаиваясь, закурил папироску.

Антонио заметил, что шепчутся про него, и сказал:

— Молодые сеньоры, вы молоды, счастливы, беспечны, не знаете, что значит горе; будете в моих летах, испытаете кое-что в жизни, и у вас музыка будет извлекать из глаз слезы. Извините меня, что я нарушил ваше веселье своей грустью. Это прошло, и я хочу вознаградить вас за скуку, которую я внес, веселым и смешным рассказом из быта католического духовенства...

— Просим, просим! — послышались клики.

Ди Бролио присоединился к просителям, а Альфред сказал:

— У него масса остроумных анекдотов, мы посмеемся!

Отхлебнув марсалы, Антонио начал:

— У меня был знакомый французский кюре, очень желчный и раздражительный. Когда его приглашали на требу в неподложенное время, он выходил из себя. Однажды одна дамочка вызвала его из-за стола во время его завтрака для исповеди. Он не отказался. Оба идут в церковь. Священник садится в исповедальню, дама опускается на колени. Вдруг по всей церкви раздался крик: «И для такого пустяшного греха вы меня побеспокоили?» Если к нему приходила дама и начинала распространяться о посторонних вещах, он прямо гнал ее и кричал: «Господи! Что за сорока!» Так вот, к этому самому кюре, жившему в Шамбери, приходит на испо-

ведь чета герцогов дю Берри. Кюре, ворча, садится в свою клетку: его только что оторвали от сладкого послеобеденного сна. Герцогиня становится на колени и начинает исповедь. Очевидно по нетерпеливым движениям аббата, что его пациентка не говорит о деле. Частые повороты головы ее по направлению к сидящему на передней скамье герцогу показывают, что она перечисляет скорее его грехи, чем свои. Это предположение подтверждается потерявшим терпение священником, который во всеуслышание произнес: «Теперь, мадам, зовите сюда вашего мужа, и я дам ему отпущение...» Но это не все. Герцогиня остается у конфессионала. Теперь видно, что она говорит свои грехи. Вдруг кюре делает ужасное лицо и произносит: «О-о!» Еще минута, и он делает лицо еще ужаснее и подымает руки к небу. Наконец, герцогиня говорит еще какой-то грех, должно быть, страшнее первых двух, так как кюре вскакивает, в бешенстве плюет и кричит на всю церковь: «Тыфу, что за грязная баба!».

Общий дружный хохот покрыл слова рассказчика.

— Про эту герцогиню ходит масса анекдотов, — сказал ди Бролио. — Она раз с мужем и взрослой дочерью гостила в Эвиансе. Как вы знаете, там крестьянне очень бедны, семьи же у них огромные; редко у какого бедняка менее шести-семи детей. И вот, проходя по улицам и поражаясь количеством ребятишек, она не удержалась, чтобы не заметить: «Такая беднота, и столько детей!». «Что делать, мадам, — ответил ей один из счастливых отцов, приняв на свой счет ее слова, — ночи у нас длинные, а рубашки у наших жен короткие».

— Это про нее рассказывают, — сказал Альфред, — что она каждый раз, когда узнавала об измене мужа, заставляла его делать ей подарок? Ее муж прозвал этот налог *payer le bouchon*, подобно тому, как в отеле хозяин за всякую бутылку, взятую не в его погребе, платит за пробку...

Господа, — сказал Альфред, — вы все знакомы с «Декамероном» Боккаччо, но уверяю вас, я на каждом шагу вижу типы и сцены куда интереснее и занимательнее, в особенности среди духовенства. Вы не поверите, если я расскажу вам про одного монсеньюра, моего друга и приятеля, кото-

рый ночью вылезал из окна монастыря, в котором жил — как вы думаете, для чего? Чтобы нарвать букет цветов, распускающихся до рассвета! Который ездит по улицам на бицикlette, по окрестностям верхом на лошади, подымается на воздушных шарах. Которого вы одинаково встретите на церковном торжестве, на балу у посланника, на приеме у кардинала, на аудиенции у Папы, на археологическом конгрессе, на Пинчио во время музыки и в театре на первом представлении! Он завсегдатай Араньо, всех биррерий и почетный член городских детских амбулаторий.

XXVII

— *Per baccho!* Альфред, этот монсеньор, должно быть, пустой проходимец, необразованный и невоспитанный авантюрист, не верующий ни в Бога, ни в дьявола, отчаянный развратник, которому все прощается за его богатство и связи в высшем обществе...

— Нет, Энрико, ты не угадал. Это человек глубоко верующий, всесторонне образованный, воспитанный в лучшем обществе, но порвавший с ним всякие связи и совершенно нищий. Насчет нравственности — если судить по наружному виду или его самого послушать — он чудовище. Идет он вечером по закоулку, его зазывает женщина словами: «*Bona sera*»... Он ей, вежливо кланяясь, отвечает: «*Bona sera*» и идет дальше. Раз одна такая его останавливает, приглашает к себе и говорит: «Будем делать любовь, будем делать еще что-нибудь?» Он, не смущаясь, отвечает: «Синьорина, я уже то и другое сделал и очень утомился. Извините меня на этот раз...»

— Ну, так это какой-нибудь скопец... При встрече с женщиной он, как папский певчий, вздыхает: *Che sciagura di non aver...*

— Ошибаешься и на этот раз. Он женат и отец прелестных детей...

— Женат? Латинский поп — и женат!? Может быть, мы тебя не поняли?

— Женат, господа, по всем правилам Церкви и государства.

— Ну, мы тебе не верим, это слишком!

— А я верю, — сказал Делла-Кампо, — я знаю, про кого вы говорите: Лев Гика, румынский священник греческого обряда, который за переход в католичество поплатился своим княжеским титулом и майоратным имением?

— Он самый.

— Это фанатик или сумасшедший! Скандалист! Он месяц тому назад публично обличил патриарха, кажется, коптского, во взяточничестве и симонии, так что бедный арап

не знал, куда деваться.

— Так тому и надо было.

— Все знали и молчали, а он высказал!

— Да еще как! Ему поручили передать патриарху 500 франков за постановление одного эфиопа. Он не отказался, и все ожидали, что он их и передаст. Но дон Леоне выбрал время, когда патриарха провожали на станцию. Все прелаты пропаганды, египетский консул, африканские епископы и масса народа. Подойдя к нему, он вынул из кармана пачку денег и, говоря во всеуслышание: «Вот деньги, которые вы требовали за постановление в священный сан Аби-Мулата», поднес их к патриаршему носу, дал ему понюхать, а затем спокойно положил назад в карман и отнес обратно той dame, которая хлопотала за Аби-Мулата.

— Молодец! Что же Аби-Мулат?

— Аби-Мулат чуть не лопнул со злости, думая, что все потеряно. Но патриарх все же посвятил его в епископы Дамиетты, а патриарх, который притом был уличен в растрате 200 000 франков, получил строгий выговор. Гику же заставили извиниться перед патриархом письменно, что он и исполнил.

— Мы тоже знаем этого аббата! — сказали чочары. — Когда мы были маленькими, он давал нам сольдо и покупал наши букетики на Пьяцца-ди-Спанья.

— Когда он на Пинчио бывает утром, дети его обступают, птицы слетаются к нему и садятся ему на плечи. Говорят, он очень скучает по своей семье, которая осталась в Румынии, каждый год он туда ездит, и каждый год его жена приносит ему ребенка...

— Баста про попов! Что говорят о таинственном убийстве в Савойе двух французских офицеров каморристами?

— Говорят, что один из убитых преступник, бежавший из французской тюрьмы. Другой же — его сообщник, бежавший прежде, чем его успели арестовать. Оба обвинялись в причинении взрывов тулонских пороховых складов при помощи беспроволочного телеграфа. Газеты сообщают, что убийцы, желая воспользоваться их изобретением, увезли одного из тюрьмы, другого из его дома, привезли в Геную, где

похитили их бумаги, а затем в Савойе с ними прикончили. Кто говорит, что в Генуе убийцы только выследили их тайны и хотели увезти на корабле в Калабрию, но корабль потерпел крушение, и они на двух лодках добрались до Савойи, где злодеи убили несчастных и завладели бумагами. Пишут, что с ними были две женщины, которые скрылись.

— А убийцы пойманы?

— Исчезли, оставив кинжал и карточку. Кинжал с насечкой «Маффия», а карточка с вымышенной фамилией Лебюфон.

— Шут.

— Господа, — сказал каноник, просмотрев газеты, — по описанию я заключаю, что я ехал в одном вагоне с одной из жертв из Ниццы в Геную. Могу уверить, что он был совершенно один и ехал по доброй воле. Он мне дажеоказал услугу на границе, взяв мой чемодан и выкинув из него кое-какие ненужные вещи...

— «Трибуна»! — пронеслось по улице.

— Девять часов, вышла «Трибуна», посмотрим, что в ней нового, — сказал Альфред и пошел за газетой.

— Есть подробности! — сказал он, возвратясь. — Убийцы арестованы: это пять моряков с яхты «Ла-Стелла», взорванной убитым инженером Дюпоном.

XXVIII

Мы оставили безутешных сестру и вдову Дюпона в ту минуту, когда они, сообразив, что опасность быть убитыми мафией угрожает и им, решили скрыться. Надо было сделать это как можно осторожнее, чтобы не привлечь внимания. Взяв вещи, они незаметно вышли, пользуясь собравшейся толпой любопытных, окруживших остерию, где произошло преступление. Они прошли к вокзалу, где справились, есть ли в Генуе пароходы, отправляющиеся в Англию или Францию. Такового в этот день не было, но был на другой день идущий в Марсель.

— Ну, мы его и возьмем, — сказала монахиня и прибавила: — Ночь проведем в гостинице «Лигурия», там недорого.

И она взяла билет в Геную. Все это было сделано, чтобы сбить с толку преследователей.

Выйдя на перрон, они сели на поезд, идущий во Францию, и в тот же вечер проезжали Ниццу. Жанна хотела было заехать домой распорядиться, но сестра Мария (она же Анна Дюпон) ей этого сделать не дала, найдя, что это будет неблагоразумно. На другое утро они въезжали в Париж.

— Дитя мое, ввиду твоего положения, я не могу тебя взять с собой в монастырь, где и сама я гостья. Я знаю, что сделаю: у меня здесь в Париже знакомая вдова, очень бедная. Я тебе напишу к ней письмо, и она охотно даст тебе приют. Я уверена, что вы сразу подружитесь. Я же поеду прямо в Англию и оттуда буду вам писать и устрою твои дела. Я тебя рекомендую как вдову Дюпон. Под этим именем запишись в префектуру. Это важно для твоего будущего ребенка.

В эту минуту поезд вошел под навес вокзала. Обе женщины вышли из вагона и прошли в уборную, где сестра Мария написала письмо к своей знакомой. Затем они расстались. Жанна заплакала.

— Я теперь одна, одна на свете!

— Courage, дитя мое, ты не одна, так как я беру на себя заботу о тебе и о ребенке Анри. Я чувствую, что вы с Габриэль полюбите друг друга, как родные сестры. Прощай!

Они вышли, монахиня села в паровой трамвай, идущий к Северному вокзалу, а ее усадила на фиакр, дав точный адрес Габриэль.

Жанна осталась совершенно одна в большом городе, который знала только понаслышке. Вспомнив о дорогом убитом, она заплакала... В окне моросил дождь.

Между тем, в Савойе пятеро матросов с «Ла-Стеллы», довольные, что спаслись, сидели в трактире и ничего не знали о совершившемся убийстве. К вечеру они были пьяны, затели драку и попали в жандармерию. Там один из них упомянул что-то про Лебюфона и про французов, захваченных на «Ла-Стеллу» и с нее бежавших перед катастрофой.

Это возбудило подозрение, и на другое утро, когда они проспались, их повели к допросу и арестовали за личное соучастие в убийстве. Самого же убийцу не нашли. Но знали его приметы и, главное, узнали от матросов, что он также убил их капитана, владельца «Ла-Стеллы». Весть о трагической смерти де Коржака тотчас же распространилась, и все газеты пестрели подробностями этого нового обстоятельства. Теперь полиция энергично принялась за розыски. Если бы наши дамы знали заранее, какой оборот примет дело и что теперь они в совершенной безопасности, так как их единственный враг сам находится под угрозой возмездия со стороны своих собратьев, они, наверное, не покинули бы Савойю, не отдав последний долг своим дорогим усопшим. Похороны убитых состоялись на другой день при большом стечении народа, и тела их упокоились в освященной земле савойского Кампо-Санто, под тенью скалистых гор и вечнозеленых кипарисов.

Наконец извозчик остановился: Жанна была в Пасси, перед домом, где жила Габриэль.

— Здесь живет Габриэль Лекуврер? — спросила она камеристку.

— Здесь, — ответила та, видя даму, приехавшую в фиакре. — Только ее сейчас нет дома. Она в ателье на улице Николо. Там она служит надсмотрщицей над белошвейками.

— Далеко это?

— Нет, пройдите по улице Анонсиасьон до рынка Пасси, там повернете на улицу Пасси. Первая улица на противоположную сторону, то есть налево, будет рю Николо. Третий дом на правой руже, на углу рю Виталь.

Жанна поблагодарила и велела извозчику, взявшему на час (он иначе с вокзала не соглашался так далеко ехать), довезти ее до ателье.

Извозчик знал лучше консьержи, где улица Николо. Он повернулся в противоположную сторону и, проехав проулком мимо церкви и башни, очутился тут как раз против искомой улицы. Еще минута, и вдова Дюпон (мы ее теперь так

будем звать) остановилась у ателье, содержимого на средства благотворительных дам Парижа, под высоким наблюдением его преосвященства кардинала Ришара.

Вдова Лекуврер осталась после мужа, умершего в Мартинике, во время одного из часто там бывавших землетрясений, после двухлетнего замужества, с годовалым ребенком.

Ее покойный муж отправился в Антильские острова по поручению фирмы «Пти Тома», в которой служил доверенным лицом. После его смерти торговый дом послал ей небольшую пенсию, а друзья из клиентуры устроили ее на небольшое ответственное место в дамской благотворительной мастерской.

Жанну проводили в приемную комнату. Через минуту вышла Габриэль и, думая видеть заказчицу, приветливо улыбаясь, спросила:

— Чем можем служить?

В ответ Жанна протянула письмо, данное ей сестрой Анри. Габриэль попросила гостью садиться, а сама, стоя, стала читать. По мере того, как она читала, ее лицо выражало все больший и больший интерес. Окончив письмо, она бросилась к Жанне, обняла ее и сказала:

— Мадам Дюпон! Вы вдова брата моей благодетельницы сестры Марии! Я для вас все, все, все сделаю, что только вам нужно! Какой ужас — убийство вашего мужа! У меня тоже недавно муж погиб на землетрясении и я только через месяц узнала о его смерти! О, как я вас понимаю и вам сочувствую! Подождите немного, я отпрошусь у директрисы и вас провожу к себе, у меня немного места, но мы с Тото потеснимся и устроимся вместе. Мы будем дружны, не правда ли? — сказала она, ласково обняв Жанну. — У нас в ателье есть ученицы старше вас!

Жанна, смущенная таким потоком слов, не знала, что отвечать, но упоминание об Анри и добрые слова и ласка ее новой подруги ее снова ввели в слезы. Не дожидаясь ответа, Габриэль, сама еще молодая женщина, вспорхнула и, живо собравшись и спросившись у начальницы, которой импонировало письмо монахини, явилась обратно и, взяв под руку Жанну, повела ее к себе на улицу Анонсиасон, в

дом против бывшего монастыря кармелиток, на четвертом этаже, из окон которого был виден, как на ладони, монастырский двор.

Антонио проснулся с тяжелой головой и первую минуту не мог определить, где он очутился. Он лежал на диване в незнакомом месте. Кругом стояли мольберты, полотна с картинами. Он вспомнил, что он у художника, и все, что происходило накануне, и ему стало стыдно и досадно на себя.

Он встал, с удовольствием умылся свежей водой из умывальника, оделся, и, взглянув в соседнюю комнату, где еще спали его приятели, вышел на улицу. Было чудное, восхитительное утро. На Корсо царilo обычное оживление. Антонио зашел в небольшую кофейню, спросил «капучино» и бумагу и принялся писать письмо Папе.

«Санто падре (писал он), я не в силах перенести положенное на меня испытание. Я обращаюсь всей душой, каюсь и прошу безотлагательного отпущения, получив которое, я буду до конца дней моих верным служителем Святой Церкви. Прошу позволить мне удалиться в один из загородных монастырей, где бы я уединенной работой и добровольным молитвенным подвигом мог доказать свою ревность к Святой Вере и чистосердечность моего раскаяния».

Запечатав письмо и надписав адрес: «Ватикан, Его святейшеству Папе», он отнес его на главную почту, где сдал заказным бесплатно, так как на всем протяжении итальянского государства, в силу закона о гарантиях, письма, адресованные Папе, как и те, которые адресованы королю, не оплачиваются. Сделав это, Антонио почувствовал облегчение.

Да, надо было кончить, он поступил правильно, и Папа, наверное, поймет его.

Воспоминание об отвратительной вчерашней оргии вызвало краску на его лице. И он, стариk, затесался в эту компанию! Он бы должен был уйти и остался, чтобы служить посмешищем молодежи! Нет, он должен себе сознаться, что он нарочно не уходил: его давно тянуло испытать и этот, самый гнусный вид разврата с девушками, развратными до мозга костей, но сохраняющими телесную невинность до выгодного случая! И он был вчера как раз свидетелем и соучастником такого случая! Богач ди Бролио, после того, как всякие гадости были совершены его товарищами на все способы, дал по сто франковому билету каждой из натурщиц и получил то, что до него не было доступно для его более бедных друзей.

Выйдя из почтамта, Антонио встретился с вышедшими из церкви Святого Сильвестра английским священником, которого он когда-то знал. Тот с изумлением на него посмотрел, видя его в сутане. Антонио прямо подошел к нему и сказал:

— Вы меня не узнаете? Я Делла-Кампо, вернулся в Католическую церковь, и вчера сам Святой отец меня принял.

Тот протянул два пальца своей руки с некоторым недоверием.

— Вы не верите? Справьтесь в Инквизиции.

— Хорошо, поздравляю вас, но, извините, мне некогда.

Эта встреча немного охладила Антонио. Но он решил не унывать. Он пошел по направлению к Пантеону. Дорогой его встретили еще два знакомых священника и оба отвернулись. У Пантеона попался ему навстречу старичок, настоятель французской церкви, монсеньор д'Арманьян. Этот на него взглянул и поздоровался. Очевидно, он уже знал о его возвращении.

— Монсеньор, — сказал Делла-Кампо, — я прошу вас вернуть мне вашу прежнюю дружбу.

— Сеньор аббат, — ответил тот, — я был дружен с вами, пока вы были каноником Святого Петра. Я очень рад вашему возвращению, но теперь дружба с вами меня может компрометировать. К тому же ваши денежные обстоятельства, как я слышал, неважны, и потому я отклоняюсь от дружбы, которая бы меня обязывала вам помогать...

Антонио не дослушал циничного монсеньора и поспешил от него отойти. Не решаясь более подходить ни к одному из бывших знакомых, он проплутал до вечера по улицам Вечного города, и около семи часов, когда прозвонили Аве-Мария, отправился за ответом в Ватикан. После бесконечно долгого сидения в полной посетителями прихожей папского статс-секретаря кардинала Рамполы, этот, наконец, принял его.

— Вам не угодно было оставаться у Святых Иоанна и Павла, — сказал он, — можете отправляться куда вам угодно, только мы требуем, чтобы вы сняли духовную одежду и удалились из Рима.

— Скажите Святому отцу, — ответил Делла-Кампо, — что вчера я готов был это сделать. Но сегодня я понял, что я этого сделать не могу. Если мое раскаяние не принято, если мне нет прощения, если я должен навсегда расстаться со всякой надеждой на полное примирение с Церковью, если вы меня гоните из Рима, — я покину и этот мир!

Шатаясь, он вышел из Ватикана. Была звездная ночь. Он шел и шел, сам не зная куда. С растерянным взглядом, бессвязно повторяя бессмысленные слова, жестикулируя руками, он обратил на себя внимание запоздалых духовных, возвращающихся из кардинальских аудиенций. Вдруг к нему подошли двое: он их уже видел у Рамполы. Это был американский епископ из Далласа в Техасе и его секретарь.

— Что с вами, сеньор аббат? Вы, должно быть, очень расстроены сегодняшней аудиенцией? Не могу ли я вам чем помочь?

Антонио обернулся и, видя участливые лица, тут же, на улице, начал рассказывать о претерпенных им мытарствах и, наконец, о резолюции убираться подальше...

Американцы негодовали.

— Слушайте, бишоп, — сказал с американской фамильярностью секретарь, — ведь это возмутительно! Чем бы обласкать такого человека, а они его гонят!

— Идемте, сеньор Антонио, — сказал архиерей, — к нам в гостиницу, мы поговорим за стаканом хорошего вина.

Они пришли в отель «Д'Ориенте» на Пьяцца Поли и поднялись на второй этаж, где епископ снимал скромный номер. Преосвященный скинул рясу и оказался в модном жилете. Он надел короткий пиджак и задымил сигарой, предложив другую гостю. Делла-Кампо закурил тоже и стал рассказывать свои злоключения. Тем временем, пришли еще несколько священников, британцев или американцев, и все отнеслись сочувственно к Антонио. Епископ оставил его ужинать, угостиł хорошим вином, ободрил и даже, прощаясь, отвел к сторонке и предложил денег. Антонио еще не нуждался, поблагодарил и не взял.

«Вот настоящий христианин, — подумал он, тронутый участием американца. — А ведь этот народ на самом плохом счету в Римской церкви».

В той же гостинице оказался свободный номер. Антонио в нем переночевал, а утром, проснувшись и вспомнив о папской резолюции, снова упал духом и, сам не отдавая себе отчета в том, что он делает, отправился на Пинчио, в сад,

расположенный на горе с отвесными, облицованными камнем сторонами. Сад еще был пустынен. Дон Антонио скрым шагом взобрался на гору, прошел весь сад до крутого обрыва, саженей в сорок, вскочил на парапет и, взмахнув руками, бросился в пространство...

XXX

По виа Фламина ехал на двуколке с навесом крестьянин с бочкой вина, которое он вез в город. За ним, ведя лошадь под уздцы, шла его жена с фурой отмолоченной соломы. Лошади повозок шли понуро, отряхивая мух подвешенными к ушам фюкеттами из конских хвостов. Они свернули мимо виллы Боргезе по направлению к Порта-Пинчана. Начинался подъем, кони шли тише. Крестьянин слез с повозки и пошел рядом с женой.

— Продадим вино и нашу солому, Мария, и купим тебе новый фацолетто. Дела у нас хороши, и ты можешь щеголять.

— Потому и хороши, что мы не лежим на боку и работаем, Пеппе, — ответила молодая женщина. — Соседи из зависти говорят, что нам во всем удача.

— Они правы, дорогая Мария, ты мне приносишь счастье, и с тех пор, как мы женаты, у нас все идет как нельзя лучше. Мадонна и мой святой патрон нам посылают все, чего мы у них ни просили. Я уверен, что, попроси мы борова прямо с неба, мы бы получили и это...

Не успел он произнести этих слов, как что-то промелькнуло в воздухе и со свистом врезалось в воз с соломой, которая разлетелась во все стороны.

— Боров с неба! — закричали оба. — Смотри, это живое, двигается...

Они бросились к своему возу и с ужасом отскочили: перед ними, исцарапанный, но невредимый сидел на возу священник с испуганными глазами и раскрытым и тяжело дышавшим ртом.

— Это дьявол, — сказала жена.

— Нет, это оборотень, — сказал муж. — Давай проколем его вилами, и он опять станет боровом. Я сам видел, как свинья летела по воздуху...

Мнимый оборотень сидел, пыхтя и пучка глаза, и не мог произнести ни одного слова. Должно быть, пришлось бы ему отведать вил донны Марии, если бы, на его счастье, не

сбежался со всех сторон народ, а сверху, с Пинчио, не кричали бы что есть духу садовники, увидевшие прыжок слишком поздно, чтобы его предотвратить.

Полубесчувственного аббата сняли с воза, положили в откуда-то появившуюся санитарную тележку и повезли в госпиталь Святого Духа, у моста Святого Ангела.

Слух о самоубийстве священника распространился по всему городу и дошел до Ватикана. Там в это время был епископ Далласа и хлопотал за своего нового друга. Его хлопоты вышли очень удачными, чему помог и инцидент, в котором увидели чудо. Лев XIII поручил епископу Далласа лично передать Делла-Кампо, что он получил отпущение, прощен и восстановлен в священном сане и чине протонотария и должности каноника церкви Святого Петра.

XXXI

Габриэль вернулась в ателье сияющая. Жанна ей очень понравилась. Особенно ее подкупило то, что Жанна тотчас же приласкала Тото, и Тото к ней сейчас же пошел на руки. Ребенок оставался обыкновенно на попечении соседей или консьержа, теперь же Жанна заявила, что она сама будет с ним сидеть в отсутствие матери. Она же убрала комнату, выстирала белье, готовила обед, одним словом, оказала тысячу маленьких услуг женщине, которая ее приютила. Габриэль не имела еще подруги по сердцу. Поэтому мысль иметь таковую в Жанне ее восхищала; она с нетерпением считала часы до окончания работы и, когда окончился рабочий день, спешно собралась и побежала домой.

Жанна и Тото ждали ее за накрытым столом, за которым дымился уже готовый обед. После поцелуев матери с ребенком подруги обнялись, и Габриэль выразила удивление хозяйственности Жанны. Сели за стол. Годовалый Тото сидел тут же на высоком стуле, умытый, чистенький, в накрахмаленном нагрудничке.

Подруги весело разговаривали, и Жанна немного забыла о своем горе. Строили планы. Переменять квартиру они не будут, им и тут не тесно. По праздникам они будут ходить к торжественной обедне в приход, а после обеда — на прогулку в Булонский лес. Обед прошел весело. Давно Габриэль не видела такого сытного и хорошо приготовленного обеда.

Бутылка легкого бордо украшала стол. Тото, получив яблоко, соскочил со стула и стал играть в свои игрушки. Наступили сумерки. Габриэль уложила своего ребенка, Жанна убрала со стола. Обе молодые женщины сели рядом на диване и продолжали начатый разговор. Вдруг в дверь постучали. Консьерж привел телеграфного рассыльного.

— Это, верно, от сестры Марии, — сказала Жанна, — что она благополучно достигла Англии.

— Нет, — сказала Габриэль, — странно, я не понимаю, что это значит! Ах, Жанна, прочти! Что со мной, я грежу...

Жанна взяла депешу и громко прочла:

«Из Мартиники. Каблограмма. Габриэль Лекуврер. Ваш муж нашелся, он жив, поправляется, скоро выпишется из больницы, возвратится во Францию через месяц».

— Жанна, Жанна! Ты мне принесла счастье! Он жив. Мой муж жив, я не вдова, Тото не сирота!..

И они обе залились слезами.

С этого дня Габриэль только и жила надеждой увидеть воскресшего для нее мужа. Она сбросила траурные платья, которые носила уже несколько месяцев после известия о вероятной гибели ее дорогого Рене.

Как это случилось, что он столько времени не давал о себе вести?

Все объяснилось с приходом первого антильского парохода, привезшего Габриэль собственноручное письмо ее мужа.

«Во время землетрясения (писал он) я был поранен обломком скалы в голову и потерял сознание. Когда я пришел в себя, оказалось, что я уже четыре месяца в больнице, мне сделали операцию, вынув осколок кости из мозга, и я теперь поправляюсь. Со следующим пароходом надеюсь возвратиться».

Но следующий пароход пришел, а Рене не приехал. Пришло новое письмо.

«Милая Габриэль, я должен остаться еще на месяц. Я выздоровел совершенно, но по поручению фирмы должен привести в порядок запущенные дела. Одно плохо: здесь теперь сезон ураганов и сообщения с островами затруднены, а мне приходится делать разъезды на Гваделупу и другие острова. Но терпите, не падай духом. Во всяком случае, через месяц я вернусь к тебе и нашему дорогому Тото».

Этот день Габриэль грустила, а Жанна ее ободряла. Габ-

риэль хотела было сама ехать к мужу, но это было неблагоразумно, и ее легко убедили этого не делать, так как она может с мужем разъехаться и его не найти: ведь он в разъездах и легко может из любого места взять попутный пароход во Францию, не возвращаясь в Сен-Пьер.

Прошел месяц. Рене не возвращался и не подавал вести. В конторе фирмы «Пти Тома» узнали, что он привел в порядок все дела торгового дома и выехал из Сен-Пьера, но куда и с каким пароходом, неизвестно. Они обещали дать знать госпоже Лекуврер, как только будут иметь какие-нибудь о нем известия. Жанне снова пришлось утешать подругу.

В этот день, вернувшись из ателье, Габриэль как-то особенно грустила. Уложив Тото, Жанна уселась около грустившей подруги. Они в сотый раз перебирали все возможности, почему не дошло письмо, почему он не писал, почему письмо запоздало и т. д. до бесконечности. Вдруг постучали. Габриэль вскочила, открыла дверь и очутилась в объятиях своего вернувшегося мужа! Оба плакали от счастья и не могли наглядеться друг на друга.

— Рене! Милый, воскресший Рене! Ты жив! Ты нам возвращен!

XXXII

Рене Лекуврер служил агентом большого дома «Пти Сен-Тома», вывозившего с Антильских Малых островов хлопок, сахар и кофе. В свою очередь, он поставляли в колонию все припасы и изделия, какие туда требовалось из метрополии, так что ввоз покрывал вывоз на месте, а в общем, наживались огромные барыши, дававшие огромный дивиденд пайщикам этого общества. Остров Мартиника расположжен на $63^{\circ} 30'$ западной широты от парижского меридiana и между 14° и 15° северной широты. Поверхность его 987 квадратных километров, населенных 190 тысячами жителей. Он весь в горах, из которых главная — Мон-Пеле, вулкан. Много речек, еще более потоков. Три судоходные реки: Сале, Лемантен и Монсье. Два главных города — Сен-Пьер и Порт-де-Франс, резиденция губернатора. Почва очень плодородная в равнинах и склонах гор. Главный продукт вывоза: сахарный тростник. Климат приятный зимой, жаркий весной. С июля до декабря сезон ураганов и циклонов. Землетрясения стали часты в конце столетия.

В этой-то земле Лекуврер едва избежал смерти от стихийного бедствия и уцелел только благодаря уходу врачей, удачной операции и выносливости своей натуры. В лазарете, в период выздоровления, он подружился с товарищем по несчастью, сломавшим ногу на той же катастрофе, плантатором Ланглене. Этот Ланглене и отправил по морскому кабелю телеграмму жене Лекуврера, как только тот пришел в сознание и мог дать о себе сведения. Оба выписались из лазарета почти одновременно, и Ланглене пригласил своего нового знакомого к себе на плантацию до окончательного выздоровления. Однажды оба друга сидели на веранде, с которой открывался чудесный вид на море, горы и все окрестности. Налетел шквал и вмиг сорвал плотный деревянный навес, который взвился кверху и отлетел на расстояние нескольких десятков саженей.

— Вот разрешение задачи воздухоплавания, — сказал Рене. — Сопротивление воздуха так сильно, что при скоро-

сти 60 километров в час оно способно выдержать давление 200 кило на четыре квадратных метра. Как это люди до сих пор не поднимаются на воздух?

— Скоро этого достигнут, — сказал Ланглене. — Найден двигатель, дающий возможность такого быстрого движения при незначительном весе. Но, по-моему, решение задачи еще не в этом.

— В чем же решение задачи воздухоплавания? — спросил Рене.

— Судите сами, — сказал Ланглене. — Воздушный шар, даже управляемый, всегда будет игрушкой немного свежего ветра. Аэроплан, хрупкий инструмент, при сильном ветре или при неудачном повороте теряет устойчивость, падает и разбивается. Надо изобрести такой аэроплан, который бы мог складывать свои крылья, как птица, и который двигался бы не только против ветра, но и по ветру, следовательно, скорее самого сильного ветра. Его устойчивость должна быть в прямой зависимости от быстроты движения. Такой аэронеф не боялся бы воздушных течений, и никакие аварии ему бы не угрожали. Он, как птица, мог бы летать, куда ему угодно, пролетать ворота, останавливаться у окон небоскребов, гоняться за птицами, перелетать океаны, взлетать на скалы, делать сальто-мортале в воздухе, подобно голубям, и, подобно орлу, бросаться с высоты на добычу...

— Эта задача неразрешимая, — сказал Лекуврер.

— Я докажу, что она разрешима! — сказал Ланглене. — Я еще никому не доверял моей тайны. Мой аэронеф построен и выдержал испытания. Отправимся вместе, и я вам его покажу, только требую, пока я жив, полного соблюдения моего секрета.

Рене обещал, и в один ясный день, когда все дела по отношению к торговому дому были закончены, наши друзья отправились на один совершенно пустынный остров, где работали преданные Ланглене негры из его прежних крепостных под наблюдением опытного инженера. Несколько моделей было готово, но в них оказывались недостатки.

— Вот окончательная машина, — сказал инженер Бризан, подводя приятелей к предмету, напоминающему испо-

линского жука. — Я его попробовал сегодня ночью, и, по-моему, он достиг желаемого совершенства. Скорость движения может доходить до 600 верст в час, и управляется легко, как игрушка. В случае порчи механизма, он постепенно замедляет ход и плавно опускается на землю. Мы можем сегодня же вечером совершить небольшую пробную прогулку.

На тропиках ночь наступает почти мгновенно за исчезновением солнца за горизонтом. Этого времени дождались наши друзья, чтобы не привлечь ничьих взглядов на свои опыты.

— Пора, — сказал механик.

Ланглене и его друг подошли к машине, казавшейся еще таинственнее в сумраке. Сбоку, под крылом, было отверстие вроде дверцы, в которое они и вошли. Несколько электрических лампочек освещали внутренность. Посреди шел стержень винта, заключенный в футляре; сесть пришлось верхом на него, на мягкие и прочные седла.

Так же уселись и механик — спереди; перед ним возвышалось колесо вроде рулевого и два ряда рычагов и кранов. Электричество было погашено, и друзья увидели, что весь верх бока и передняя часть машины совершенно прозрачны, точно сделаны из хрусталя и стекла. Механик нажал рычаг, и машина, как птица, взмахнула крыльями и поднялась на воздух; еще несколько взмахов, и заработал винт. Крылья распростерлись, как у парящей птицы, и аэронеф полетел, как стрела, по прямому направлению.

— Держитесь крепче ногами, — сказал механик, — мы сейчас начнем наши опыты.

— Поворот налево!

Машина слегка накренилась на левый бок, и поворот был исполнен.

— Подъем кверху!

Заработали крылья.

— Вниз по плоскости!

Аэронеф опустился передней частью вниз, распростер крылья и плавно скатился по воздуху, точно с горы, причем движение ускорилось.

— Спираль по верху!

Это было исполнено с замечательной ловкостью.

— Вниз!

Аппарат сложил крылья и, как орел, бросился с высоты наземь. Не долетев до поверхности моря саженей пять, он снова взмахнул крылами и без дальнейших остановок возвратился к своему ангару, куда и влетел, не задев ни за что, и опустился на самую середину его пола. Электричество опять осветило внутренность, и Ланглене спросил своего друга, как он находит его машину.

— Непостижимо! — ответил тот. — Да, вы действительно вправе утверждать, что задача вами решена!

С этого дня опыты повторялись каждой ночью. Их, скорее, следовало бы назвать упражнениями, так как опыт уже был сделан и оказался вполне удовлетворителен.

Теперь же механик Бризан набивал себе руку и знакомил своего патрона и его друга с деталями управления аэропланом. Несколько раз, когда они брались за руль, чуть не случались катастрофы и мотор летел турманом книзу, и только скорое и находчивое вмешательство Бризана спасало их от купания в океане.

Наконец наступил день отъезда корабля из Гваделупы, с которым Лекуврер должен был возвратиться во Францию.

Ланглене и Бризан его провожали.

— Дорогой друг, — сказал первый, — я все свое состояние употребил на это дело. Воспользоваться этим изобретением я не в состоянии, хотя желал бы, чтобы оно послужило для общего человеческого блага. Бризан специалист и весь поглощен своими машинами и моторами. Поэтому вся моя надежда на вас, что вы, Рене, используете его на общее благо. Вы молоды и энергичны. Поезжайте в Европу, ликвидируйте ваши дела с фирмой «Пти Тома» и возвращайтесь сюда с вашим семейством. Нам предстоит еще много дела и работы вместе. Наш аэроплан послужит могущественным средством для сплочения людей в одну семью и первым звеном для искоренения войн, таможен и даже границ. Только бы он не попал в руки злых людей и не сделался бы орудием насилия! Поэтому я так ревниво его и оберегаю.

Лекуврер обещал вернуться и посвятить свою жизнь это-

му делу.

Бризан прибавил:

— Наше изобретение создает переворот не только в социальном, но и в экономическом строе.

— Но так, — сказал Ланглене, — оно послужит звеном к более изумительным открытиям не только по части воздухоплавания и передвижения вообще, но и по другим отраслям технического искусства! Что же касается исследования земной поверхности и ее тайн, то, благодаря аэронефу, оно перестало быть сопряжено с трудностями, и все препятствия превзойдены. В умелых руках эта машина способна доставить и богатство, и могущество, и власть над всем миром.

После первых минут сладостного свидания Лекуврер объявил жене, что он принужден оставить фирму «Пти Тома» и переселиться на Антильские острова, куда повезет и ее и ребенка. Он не объяснил причины, сказав только, что нашел место, лучше оплачиваемое. В действительности, он не знал, какую роль он будет играть в деле изобретения Ланглене и сколько будет у него получать. Все это он надеялся выяснить письменно, будучи от природы человеком очень застенчивым и любящим изъясняться письменно и избегать устных переговоров о вещах более или менее деликатных. Он очень удивился, когда Габриэль ему рассказала историю Жанны и сказала ему, что она ее взяла жить к себе по просьбе госпожи Дюпон. Рене ничего не сказал, но видно было, что это ему неприятно. Жанна, между тем, чтобы не стеснять супругов, устроилась в другой комнате и раздумывала о том, как ей теперь быть. Она решила переехать и приняться за прежнее ремесло. Она не унывала, эта бодрая женщина, у нее была цель в жизни: ее будущий ребенок.

XXXIII

Совершив двойное убийство, Лебюфон и не думал скрываться. Он тотчас же отправился с бумагами в Гренобль, в ложу «Объединенных искусств», где дал подробный отчет о крушении «Ла-Стеллы» и о совершенном по приказанию высшего начальства убийстве. В доказательство последнего он представил бумагу следующего содержания:

Свобода. Равенство. Братство
Генеральный секретариат Ордена
«Великий Восток Франции».
Верховный Совет для Франции
и французских колоний О*
Рю-Каде, 16, Париж 16

Сообщение достопочтенным * Лож,
к которым принадлежат судебные делегаты.

Параграф 303 Генерального регламента.

Париж, 25 августа 1900.
Достопочтенным * Ложи *
Объединенных Искусств в Гренобле.

Весьма * Дорогие * Братья
Поручаем вам принять к сведению, что
достопочтенные де Коржак и Лебюфон,
наши братья, посланы нами для приведения
в исполнение нашего судебного приговора
относительно виновника взрыва в Тулоне
и всех его соучастников.

Подписано:
Иоаким Гольдблат * секретарь.
Скрепил:
Моиз Френкель * субсекретарь.

Лебюфон промолчал об убийстве товарища. На вопрос о капитане он заявил, что тот погиб на «Ла-Стелле». Лебюфон еще был в Гренобле, где рассматривал похищенные им документы, как ложа «Объединенных искусств» получила из Генуи телеграфное сообщение:

«Де-Коржак изменнически убит спасшимся товарищем Лебюфоном. Назначьте опрос и немедленно приговор приведите в исполнение».

Телеграмма была шифрованная и не возбуждала подозрения на почте. Прочесть ее мог только мастер ложи, который пришел в ужас, познакомившись с ее содержанием. Он отдал приказание разыскать и привести обвиняемого. Тем временем, в вечерних газетах он прочел подробности этого дела, рассказанного матросами. Лебюфон и не знал о грозившей ему опасности, когда за ним пришли из ложи. Он подумал, что его зовут для дачи каких-нибудь пояснений относительно планов. Но когда его привели и поставили среди экстренно созванного торжественного собрания, он почувствовал нечто вроде испуга.

— Господа, братья, почтенные, что это значит?

Все молчали.

Вместо ответа секретарь собрания протянул ему вечерний номер газеты. Большиними буквами значилось:

«АРЕСТ ПЯТИ УЧАСТНИКОВ УБИЙСТВА В САВОЙЕ. СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ. УБИЙСТВО КАПИТАНА “ЛА-СТЕЛЛЫ” ЕГО ТОВАРИЩЕМ».

Лебюфон побледнел, зашатался: он понял все. Прерывающимся от волнения голосом он стал рассказывать о случившемся, стараясь обвинить кого-нибудь из матросов. Его замешательство его выдало. Все продолжали молчать. Он смущился и невольно себя выдал.

— Прочтите кодекс, — обратился председатель к секретарю.

— «Виновный в неоказании помощи погибающему товарищу, если за этим последует смерть этого товарища, приговаривается к смертной казни через обезглавливание».

— Виновен?

— Виновен!

— Осужден?

— Осужден! Смерть ему!

— Достопочтенные братья, — произнес, наконец, вышедший из оцепенения и пришедший в себя Лебюфон, — позвольте сказать несколько слов в свое оправдание.

— Говори, — сказал председатель.

— Почтенное собрание! Я вместе с товарищем де Коржаком был избран, как имевший уже немалые заслуги перед Орденом, всегда беспрекословно ему повинуясь, был избран, повторяю, для того, чтобы извлечь из общественного употребления необычайное и ценное изобретение инженера Дюпона и уничтожить все следы существования этой тайны. Я это выполнил, несмотря на трудность задачи, на риск, на смертельную опасность, от которой избавился с пятью матросами только тем, что мы никого не впускали в нашу уже тонувшую лодку. Я веслом не работал. Это клевета. Я, полунағой, вычерпывал воду из пробитой лодки, которую заткнул собственным платьем. Правда, мне померещился голос де Коржака, но это был его последний крик, когда, с пробитой веслом головой, он уже шел ко дну. Было невозможно его спасти. Но было невозможно его спасти и ранее, иначе как поменяввшись с ним местом. Этого героизма не имел никто из нас, думавших каждый только о себе. Но я не знал еще, что это капитан: их тут было убито несколько человек, была ночь, и притом темная. Но, кроме того, обратите, господа, на то внимание, что я должен был во что бы то ни стало исполнить приговор совета над Дюпоном. Пусти я лишнего утопающего матроса в лодку, и он не спасся бы, и я бы потонул, и приговор не был бы исполнен. Теперь судите меня, правильно ли я поступил или нет. Повторяю: не щадя жизни, я исполнил поручение верховного совета. Должен был я щадить жизнь каких-то матросов, рискуя оставить приговор без исполнения? Отвечайте! Я кончил.

Его поэтому и обвинили только в неоказании помощи. Но в данном случае — как он мог оказать помощь? Он должен был исполнить предписание, хотя бы это и стоило жизни его самого и его товарищей.

— Лебюфон, вы оправданы: вы свободны. Идите с миром, — сказал председатель.

Все присутствующие в знак согласия кивнули головой, говоря:

— Он невиновен!

Лебюфон ускользнул от правосудия человеческого. Он вышел из здания ложи и не знал, что ему предпринять.

«А вдруг те матросы сумеют доказать, что их обвинение не клевета? Жить под такой угрозой! Ведь каморра его найдет по всему свету! От нее не скроешься».

Лебюфон знал и то, что за ним еще будут следить, и потому не решился уехать из Гренобля. Укоры совести тоже давали себя чувствовать. Он провел мятежную ночь. На другое утро он прочел в газетах более подробные показания матросов и об исчезновении Жанны. Оба известия были для него потрясающие.

«Что я наделал, — сказал он сам себе. — Ведь я оставил в живых свидетельницу, которая, даже в случае моего оправдания каморрой, всегда может довести меня до эшафота со стороны правительства. Но теперь и каморристы вправе меня обвинить в неполном исполнении их приказания, а показания матросов не оставляют более никаких сомнений в моей виновности относительно де Коржака. Что мне делать?»

Пока он утром раздумывал, к нему опять прислали от главного мастера.

— Почтенный брат, главный мастер вас просит к себе с подлинными бумагами Дюпона.

— Как — с подлинными бумагами? Да ведь я ему их передал.

— Вы ошибаетесь. Бумаги им пересмотрены. На них помечено: «Копия». Где у вас подлинники?

— *Je suis foutu!* — воскликнул Лебюфон. — Я обыскал Дюпона, взял копии, а подлинники, значит, были у Дювала,

которого я не догадался обыскать! Теперь все пропало! Скажите главному мастеру, что я сейчас приду.

— Извините, мне приказано вас привести.

— Хорошо, позвольте зайти в спальню взять кое-какие документы и сделать распоряжение при вас же...

— Сделайте одолжение.

Тот усился, а Лебюфон позвонил. Затем взял какой-то пакет из кармана, положил в конверт, подписал что-то и, вложив в другой конверт, написал адрес своего нотариуса. Вшел слуга гостиницы.

— Отнесите этот пакет на почту. Вот деньги. Отнесите по тому же адресу. Вот деньги за гостиницу, а теперь прощайтесь.

Слуга ушел. Лебюфон снова прошел в свою спальню. Вдруг послышался выстрел. Посланный бросился туда, но опоздал: Лебюфон, с простреленным черепом, лежал мертвый. Правосудие он совершил сам.

XXXIV

На другой день после приезда Лекуврера, когда Габриэль ушла в ателье, а ее муж в контору своего торгового дома, Жанна сидела за столом и писала своей бель-сестре.

Вдруг позвонили.

«Кто бы это мог быть?» — подумала она и спросила, не открывая двери:

— Кого нужно?

— Госпожа вдова Дюпон здесь квартирует? — был вопрос.

— Что вам от нее нужно?

— Будьте добры, дайте мне войти. Я нотариус Леметр, вел дела вашего покойного мужа. Здесь, на лестнице, мне неудобно вам объяснить цель моего визита.

— А мне, мосье, неудобно вас у себя принять. Будьте добры, скажите, когда мне прийти в вашу контору, и дать адрес? У себя же я никого из мужчин не принимаю.

— Но, послушайте, мадам, человек для вас побеспокоился, бросил дела, чтобы лично привезти вам известие о колоссальном богатстве, которое вам достается путем наследства, а вы его не пускаете даже в переднюю...

— Мосье, — ответила Жанна, — вы напрасно сердитесь и напрасно выдумываете всякие сказки, от которых уснешь стоя. Теперь я уже не верю, что вы нотариус. Если вы то, что говорите, я сама к вам приду, а пока прощайте.

Нотариус послал ко всем чертям щепетильность своей клиентки и стал спускаться с лестницы. На его счастье, вернее, на счастье Жанны, в это время поднялись по лестнице консьерж и его жена. Они уговорили нотариуса подождать и сами постучали к Жанне, которая узнав, что это они, открыла. Следом за ними вошел нотариус, обмахиваясь большим фуляровым платком и обтирая им свое покрасневшее от усталости и раздражения лицо.

— Извините, мэтр, что я вас сразу не впустила, — начала Жанна.

— Мне ваших извинений не надо, сударыня, потрудитесь получить и расписаться в получении.

И он протянул ей пакет, на котором стояло:

*«Госпоже Жанне Субиррус,
вдове инженера Анри Дютона,
убитого в Савойе.*

Все находящееся в пакете принадлежит вашему покойному мужу и должно теперь принадлежать его жене и ребенку. Простите раскаявшегося и покончившего с собой убийцу, действовавшего по приказанию других».

— Что это значит?

— Вероятно, этот пакет найден был убийцей на теле Дютона. Чтобы успокоить совесть, он пересыпает его вам.

Жанна вскрыла пакет. Там оказались бумаги, устанавливающие владение вдовой Дюпон недвижимой земельной собственностью с алмазными россыпями в центральной Австралии, всего на сумму несколько миллионов долларов.

— Эти бумаги не Анри и не могут быть ими, — сказала Жанна, — и потому я отказываюсь их принять.

— Вы не имеете права отказываться, сударыня, — сказал нотариус. — Это принадлежит не столько вам, как вашему будущему ребенку. Конечно, это не те бумаги, которые были на вашем покойном муже. Убийца мне возвратил подлинные документы, я выправил ваши права наследства, не зная, где вас найти, без вас, а теперь, когда я заочно ввел вас в эти права, то и принес в пакете бумаги, которые удостоверяют ваше право на собственность. Будьте добры, распишитесь в получении.

Делать было нечего, и Жанна расписалась.

— А теперь позвольте дать вам совет. Положите эти бумаги в банк. Завтра я вам доставлю все остальные документы, а также полученные мной на ваше имя деньги с этих россыпей. Сейчас же могу ссудить вас, если позволите, несколькими тысячами франков...

— Мерси! Дайте мне сто су на катушки и моток белой шерсти. У меня все нитки вышли и нечем заштопать Тото

штанишки. Очень благодарна. Как это кстати, а то у меня и денег больше не было. Так до завтра, господин...

— Леметр...

— Господин Лемэтр. И извините за прием. Впрочем, если вы и завтра заявитесь один, то не ожидайте лучшего.

Когда тот ушел, Жанна попросила жену консьержа посидеть с Тото, а сама сбежала в лавочку и купила все, что ей было надо для шитья, а также палочку ячменного сахара для опекаемого ребенка.

XXXV

К двенадцати часам дня вернулся муж Габриэль и очень оценил подругу своей жены, когда та ему сказала, что его ждет вкусный и горячий обед, только что ею готовленный. Сегодня он был в отличном расположении духа. Фирма ему выплатила полностью за все время его болезни, и, будучи довольный тем, что его последняя экспедиция все же принесла громадные барыши, эти господа объявили своему агенту, что делают его отныне участником в прибылях, которые, благодаря ему, торговый дом будет получать. Хороший обед и хорошо сваренный кофе с коньяком совсем примирили его с Жанной, и он стал думать, что вовсе не будет ему так плохо, если она останется с ними жить. Только будущий ее ребенок пугал его. Во всяком случае, надо будет переменить и увеличить квартиру, октябрьский терм пропущен, и придется жить в этой конуре до весны, так как по закону он должен предупредить домовладельца за целый терм.

«Ехать ли мне в Вест-Индию? Мне и тут хорошо, а изредка мне и так придется туда наезжать».

Посидев немного и просмотрев газеты, он вышел по своим делам, а Жанна стала дописывать свое письмо сестре Марии.

Вечером, когда супруги возвратились, Жанна объявила им, что собирается их покинуть и возвратиться в родные Пиренеи. Габриэль чуть не заплакала.

— Жанна, ты нас обижашь! Разве ты нас стесняешь! Напротив, ты мне оказываешь громадную услугу. И как же ты уедешь? Ведь тебе на юге угрожает опасность!

— Нет, дорогая Габриэль, мне более ниоткуда не грозит никакой опасности. Тот, кто меня мог преследовать, покончил с собой и даже возвратил мне бумаги моего покойного мужа, хотя и не все. Муж мне оставил, как оказывается, небольшое состояние, которое дает мне возможность существовать безбедно, а также обеспечивает нашего ребенка.

Рене и Габриэль посмотрели друг на друга с недоуме-

нием: «Что это значит? Не предлог ли это, чтобы уехать?»

После неловкого молчания Габриэль произнесла:

— Конечно, если тебе хочется от нас уехать, то это твое дело. Мне тебя бесконечно жалко. Я тебя полюбила, как младшую сестру, Тото к тебе привязался, как к родной, и Рене тебя, наверное, полюбил тоже. Не правда ли, Рене?

Тот мотнул головой в знак согласия.

— Если тебе трудно, то мы возьмем прислугу, так как наши дела теперь поправились, я тоже могу не ходить в ателье, и, наконец, мы намерены переменить квартиру на более просторную, где у тебя с твоим маленьким будет отличное отдельное помещение. Если тебе нужны деньги, мы с тобой всегда поделимся: ведь и ты мне нередко помогала, когда мы были одни. Душечка, ради Бога, не уезжай!

И она заплакала. Заплакала и Жанна.

— Я не уеду, я останусь с вами, если вы так хотите. Но я должна вам раньше все рассказать по порядку. Сегодня утром у меня был нотариус моего мужа и принес пакет, присланный на мое имя от Лебюфона.

— Убийцы?

— Да! И тот сообщил, что умирает, раскаивается и возвращает по принадлежности документы на владение какими-то алмазными приисками в Австралии. Что это за прииски, как они оказались принадлежащими моему мужу, — я не знаю. Я не хотела брать, но нотариус сказал, что я уже введена во владение и не имею права отказываться, так как это собственность не только вдовы, но и ребенка моего мужа. Что мне было делать?

Оба супруга сидели, разинув рот. Им это наследство казалось сказкой или фантазией Жанны.

Тогда она принесла пакет со всем его содержимым, которое еще не успела внести в банк. Рене, рассмотрев бумаги, сказал:

— Да, это все верно! Жанна, вы миллионерша! Понятно, что вы не хотите более с нами жить.

— Что вы! — сказала, покраснев, Жанна. — Я только боялась быть вам в тягость, но теперь, видя, как вы меня любите, я не только не уеду, но, как вы готовы были со мной де-

лиль последнее, так и я буду настаивать, чтобы вы не скрывали от меня своих нужд и желаний, чтобы вы мне могли доставить удовольствие, дав возможность их удовлетворить.

— А вы, Жанна, не считаете нужным самой исследовать эти копии? — спросил Рене.

— Я об этом думала, но сама в теперешнем положении ехать не могу. Я хотела бы попросить вас, если это вас не затруднит.

— Поедемте туда все вместе, — сказала Габриэль, испугавшись новой разлуки с мужем.

— Это дело не такое спешное, — сказала Жанна, — и мы об этом успеем подумать. А пока я попрошу мосье Рене...

— Зови его просто — Рене.

— Попрошу Рене свезти в банк эту бумагу и положить ее там на хранение.

— Мы непременно это сделаем завтра. Самое верное — это иметь дело с Парижской национальной учетной конторой.

— Мы не расстанемся — и это главное!

XXXVI

Сестра Мария сидела в своей келье в приютившем ее монастыре на острове Уайт и десятый раз перечитывала письмо Жанны.

«Что, этот ребенок с ума сошел или в горячке? Откуда у Анри могла быть земельная собственность в Австралии, английской колонии?»

Ее брат жил трудами, не имел никакой собственности, ни движимой, ни недвижимой, и после своей смерти ничего не мог оставить жене. Монахиня решила написать своему адвокату с просьбой разузнать об этом деле. О самоубийстве убийцы она уже знала раньше, следя за этим делом в газетах, но не нашла тогда нужным писать об этом Жанне, чтобы не растревлять ее свежей раны. Вдруг у нее мелькнула мысль: «Вдруг это *подарок* раскаявшегося убийцы! Ради чести их имени, имени будущего ребенка, Жанна должна отказаться! Она не имеет нравственного права принять подарка из рук убийцы ее мужа!»

Жанна с нетерпением ждала ответа сестры. Следующий день прошел в хлопотах. Был нотариус, привез деньги, разного рода акции и свидетельства, из которых выяснилось, что Дюпон получил это колоссальное богатство от неизвестного ему лица и притом после своей смерти.

Каким же образом бумаги могли оказаться в бумажнике убитого?! Страшная правда вставала перед нею. Нотариус не был уполномочен говорить, но и без того было ясно, что эти деньги не принадлежали ее мужу, а были подарком убийцы, ценой крови ее Анри, которой злодей думал искупить свое преступление. Она с брезгливостью передала ведение дел Лекувреру, поручив ему узнать тотчас же, посредством каблограммы, кому принадлежали эти копи ранее Дюпона.

На следующее утро пришло письмо от сестры. Она убеждала Жанну отказаться от недостойного подарка. Это была

проповедь человеку обращенному. Жанна еще раньше решила не прикасаться к нему, если эти деньги — подарок Лебюфона. Каково же было ее изумление, когда пришел следующий ответ из Австралии:

«Копи принадлежали лорду артиллерии, сэру Эрли Монгомери, завещавшему их в полную и совершенную собственность того человека, который на опыте, а не на теории только, первый осуществит предложенную им, лордом Монгомери, задачу: взрывать на расстоянии взрывчатые вещества, и притом без всяких проводов».

В силу этого завещания, правление копей (кстати сказать, сильно разросшееся со времени смерти завещателя), получив удостоверение от нотариуса о произведенных опытах его убитого клиента, тотчас же признало того выполнившим условия и потому — полноправным владетелем этих копей.

Теперь Жанна могла смело принять эти деньги. Они действительно законно, по праву принадлежали ее Анри и должны принадлежать его ребенку. Но что-то в глубине души говорило ей, что все-таки это подарок убийцы. Он один, оказывается, знал о завещании и о правах на него Дюпона. Во всяком случае, он постарался искупить свою вину. Благочестивая Жанна пожелала, чтобы это доброе дело пошло ей в засчет.

XXXVII

В конце января у Жанны родилась прелестная девочка, которую называли Анриеттой. Крестной была, конечно, сестра Мария, приехавшая ради этого случая в Париж. Крестным отцом был Рене. Малютка была записана в приходе Благовещения под именем Анриетта-Мария Дюпон, дочь умершего инженера Анри Дюпона. Крестины были отпразднованы с большой торжественностью. Жанна скоро встала и никому не хотела доверить кормить ребенка, тем более, что здоровье ей это позволяло. Габриэль перестала ходить в ателье, а Рене пришлось опять поехать на Мартинику, где он нашел своего приятеля Ланглене в сильном горе.

Его машина потерпела катастрофу, во время которой погиб механик Бризан. Планы остались, но для того, чтобы построить новый аэроплан, не было подходящего человека. Он эти планы отдал Лекувреру, передал в его распоряжение и мастерскую, и рабочих и закрепил за ним этот клочок земли, который был его собственностью.

Не имея друзей и близких, он даже сделал на него завещание, которое и передал Рене, взяв с него обещание, что он не забросит этой идеи и построит новый аэроплан по данным чертежам.

Рене видел, что его приятель сильно упал духом, и обещал прислать ему верного человека, инженера, который на его глазах воссоздаст аппарат. Это обещание, видимо, обрадовало его приятеля и ободрило его. Вернувшись в Париж к Пасхе, Рене, уже не связанный тайной, поведал жене и куме о необычайном изобретении и представил бумаги с чертежами.

— Знаете что, друзья мои, — сказала Жанна, — я надеялась иметь сына, но Бог судил иначе. Поэтому я передаю бумаги с чертежами изобретения моего покойного мужа в ваши руки.

— Может быть, наши дети, когда вырастут, полюбят друг друга, — сказала Габриэль.

— Это было бы моей мечтой, чтобы Тото женился на

Анриетте...

— И тогда, — прибавил Рене, — в их руках будут два замечательнейших изобретения в свете!

— И богатство, — сказала Жанна, — которое даст возможность их осуществить.

— К тому времени, как они вырастут, эти изобретения, весьма вероятно, придут еще кому-нибудь в голову, и весь мир будет ими владеть.

— Нет, мы овладеем миром! Зачем ждать? Примемся за дело сами, и наши дети, когда вырастут, найдут эти инструменты готовыми к их услугам, и будут в состоянии ими воспользоваться для общечеловеческого блага!

— Итак, Рене, — сказала Жанна, — с этого дня ты берешь в свои руки все это дело, находишь способных и верных механиков, строишь по чертежам ту и другую машину, а мы, женщины, займемся исключительно воспитанием наших детей для их будущего счастья!

— Средства у нас есть, чтобы перевернуть мир, — сказал Рене. — Но будет ли наш Тото гением, который сумеет ими воспользоваться?

— Это покажет будущее.

Примечания

Роман Н. А. Толстого «Цари мира» вышел отдельным изданием в Москве (тип. Торгового дома московского изд-ва «Копейка») в 1912 г. Хотя книга была означена как «часть первая», продолжения не последовало.

Текст публикуется с исправлением очевидных опечаток. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Иллюстрации взяты из оригинального издания.

С. 6. ...закон, только что проведенный Вальдеком — Пьер Мари Рене Эрнест Вальдек-Руссо (1846-1904) — французский политик, государственный деятель, реформатор, антиклерикал и дрейфусар, в 1899-1902 гг. премьер-министр Франции. Здесь имеется в виду проведенный администрацией Вальдека-Руссо в 1901 г. «закон об ассоциациях», существенно ограничивший деятельность религиозных объединений. Следует отметить, что окончательная редакция закона, принятая под влиянием левых партий, не совсем соответствовала намерениям Вальдека-Руссо и что он выступал против эксцессов в его применении, допущенных преемниками.

С. 10. ...русский электротехник Филиппов — Здесь и далее речь идет о русском ученом, писателе и популяризаторе науки М. М. Филиппове (1858-1903), издателе и редакторе журн. *Научное обозрение*. Был найден мертвым в своей домашней лаборатории в Петербурге; накануне смерти опубликовал письмо, в кот. утверждал, что изобрел способ передавать на тысячи километров энергию взрыва. В недавние годы деятельность Филиппова стала предметом всевозможных конспирологических спекуляций.

С. 12. ...национальной монмартрской базилики — т. е. базилики Сакре-Кёр (Святого Сердца). На самом деле ее строительство, начатое в 1875 г., завершилось в 1914 г., а освящение состоялось в 1919 г.

С. 12. ...«Матен» — *Le Matin* (1884-1944), до Первой мировой войны одна из крупнейших ежедневных газет Франции; тираж ее в описываемое время превышал 100,000 экз., а около 1914 г. составлял порядка миллиона экз. После Первой мировой войны — националистическое, а с 1940 г. коллаборационистское издание.

С. 13. *Мне предписано...* — В оригинале, вероятно, ошибочно: «мне прислано».

С. 23. ...«*Великого Востока*» — «Великий Восток Франции» (*Grand Orient de France*) — крупнейшая из доныне существующих масонских организаций во Франции, основанная в 1773 г.

С. 24. ...*сбиры* — полицейские, букв. полицейские и судебные стражники, от *ut. sbirro*.

С. 27. ...*Тьер* — Луи-Адольф Тьер (1797-1877), французский политический деятель и историк. Несколько раз занимал пост премьер-министра, в 1871-1873 гг. — первый президент Третьей республики.

С. 27. ...*невинного человека заточила на Чертов остров* — Имеется в виду капитан французской армии, офицер Генштаба Альфред Дрейфус (1859-1935). В 1895 г. по ложному обвинению в измене был приговорен к пожизненному заключению и отправлен на Чертов остров во Французской Гвиане. В 1896 г., с появлением свидетельств, оправдывавших Дрейфуса, в прессе и обществе разразились горячие дебаты; преследование Дрейфуса воспринималось как воплощение французского клерикализма и антисемитизма. В 1899 г. Дрейфус был помилован, в 1906 г. полностью оправдан. Во время Первой мировой войны служил во французской армии, дослужился до подполковника и был награжден орденом Почетного легиона.

С. 27. ...*Лео Таксилю* — Л. Таксиль (М. Ж. Г. А. Жоган-Паже, 1854-1907) — французский антиклерикальный писатель, журналист, автор многочисленных сочинений, направленных против католической церкви. Прославился масштабной мистификацией, в ходе которой «обратился» в католицизм и разоблачал происки масонов; свои антимасонские сочинения наполнял самыми несусветными выдумками. В выходившем выпусками сочинении *Дьявол в XIX веке* (кн. изд. 1892-94), написанном совм. с врачом Ш. Хаксон под совм. псевдонимом «доктор Батейль» и близком к приключенческо-публицистическому роману, рассказывал, в частности, о тайном масонско-католическом обществе «Палладиум», члены кот. вынашивали планы достижения мирового господства; при этом ссылался на откровения раскаявшейся

«верховной жрицы» общества Дианы Боган. В апреле 1897 г. Таксиль выступил с саморазоблачением на лекции в парижском Географическом обществе. Текст выступления Таксиля в романе воспроизводит основные моменты этой лекции, включая упоминания о других мистификациях. Однако далее охваченный анти-масонским рвением Толстой рисует Таксиля видным посвященным и агентом масонов (!), провозглашает его выдумки истиной и ниже использует их для описания «сатанинских» масонских обрядов.

С. 30. ...убийство итальянского короля Гумберта — Король Италии Умберто I (1844-1900), приветствовавший расстрел демонстрации бедноты в Милане в 1898 г., был в отместку застрелен в Монце в 1900 г. итalo-американским анархистом Г. Бреши (1869-1901). Последний был приговорен к пожизненному заключению и, по официальной версии, покончил с собой в тюрьме.

С. 33. ...Лемми — Адриано Лемми (1822-1906), итальянский банкир и политический деятель, друг и соратник Дж. Мадзини, с 1885 г. руководитель Великого Востока Италии, сумевший объединить разрозненные масонские ложи страны. Беспроченные обвинения Лемми в католицизме и колдовстве восходят к Л. Таксилю и итальянскому антимасонскому публицисту Д. Маржотте.

С. 33. ...Мермийод — т. е. Гаспар Мермийод (1883-1891), деятель католической церкви, в 1883-1891 епископ Лозанны и Женевы, с 1890 г. кардинал.

С. 34. ...Кардуччи... «Гимн сатане» — *Gymn satanæ* (*K Сатане*) — опубликованное в 1865 г. под псевдонимом «Энотрио Романо» стихотворение итальянского поэт-антиклерикала Джозуэ Кардуччи (1835-1907), лауреата Нобелевской премии по литературе (1906).

С. 34. ...«Веселую Библию» — *La Bible amusante* (1882, в русском пер. *Забавная Библия*) — одна из наиболее известных анти-религиозных книг Л. Таксиля.

С. 37. *Mannagia* — Черт побери, проклятие (*ut.*).

С. 38. ...«Сен-Сир» — Сен-Сир — сокращенное название Особой военной школы Сен-Сир (*École spéciale militaire de Saint-Cyr*), основанной в 1802 г. академии, готовящей кадры для француз-

ской армии и жандармерии.

С. 47. ...*Melon* — котелок, от фр. *melon*.

С. 74. ...*a f... le camp* — пошла удобрять поле (фр.). (Прим. автора).

С. 76. ...*dépo* — здесь: вещи, оставленные на хранение, от фр. *depot*.

С. 85. *Corragio!* — Мужайтесь! (ит.).

С. 90. *Venga qui, venga qui!* — Иди сюда, иди сюда! (ит.). (Прим. автора).

С. 95. ...*крюйт-камеру* — Крюйт-камера, от голл. *kruit-kamer* (устар.) — корабельное помещение для хранения пороха и сигнальных ракет.

С. 105. ...*Саразатте* — т. е. Пабло де Сарасате (1844-1908), испанский композитор и скрипач-виртуоз.

С. 107. ...*чочары* — от ит. *ciociara*, простолюдинка, крестьянка.

С. 109. ...*trente et quarante* — «тридцать и сорок» (фр.), также «красное и черное», старинная карточная игра, распространенная в европейских казино.

С. 111. ...*lacryma Christi* — букв. «слезы Христовы», знаменитое неаполитанское вино.

С. 111. ...*spumante* — «дымящееся, искрящееся вино» (Прим. автор.).

С. 112. ...*payer le bouchon* — плата за затычку, пробку (фр.).

С. 114, *Per baccho* — Богом клянусь, неужели и т. п. (ит.).

С. 114. *Bona sera* — добный вечер (ит.).

С. 114. ...*Che sciagura di non aver* — Какая досада, что у меня нет ... (ит.). (Прим. автор.).

С. 116. ...карточка с вымышенной фамилией Лебюфон. — *Шут* — Обыгрывается прямое значение фр. *bouffon* — шут, буффон.

С. 117. *Courage* — здесь: мужайся (*фр.*).

С. 122. ...«капучино» — кофе с желтком яйца (*Прим. авт.*).

С. 127 ...*фацолетто* — платочек (*ит.*). (*Прим. авт.*).

С. 137. ...*Иоаким Гольдблат...* *Моиз Френкель* — Подчеркнуто еврейские имена и фамилии свидетельствуют, что автор, очевидно, разделял антисемитские взгляды всевозможных разоблачителей «жидомасонства». Однако в романе Толстой проводит их скрытно — например, изображая дрейфусаров масонами — и не опускается до откровенной юдофобии.

С. 140. *Je suis foutu!* — «Все пропало!», «Я погиб!» (*фр.*).

С. 142. ...*белль-сестре* — от *фр. belle-soeur*, золовка.

ОБ АВТОРЕ

Николай Алексеевич Толстой родился 20 февраля 1867 г. в семье гофмейстера и дипломата А. Н. Толстого (1830-1895), принадлежавшего к одной из ветвей аристократического рода Толстых. Закончил Пажеский корпус, в 1888 г. был назначен во 2-й Софийский гвардейский полк.

С детства мечтавший стать священником, Толстой в 1890 г. вышел в отставку, был рукоположен в сан и поступил в духовную академию. В 1891 г. через Турцию и Египет совершил путешествие в Святую землю. По возвращении сблизился с московскими представителями Католической церкви. В 1893 г. путешествовал по Европе. В 1894 г. официально перешел в католичество; по окончании духовной академии устроил у себя на дому тайную католическую молельню.

В том же году, в связи с публикацией его переписки в католическом журнале *Revue Benedictine*, был допрошен обер-прокурором Святейшего Синода В. К. Саблером и, опасаясь преследований, выехал через Париж в Рим.

В Риме был принят папой Львом III и благословлен на непубличную службу в Греческо-русинской коллегии, а позднее, несмотря на протесты российских властей — разрешение беспрепятственно служить в католических храмах.

В 1895 г., получив гарантии неприкосновенности, вернулся в Россию, организовал домашнюю церковь, где в начале 1896 г. об-

ратил в католичество В. Соловьева. В связи с новыми преследованиями скрывался в Петербурге, затем бежал в Финляндию и через Данию и Германию добрался до Рима, где получил назначение в парижский монастырь Успения Божьей Матери.

С публикацией коронационного манифеста Николая II, прошавшего самовольно уехавших из России, Толстой покинул Париж и вернулся в Москву, где встретился со своей женой Е. И. Гавриловой (1869-1912) и четырьмя детьми. Власти разрешили ему провести два дня в Москве, а затем велели отправляться в Нижний Новгород.

Толстой оказался между двух огней: жена подала прошение о разводе и лишении Толстого родительских прав, поскольку он якобы собирался обратить детей в католичество; католические патеры, по признанию самого Толстого, возмущались его возвращением в Россию и «обвиняли <...> чуть ли не ренегатстве».

В Нижнем Новгороде Толстой подписал отказную от детей и вскоре вновь выехал из России. Прибыв во Францию, он получил направление в парижский бенедиктинский монастырь на ул. Вано. В 1897 г. он женился на Е. И. Чельшевой (ок. 1869-ок. 1929), которая родила ему семерых детей. Вернулся в Россию после опубликования указа о свободе вероисповедания от 17 апреля 1905 г.

В 1907 г. выпустил в Москве сборник *Путеводная звезда христианина*, в 1908 редактировал журнал *Церковно-общественная мысль*, в 1910 выпустил в Париже *Сборник духовных песнопений*. В 1912 в Москве вышла книга *Всероссийский собор и церковная реформа* и роман *Цари мира*. Преподавал археологию в духовных школах, сотрудничал с рядом газет, с 1910 г. периодически публиковал в журнале *Вокруг света* фантастические очерки и рассказы. К числу его сочинений относятся также опубликованные еще в 1890-х гг. брошюры и статьи в журнале *Душевнополезное чтение* и автобиография *Исповедь священника*, напечатанная в 1914 г. в журнале *Голос минувшего*.

После революции 1917 г. Толстой жил в Боброве Воронежской губернии, с 1919 г. попеременно в Киеве и Одессе. В Киеве служил в греко-католической церкви Святого Сердца Иисуса. В 1929 г. выступил в Одессе свидетелем на процессе католического священника П. Ашенберга, был запоздало лишен сана за фактическое двоеженство и опубликовал в киевской газете *Пролетарская правда* собственное отречение от сана с осуждением «польского шовинизма» католического духовенства и эксплуатации «температуры масс».

Позднее работал на Кавказе и Урале переводчиком треста «Цветметзолото», в 1935 г. был вахтером студенческого общежития в Киеве. В 1935-1936 гг. выступал свидетелем по делу «Фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства на Правобережной Украине». Был арестован 14 декабря 1937 г., обвинен в руководстве униатским движением Украины; 25 января 1938 г. был приговорен Особым совещанием коллегии НКВД к высшей мере наказания и 4 февраля 1938 г. расстрелян. Сыновья Толстого Михаил и Валентин были расстреляны в 1937 и 1938 г.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.